

Всевышний избрал евреев для служения Ему. Повседневной практике этого служения и учит истинный - ортодоксальный - иудаизм.

Эта умная и весёлая книга приоткрывает завесу таинственности, окружающую мир иудаизма в современном обществе, правдиво и с добрым юмором повествует о его проблемах, и указывает на серьёзную опасность ассимиляции, грозящую еврейскому народу в сегодняшнем мире.

Автор — по образованию искусствовед, родился в Риге в еврейской семье, окончил школу и вуз и возвратился на ортодоксально-религиозный путь своих предков. Уже более двух десятилетий живет в Израиле, где продолжает изучать Тору, Талмуд и другие святы книги иудаизма. Автор трудов на иврите по аспектам еврейской генеалогии и демографии в свете Галахи, а также по истории и еврейскому мировоззрению. В качестве сотрудника института «Ам Левадад» был приглашён консультантом в раввинаты ряда городов.

АСАФ БАР-ШАЛОМ ПРИШЕЛЬЦЫ В ИУДЕЙСКОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

АСАФ БАР-ШАЛОМ

*Пришельцы в иудейском
зазеркалье*

Асаф Бар-Шалом

**ПРИШЕЛЬЦЫ
В ИУДЕЙСКОМ
ЗАЗЕРКАЛЬЕ**

*Очерки из жизни религиозных
евреев из бывшего СССР*

Иерусалим

5783 (2023)

В новой книге израильского писателя, пишущего под псевдонимом Асаф Бар-Шалом, приоткрывается завеса, окутывающая современный еврейский религиозный мир. Особое внимание в книге уделяется анализу внутреннего душевного мира религиозных евреев, психологии и проблемам прозелитов (*герим*) – неевреев, перешедших в иудаизм, а также смешанным бракам и движению по возвращению нерелигиозных евреев к соблюдению заповедей Торы (*кируву*). Книга в корне ломает предубеждения и клише, которые культивируют как некоторые адепты, так и антагонисты иудаизма.

Повествование базируется на документальном материале, и большинство его персонажей взяты из реальной жизни. "Побочной партией" проводит автор тему Холокоста в его родной Прибалтике, и пытается кропотливо разобраться в менталитете окружающих народов.

Большинство имён персонажей этой книги вымышлено. Некоторые детали повествования также являются художественным вымыслом.

Термины и понятия, используемые в еврейской религии, выделены курсивом и разъяснены в подстраничных примечаниях и в «Глоссарии» в конце книги. Для более подробного знакомства с этими терминами и понятиями еврейскому читателю следует придерживаться основных положений ортодоксального иудаизма.

По всем вопросам, связанным с книгой, просьба обращаться по адресу: am.levadad@gmail.com

Содержание

Разговор с отцом.....	5
Трагедия адвоката.....	7
Две грустные истории.....	10
Приключения прозелита Славика.....	11
Детство.....	11
Славик ищет евреев.....	15
Еврейское кладбище.....	16
В синагоге.....	18
Московская йешива.....	20
Скорый гиюр.....	21
Потомки амалекитян.....	22
Израиль, Бней-Брак.....	23
Иерусалим. Неудачный шидух.....	26
Семейная жизнь.....	29
Поблажка для жены.....	31
Начинающий лектор.....	32
Славик заважничал.....	34
Недостатки образования.....	34
Аптекарь прозелит Йонас.....	37
Злорадство и милосердие.....	41
Высокие люди.....	44
"Ложные грузины", или Homo vulgaris.....	46
Незванный секретарь.....	49
Булат с пакетом на голове.....	52
Свадьба Семёна.....	54
Homo vulgaris живёт по соседству.....	57
Человек искусства.....	59
Персонажи в литературе и в реальности.....	65
Прах былой дружбы.....	67
Соседи или враги.....	69
Нафтали читает судьбу Соломона.....	72
Чужое добро.....	75
Разговор над книгами.....	77
Сон Семёна.....	78
Долг банку и долг Всевышнему.....	79
Поездка в Ригу и Каунас.....	80
Драгоценные комментарии.....	91

Неожиданные претензии.....	92
Благо Талмуда.....	94
Важнейшая деталь.....	96
Все пути ведут в Сатмар.....	97
Иллюзия гиюра.....	107
Конец карьеры в Германии.....	115
Проблемы Гедальи.....	116
Возомнивший себя богоизбранным.....	119
Каков гиюр, таков и раввин.....	126
Искусство принадлежит народу.....	131
Новая жизнь Гавриэля.....	136
Удивительный Пурим.....	138
Семинар в Иерусалиме.....	145
Заложники менталитета.....	150
Чудеса Торы.....	151
Еврей-полукровка Алексей.....	158
Прозелитка Скайдрите.....	164
«Мои любимые латыши...».....	172
Лекция Скайдрите.....	177
Трагедия прозелитов.....	181
Отец.....	183
Искры еврейской святости.....	191
Отцовские уроки.....	197
Возвращение в колель.....	201
Лекция для пенсионеров.....	202
В ожидании Машиаха.....	206
Трагедия Максима, и не только его....	207
Ответ свыше.....	213
Иллюстрации.....	217
Глоссарий.....	220
Краткое интервью с автором.....	226
Обращение к читателю.....	230

Разговор с отцом

*(«Смешанный брак – предательство
памяти своих предков»)*

- Папа, - однажды спросил Семён у своего отца Максима, - а почему российские евреи в Израиле выглядят так забито?

- Смотри, сынок, их в России просто забили, смешали с говном. Нам в Латвии было гораздо легче, чем им. Ты помнишь, я работал в конструкторском бюро, в латышском коллективе. Я был там единственным не латышом, но сослуживцы уважали меня больше, чем друг друга. Хотя латыши в Советской Латвии формально не считались национальным меньшинством, по сути, и они были в каком-то смысле нацменами на своей собственной земле. Ведь русские преспокойно жили в Латвии, не владея латышским, а латышам без знания русского было никак не обойтись. Когда началась борьба за выезд в Израиль, для многих латышей евреи стали символом борьбы с советским режимом вообще и с проводимой им русификацией в частности. Активных антисемитов среди латышей я встречал нечасто, и то в основном только на улице. И всегда, когда давал им словесный отпор, они затыкались. А с русскими антисемитами мне приходилось ввязываться и в драки. Хотя ты учился в русской школе, мне удалось привить в тебе любовь к латышскому языку. На праздники у нас дома пели и идишские, и русские, и латышские песни. Я думаю, в этом плане мы были уникальной семьёй в Риге. Мы никогда не подделывались ни под русских, ни под латышей, но воспитывали вас и учили уважать окружающие народы. Ты помнишь, однажды, в конце правления Брежнева, в Юрмале на пляже к нам пристали какие-то молодые евреи из Москвы, очевидно, диссиденты или отказники, и стали агитировать за отъезд в Израиль? Мотивировали они это тем, что в СССР ущемляется еврейская культура. Я им возразил, сказав, что вот, мой сын знает еврейскую

азбуку. Они не поверили. Тогда я попросил тебя что-то написать им на песке. Ты начертал им еврейскими буквами: *МАМЭ*. Они запротестовали: «Нет на иврите такого слова!» А ты им: «Это не на иврите, а на идише: мама». Они смутились: «А мы идиша не знаем», - и, разочарованные, побрели дальше по берегу моря.

- Да. А помнишь, папа, что немного позже, при Андропове или Черненко, я сказал тебе, что хочу учить иврит. Тогда ты, без ведома твоей мамы, отвёл меня к её подруге Фане Марковне Зелигман, которая ещё с латвийских времён хорошо знала иврит. И я стал у неё заниматься. Почему ты это сделал? Ведь это противоречило твоим тогдашним воззрениям!

- Ты сказал мне, что чувствуешь, что именно иврит, а не идиш, является главным языком еврейской культуры. Без всякой связи с Израилем и сионизмом. И это прозвучало для меня логично. Но только с началом перестройки, когда появились первые правдивые статьи в "Огоньке", во мне наступил перелом, и я стал антисоветчиком, антикоммунистом и сионистом. Хотя с экономической точки зрения жить стало очень трудно: мой институт закрыли, а до того, как я нашёл - с трудом - работу дворника, я был безработным. Но в одном - и до, и после начала перестройки, - воспитание в нашей семье ничем не различалось: мы никогда не подделывались ни под русских, ни под латышей, но воспитывали в вас уважение и к собственному, и к окружающим народам.

- Да, - ответил Семён. - Но к смешанным бракам у нас в семье относились как к чему-то омерзительному. Я помню разговоры на кухне о твоём двоюродном брате Сашке, в которых его за то, что он женился на нееврейке, неоднократно (правда, за глаза) называли свиньёй.

- Одно не противоречит другому. Уважать другие народы, изучать их языки и культуру - это дело полезное и правильное. А вступить в смешанный брак - значит предать память своих предков.

Трагедия адвоката

(Ошибка судьбы раввината обходится дорого)

На перекрёстке улиц Бен-Йегуда и Кинг-Джордж стоял гладко выбритый мужчина лет сорока, в цветной кипе, среднего роста и средней полноты. Казалось, что он кого-то ждёт. Мимо проходила молодая солдатка и внезапно обратилась к нему с вопросом:

- Извините, где здесь поблизости какое-то увеселительное заведение, где можно приятно провести время?

Мужчина услышал в её произношении русский акцент. Он ответил:

- Этого я не знаю. Но у меня есть два билета на концерт сегодня вечером. Мой друг заболел, и поэтому один билет пропадает. Если хотите, могу вам подарить один билет.

- Спасибо, с удовольствием!

- Концерт начинается в семь тридцать. Я буду вас ждать в семь часов у центрального входа в концертный зал. Меня зовут Эйтан. Всего доброго!

- А меня - Лариса. До встречи, - ответила солдатка.

Мужчина направился к автобусу. Через полчаса он уже стоял у касс, купил два билета в третий ряд и поехал домой.

Эйтан был известным адвокатом. И богатым. Год назад он развёлся с женой, а найти новую пару никак не удавалось. Развод был связан с некрасивой, скандальной историей. После такого найти приличный *шидух*¹ особо не светило. Эйтан не хотел брать женщину с детьми, и вообще, хотелось кого-то помоложе. Но как и где её найти? Конечно, есть среди незамужних религиозных такие, которые "засиделись", но и те не особо хотят выходить замуж за разведенных - надеются, что им тоже, в конце концов, попадетя такой же, как и они, "засидевшийся" парень.

¹ *Шидух* – сватовство (иврит).

Однажды Семён выступал в синагоге с лекцией. Как обычно, на этот раз он говорил на одну и ту же свою наболевшую тему: смешанные браки, гои-обманщики, выдающие себя за евреев, порочный *кирув*, когда приближают к Торе неевреев; липовый гиюр... В общем, кто о чём, а вшивый о бане...

Гнилых помидоров в сторону Семёна не летело: публика собралась сефардская, и слушали с большим интересом. После лекции подошёл к Семёну мужчина.

- Здравствуйте, меня зовут Эйтан. Я понял, что вы признанный эксперт по проверке на еврейское происхождение. Мне нужна ваша помощь. Я уверен, что моя бывшая жена, - это мой второй брак, она на двадцать лет меня моложе - не еврейка. Помогите мне это доказать. Я не хочу платить ей алименты. И ещё она требует от меня триста тысяч шекелей на покупку квартиры. Что я, миллионер какой-то? Наш брак зарегистрировал раввинат. Если окажется, что она не еврейка, брак будет признан недействительным. И я выйду чистым из воды.

- По правилам, прежде чем регистрировать брак, в раввинате должны были проверить её происхождение, поскольку она приехала из бывшего Союза - такие правила в раввинате. Как же там регистрировали брак, если она нееврейка? - спросил Семён.

- Она приехала в Израиль по программе "Чернобыль" и поэтому училась в религиозной школе. У меня есть знакомый раввин-судья, заседающий в раввинатском суде. Я ему описал ситуацию: девушка одна в Израиле, без родственников, проверка её происхождения может затянуться на полгода или даже дольше, а мне надо срочно жениться. «Она же приехала по религиозной программе, - сказал я судье, - и совершенно точно, что в Киеве её уже проверили. А в религиозной школе в Израиле, наверное, даже перепроверили». Сердобольный судья мне поверил и выдал свидетельство, подтверждающее её еврейское происхождение. По благу.

- А, "Чернобыль"... Это тяжёлый случай... Там даже была "штатная художница", которая рисовала поддельные метрики гойским детям. Чтобы хотя бы чисто косметически "костюмчик сидел". Продвинуться в этом деле мы сможем только в том случае, если судья согласится аннулировать своё решение. Тогда мы сможем перенаправить её дело на экспертную проверку, - сказал Семён.

- Я с ним поговорю, - ответил Эйтан.

- Расскажите мне всё-таки, почему вы с ней развелись? - попросил Семён.

- Смотри, до свадьбы она была очень милая. А как только поженились, как будто сказала: стала меня дубасить, грубо оскорблять. Я не выдержал: ударил её телефонной трубкой по голове. Она вызвала полицию, и меня обвинили в рукоприкладстве. Полиция заставила меня покинуть квартиру. Потом был суд и развод.

«Это ведь уже практически превратилось в эпидемию! - подумал Семён. - Гойки с Украины через службы знакомств попадают в Израиль, выходят здесь замуж за евреев-недотёп, сразу после свадьбы начинают терроризировать своих новоиспеченных мужей, чтобы их спровоцировать; добиваются своего и вызывают полицию. Обкатанный, уже ставший обыденным рецепт. Потом суд, алименты, денежная компенсация пострадавшей супруге. А главное - гоюха остаётся в Израиле как бывшая супруга еврея. Ох уж эти еврейские слюнтяи, не учатся на чужих ошибках!»

Через несколько дней позвонил Эйтан:

- Раввинский судья слёзно просит не ворошить прошлое.

- А, понятно: не хочет портить свою репутацию, паскуда. Но и ты не лучше. Теперь терпи убытки. По заслугам! - Семён бросил трубку.

Две грустные истории

(Алименты нужнее мужа)

Семён был близко знаком ещё с двумя подобными случаями. Бездетная еврейская семья в Австралии усыновила нееврейскую девочку из Украины. В детстве ей сделали гиюр, а когда она выросла, сосватали с Ициком, русскоязычным *баал-тишувой*² из Израиля. Скоро после свадьбы она забеременела, но стала унижать и оскорблять своего мужа на чем свет стоит:

- Пидор ты гнойный, посмотри, на кого ты похож, облезлая ты собака!

- Милая, я же люблю тебя! И ведь у тебя в животе от меня ребёночек! Почему ты такое мне говоришь?

- Да пошел ты... Не хотела я от тебя ребёнка, хрен собачий!

Ицик не сдержался и ударил её в лицо. Из её носа потекла кровь, и она вызвала полицию. Теперь Ицик платит алименты, а свою дочь не видел ни разу. До боли хочется ему её увидеть - но суд постановил отклонить его просьбу и удовлетворить волю матери, запретившей ему встречаться с дочерью. Эта прозелитка вышла замуж вторично – за прозелита, и теперь эта пара – сатмарские хасиды.

Ещё об одном случае поведал Семёну его друг Нафтали. Хабадский *шалиах* (посланец) в Мурманске принял в еврейскую школу нееврейскую девочку. Она отучилась там восемь лет, а потом туристкой приехала в Израиль. Там она встретила еврея-недотёпу с высоким, похожим на женский, тембром голоса, и обворожила его. Он стал добиваться, чтобы она прошла гиюр (а для туристов это весьма сложно), запустил в дело знакомства. Раввинский суд был до слёз растроган тем, что эта

² *Баал-тишув* - еврей, который стал религиозным, вернулся к полному соблюдению заповедей иудаизма - религии своих предков.

красавица знала наизусть имена всех хабадских *адморов*³, и произвёл над ней гиюр. После свадьбы она стала каждый день напиваться; дубасила своего мужа-придурка и выгоняла его из дома. Вдобавок, она вызывала полицию и жаловалась, что это он её бьёт...

Исход и в этой истории тоже классический: развод, алименты, гоюха осталась в Израиле.

Приключения прозелита Славика

Детство

(«Были жидаы – не стало жидов. Какая тебе разница?»)

Как живописна украинская природа: леса, поля, реки, овраги! Сердце с упоением наслаждается её видами, звуками, запахами. Когда-то её называли житницей России. Недаром, когда Гитлер напал на Советский Союз, он планировал в этом раю расселить своих "арийцев". Да, он хотел к тому же сделать Украину главной житницей рейха. Но не тут-то было. Украина выстояла. Благодаря своим людям.

В детстве Славик не был непосредственным свидетелем мужества украинского народа – он родился в 1972 году, через 27 лет после окончания Второй мировой войны, но об этой войне много рассказывали в школе, в особенности на уроках истории. Ни сном ни духом он не мог представить себе, что через пятьдесят лет после его рождения будет ещё одна война, и место Гитлера в ней займёт Путин. Что Славик знал хорошо из своего личного опыта – так это то, что люди на Украине приветливые.

³ *Адмор* (ивритская аббревиатура от *адонейну*, *морейну*, *рабейну* – наш господин, учитель и наставник) – руководитель одного из направлений хасидизма.

Такие мысли крутились в голове Славика, высокого коренастого парня с круглым симпатичным славянским лицом. Только недавно он демобилизовался из армии, где служил в авиации. Лётчик! – мечта любой украинской девушки, к тому же непьющий и некурящий.

Да. Но при всём этом Славик был "правильным". Не похожим на своих сверстников. В лицо они ему ничего не говорили – боялись, а в душе посмеивались над ним: ему же любая баба повесится на шею, а он, видишь, правильный такой. И не курит, и не пьёт... В общем, не свой человек.

В армии Славик нашёл себе друга, с кем в свободное время разговаривал о духовном – о христианстве, о смысле жизни, о любви к ближнему. Когда все их сослуживцы гурьбой пошли делать татуировки с номером и названием их части, эти двое были единственными, кто игнорировал это мероприятие. «Какая от этого польза? Чтобы лет так через десять, встретив на пляже пацана с "родной" наколкой, обняться с ним? И это всё?» – рассуждали они.

Трогать Славика никто не осмеливался – ведь он был богатырь. Только однажды наглый кавказец в бане на него "наехал": что ты, мол, здесь, парень, в армии дурака валяешь? Голый Славик подошел к нему поближе, процедил сквозь зубы пару слов так, что у кавказца сердце в пятки ушло. С тех пор кавказец обходил Славика стороной.

Славик рос сиротой. Когда ему было 6 лет, его мать умерла. С тех пор его воспитывал отец. Когда Славик вспоминал о матери, на его глаза невольно навертывались слезы. С отцом отношения складывались не очень. Порядочный, человек долга, отец был советской закваски, и для него главным казалось вырастить сына в духе социалистической нравственности. А сына всё время тянуло в какие-то духовные дебри. Отец надеялся, что армия выбьет из Славика эту дурь. Не выбила...

Славик отслужил, демобилизовался, но поступать в институт не стал: не было тяги к какой-то определенной

профессии, да и аттестат зрелости у него был средний. Но надо было начинать жить. Ведь не висеть же на шее у отца.

На Украине люди смекалистые. Славик видел, как прокручивали колёса грузовика впустую во дворе одного днепропетровского завода – это чтобы получить деньги за якобы пройденный километраж – делали это, никого не стеснясь, на виду у всех. Так что, решил Славик, деньги не пахнут, и ну её на фиг, эту социалистическую нравственность!

В деревне у Славика с отцом был убогий домишко, куда они иногда наведывались – в основном, на летние каникулы. Славик у деревенских был на хорошем счету – ведь городской всё-таки, и они его уважали. Баба Надя, наполовину цыганка, никак не могла понять, почему Славик такой аскет. Всегда, когда Славик приезжал в деревню, она встречала его стандартным приветствием: «Эй! Опять один? А где подруга?» Баба Надя уже стала подозревать: а может, что-то неладное у него с этой, как её называют, ориентацией?

И вот свежий дембель Славик приехал опять. И напрямиком – в бабы-Надину хату. С непривычки она почти опешила, но цыганский норов быстро взял верх:

- Что, парень, за невестой пришёл?

- Баба Надя! Кончай свои глупости! Когда найдется достойная девушка, женюсь на ней. А блядовать – это, может, у вас, цыган, и принято, а мне не по нутру. Ты мне вот что скажи: мне свежая баранина-говядина нужна. Найдёшь быка – зарежешь, а я отвезу в город. Платить буду хорошо – не пожалеешь!

- Ты что, милоч, индивидуальной трудовой деятельностью заняться надумал?

- Что-то вроде этого.

- Приходи завтра, поговорим.

Так начался Славин бизнес: свежее мясо он регулярно стал возить в городской ресторан – там в нём была большая потребность. При Горбачёве люди стали постепенно раскручиваться, безынициативные

"совдеповские граждане" постепенно превращались в люмпенов, а разные там рестораны и "грибные кооперативы", наоборот, набирали силу. Здоровый капитализм улыбался на рассвете. И Славик нашёл здесь свою нишу.

В ресторане платили хорошо – в каждый своей заезд Славик зарабатывал вдвойне от суммы, которую платил в деревне за забитое животное. Только зачем Славiku столько денег? Ведь ему не на что было их тратить. И он решил купить "Запорожец" – чтобы приезжать в деревню за говядиной на своём личном автомобиле. Так он освободился от тягостных мыслей про лишние деньги. И почувствовал себя более крутым бизнесменом.

Но душой его ко всему этому на самом деле совсем не тянуло. Однажды, в очередной раз приехав в деревню, Славик пошёл бродить по окрестностям. Девственный лес отвлек его от привычных мыслей и как-то загнипотизировал. Не замечая своего пути, Славик оказался на речке. Но не в том месте, куда он обычно ходил купаться: ноги привели его туда, где раньше он никогда не бывал. Славик почувствовал что-то неладное – Баба-Яга сказала бы: «Здесь русским духом пахнет». Какие-то камни, обросшие мхом... Ба! На камнях надписи! Славик остановился в недоумении. Так это же могилы! «Почему мне никто не говорил, что здесь есть заброшенное кладбище?»

Славик стал вглядываться в надписи на камнях. И чуть не упал в обморок. На камнях было начертано нерусским письмом! Что это? Останки татаро-монголов? Турков? Неземной цивилизации? Фантастика какая-то. И это в нашей-то славянской глубинке, где, так сказать, и чёрт своей ногой не ступал!

Славик в душевном смятении попятился и пошёл прочь - скорее бы найти обратную дорогу. У него разболелась голова. Быстрыми шагами, переступая кочки, он шёл с одной только мыслью: поскорее бы узнать, что это за диковинка такая.

Усталый, Славик добрался до бабы-Надиного дома и постучался.

- Баба Надя, что там за кладбище у реки?! - выпалил он с испугом в глазах.

- Это, милоч, жидовское кладбище.

- А какими буквами там написано?

- Ну, жидовскими, наверное, - отмахнулась баба Надя.

- А откуда тут жидовское кладбище?

- Ну, жили тут жида когда-то давно. Были жида - не стало жидов. Какая тебе разница?

Славик ищет евреев

(- Ты умеешь читать по-еврейски?)

(- А кто меня научил?)

На этот раз Славик не стал дожидаться своего быка и в спешке уехал в город. Он погрузился в себя и был в каком-то необычно рассеянном состоянии. Когда дорогу перебежала лиса, он чуть её не задавил. Этот инцидент привел его в чувство. Славик стал немного отвлекаться от картин кладбища, сильно врезавшихся в его сознание.

Приехав домой и поднимаясь по лестнице, он столкнулся с соседом - своим ровесником. Славик помнил, что в детстве во дворе того дразнили "жидком".

- Привет, как дела? - с необычным оживлением воскликнул Славик вместо обычного сухого кивка. Сосед удивился.

- Привет, всё в порядке. А как у тебя?

- Боря, заходи ко мне, попьём чай! - Славик расплылся в улыбке.

Борису было неудобно отказаться, тем более, что дружелюбие Славика его заинтриговало.

Борис никогда раньше не был у Славика дома и стал с любопытством рассматривать интерьер. В комнате на видном месте висела большая фотография молодой смуглой женщины.

- Кто эта еврейка? – спросил Борис.
- Это не еврейка. Это моя покойная мама.
- Но у неё еврейское лицо.
- Разве? Украинки тоже бывают чернявые.
- Да, наверное...
- Послушай, - Славик оживился, - а ты умеешь читать по-еврейски?

- А кто меня научил? У меня только книга есть про еврейские погромы на Украине - я её за большие деньги купил. И дядя живет в Израиле. Ну, понятно, национальность в паспорте. Вот и всё еврейство.

- А можно посмотреть эту книгу?
- Конечно, зайдём ко мне.

Ребята переместились этажом выше. Славик взял в руки книгу, на обложке было написано: «Еврейские погромы 1918–1921. Издательство акц. общество "Школа и книга". Москва 1926» и стал её рассматривать. Жуткие фотографии жертв погромов периода Гражданской войны вызвали у Славика почти рвотное чувство. Тишину нарушил Борис.

- Посмотри на эти лица, - он показал пальцем на изображение трупов. - А теперь на эти, - он показал на атаманов погромщиков. - Искажённые лица трупов более одухотворенные, чем живые лица этих зверей.

Славик взгляделся внимательнее. Что-то верное в словах Бори, безусловно, было.

Еврейское кладбище

(«Где находится еврейская церковь?»)

Через неделю Славик взял чистую тетрадку и ручку и поехал в деревню. Не теряя времени, он напрямик пошёл на кладбище и, подолгу останавливаясь около каждой могилы, тщательно перерисовал надписи. Когда он это делал, то чувствовал, будто какая-то неземная сила нисходит на него, а он как бы переходит в другое

измерение, где нет ни времени, ни пространства. Ничего подобного в своей жизни он ещё не испытывал.

Несколько часов он провёл в тот день на кладбище. С тех пор его влекло туда, как наркотиком. Практически всё лето он бывал там, перерисовывая надписи с надгробий.

Наступила осень. Славик осознал, что не сможет всю жизнь провести за таким занятием. Нужно что-то предпринять. Кто расшифрует надписи, столь любовно перерисованные в его тетрадку? Славика осенило: надо найти еврейскую церковь. Но где она?

В городе Славик постучал в дверь Бориса.

- Привет! - Славик замялся. - Я тут... это... Ну, в деревне там... Где у папы хата... Там ну... еврейское кладбище, заброшенное.

Славик протянул тетрадку. Сейчас стало легче объяснять.

- Я перерисовал надписи на надгробиях. Что тут написано? Но ты ведь не читаешь по-еврейски, верно?

Борис бросил на тетрадку мимолётный взгляд.

- Боря, я с детства верю в Бога, и я чувствую, что в этих могилах что-то неземное. Где находится еврейская церковь?

- У евреев нет церквей, у нас это называется синагога. В нашем городе нет синагоги. Поезжай в областной центр.

Телефонная связь в украинской провинции работала не очень хорошо, но, приложив некоторые усилия, Славик всё-таки дозвонился до своей тётки в областной центр.

- Здравствуйте, тётя, это Славик. Давно не говорили. Как вы себя чувствуете?

- Грех жаловаться. Рада тебя слышать. Как папа?

- Спасибо, тётя, потихоньку. Тётя, вы не знаете, где в вашем городе еврейская синагога?

- Как же не знаю? Знаю! Это там, когда идешь в сторону базара. На Пасху я обхожу это место. Не знаю, так у нас принято. А что ты про это?

- Да так, ничего. Тётя! Можно будет у вас на несколько дней остановиться? Мне кое-какие дела надо уладить.

- Что ты спрашиваешь?! Всегда рада тебя видеть!

Славик быстро собрал вещички, взял еды на дорогу и помчался на вокзал. Поезд отходил через три часа.

В синагоге

(«В йешиве вы найдёте то, что ищете»)

Смутное предчувствие больших перемен охватило Славика, когда он приближался к синагоге. Осторожно приоткрыв массивную дверь, он вошёл. С десятков невзрачных старичков-сморчков с какими-то белыми простынями на шее молились на непонятном языке. Громко молился тот, кто стоял впереди всех, а остальные ему вторили. У нескольких на лбу были какие-то чёрные штуковины. В общем, зрелище оказалось хоть и необычным, но каким-то будничным, не вдохновляющим.

Славик простоял так с полчаса, а потом старички стали расходиться. На Славика никто даже не обратил внимания.

На следующее утро Славик опять пришёл в синагогу, и всё, что было вчера, с точностью повторилось и сегодня.

На третий день один старик без объяснений сунул ему в руки книгу. Славик раскрыл её; на титульном листе написано: "*Сидур* – молитвенник с русским переводом". Славик стал читать с самого начала, и так всё подряд; он почувствовал, что таким образом участвует в общественной молитве.

Так продолжалось несколько дней. Однажды в синагоге появился мужчина средних лет, в чёрном костюме и с благообразной бородой. Он выглядел явно не по-советски. "Иностранец", - подумал Славик. Когда закончилась молитва, мужчина подошёл к Славику.

- Здравствуйте! Я приехал из Израиля быть раввином этого города, - сказал мужчина, приятно улыбаясь, на чистом русском языке. - На самом же деле, я в своё время здесь родился. Чем мы заслужили честь вашего присутствия?

У Славика в сердце что-то ёкнуло. Он так расчувствовался, что ему захотелось расцеловать этого мужчину. Но, понятно, он держал себя в руках. Слова «раввин» он не знал, но понял, что это что-то важное.

Славик вкратце рассказал ему свою историю и протянул тетрадку с надписями. Раввин не поверил своим глазам. Было видно, что он удивлён до глубины души.

- Поезжайте в Москву, в *йешиву*. Там вам всё объяснят. Я вам напишу рекомендательное письмо, - и стал искать чистый лист бумаги.

- Но... - попытался возразить Славик.

- Я здесь только начинаю работать. И я один. К сожалению, сейчас ничем не смогу вам помочь. Может, через несколько лет... В *йешиве* вы найдёте то, что ищете. Как вас зовут?

- Слава Шадрин. А что такое *йешива*?

- *Йешива* - это учебное заведение, где изучают еврейскую религию, - раввин уселся писать письмо. Слава обратил внимание, что он писал справа налево какими-то нерусскими закорючками, но не такими, какие были на надгробиях. - Сколько вам лет?

- Двадцать два. Извините меня за вопрос, а какими буквами вы пишете?

- Это еврейский письменный шрифт.

Раввин закончил писать, вручил Славике письмо и сообщил адрес московской *йешивы*. Они тепло распрощались.

- Вот мой телефон. Держите меня в курсе, - раввин протянул Славике свою визитную карточку.

Московская йешива

(«- А чё к жидам намылился?»)

Через двое суток Славик уже был в Москве. До йешивы он доехал на такси. Слава назвал место назначения, и машина тронулась.

- Ты еврей? - спросил водитель. Славу передёрнуло. Ему показалось, что его спросили: - Ты член?

- Нет.

- Ну да, я вижу. А чё к жидам намылился? Что, работаешь там?

- Нет.

Водитель поднял на Славика недоумённый взор. Славику не хотелось продолжать разговор. Дальше ехали молча.

Йешива находилась за городом. Водитель высадил Славика у ограды какого-то дома отдыха. Славик сразу понял, куда надо идти - он устремился к зданию, возле которого стояли несколько парней в таких же маленьких чёрных шапочках на макушках, какая была и на голове у раввина.

Подойдя к ребятам, Славик, не говоря ни слова, протянул им раввинское письмо. Один из парней, едва взглянув на письмо, произнёс услужливо:

- А, сейчас. Идём со мной.

Они поднялись на второй этаж. Парень открыл массивную дверь в корпус, провёл Славика по длинному коридору, остановился у белой деревянной двери и постучал. Открыл им мужчина, внешним обликом напомнивший Славику уже известного ему раввина. Сопровождавший Славика парень протянул мужчине письмо:

- Вот, реб Шимон, к вам пришли.

Мужчина пригласил Славика войти и указал на стул, а сам стал внимательно читать письмо. Славику показалось, будто реб Шимона разбудили в середине послеобеденного сна.

Закончив читать, мужчина вежливо и учтиво, но не улыбаясь, стал задавать Славику разные вопросы. Этот разговор оказался не таким душевным и приятным, как беседа с раввином областного центра. В завершение разговора мужчина предложил Славику остаться в йешиве.

В йешиве Славику быстро объяснили основы веры: *Синайское Откровение, 10 и 613 заповедей*, избранность еврейского народа, *Будущий Мир*, наказание за грехи и воздаяние за исполнение заповедей. О различиях между иудаизмом и христианством Славику тоже в общих чертах объяснили. Славик не спорил - он только впитывал, как губка, новую информацию. К жительство-бытию в йешивном общежитии Славик привык быстро - помог армейский опыт.

Скорый гиюр

*(«Если Илья Муромец надел киту,
значит, Машиах уже на пороге»)*

Так прошло с полгода. Славик уже практически ничем, кроме своего роста, не выделялся среди большинства учеников йешивы. Он даже отрастил пейсы. И ребят со славянскими лицами здесь тоже было немало - у многих были отцы-неевреи. Ещё двое парней, как и Славик, проходили гиюр. У них матери были нееврейками, а отцы - евреями. Эти двое считались какими-то "нервными", всё время на что-то жаловались, и остальные над ними слегка посмеивались. Единственным "чистокровным" гоем здесь был Славик, но он выглядел идеальным студентом во всех отношениях.

Однажды с визитом в московскую йешиву приехал заграничный раввин. Он выступил перед всеми учениками - а их было около полусотни. Раввин говорил на иврите, а один из русскоязычных преподавателей переводил. Славик уже немного понимал на иврите, да и

раввин говорил очень эмоционально. Парень смотрел на оратора заворожено, не отрывая взгляда. На протяжении всей лекции взгляд оратора неоднократно встречался с глазами Славика. Каждый раз, когда это происходило, Славик ощущал исходящую от раввина необычайную душевную теплоту.

Когда закончилась лекция, раввин что-то спросил у своего переводчика, после чего поманил пальцем Славика. Славик подошёл, и раввин похлопал его по плечу.

- Глядя на тебя, я всё время думал: если Илья Муромец надел кипу, значит, *Машиах* (Мессия) уже на пороге. Реб Элияу мне рассказал, что ты проходишь гиюр. Я попросил его убыстрить этот процесс.

Уже через две недели Славика сделали обрезание, а ещё через месяц он окунулся в *микву*⁴ в присутствии трёх раввинов, и выбрал себе звонкое библейское имя - Эльяким, что в переводе с иврита означает "Всевышний воздвигнет". Так он стал иудеем.

Потомки амалекитян

(«- Так кто же потомки амалекитян?

- Сегодня неизвестно».)

На одном из уроков преподаватель рассказал ребятам о заповеди уничтожить народ амалекитян. Это было для Славика принципиально новым. Хотя он и отслужил в армии, и умел не давать себя в обиду, по натуре он был пацифистом. Да и от преподавателей в йешиве он не раз слышал: «Иудаизм - мирная религия». Что-то тут было непонятно.

- Реб Цви, как же Всевышний мог такое заповедать - убивать женщин и детей?

⁴ *Миквэ* (искаж. *миква*) – бассейн для ритуальных погружений в воду (иврит).

- А как ты думаешь: немцы, которые не только убивали еврейских женщин и детей, но и делали это к тому же изошрённо, зверски, - не заслуживают смерти? То же самое делали в древности амалекитяне.

- Немцы - потомки амалекитян? - спросил Славик.

- По некоторым сведениям, так вроде полагал Виленский Гаон, который жил задолго до Второй мировой войны. Как же оно на самом деле, мы не знаем.

- Так кто же потомки амалекитян?

- Сегодня неизвестно.

Вдруг Славик вспомнил фотографии из книги про еврейские погромы на Украине. Ему стало не по себе. Он захотел поскорее отогнать от себя страшные мысли.

Израиль, Бней-Брак

(На шабат к Геннадю)

Через полгода настал Славин черёд уезжать в израильскую йешиву. Руководство московской йешивы не "мариновало" ребят, а как только ученик был уже достаточно подготовлен, его посылали в Израиль. Славик оформил в израильском посольстве визу на ПМЖ, – его свидетельство о прохождении гиюра, подписанное московским раввинским судом, приняли без вопросов, – и стал собираться к отъезду. Без особых приключений, уже через три месяца, он был в бней-бракской йешиве.

Первым делом Славик купил себе приличную одежду по *харедимной* (строго ортодоксальной) моде – чёрные костюм и широкополую шляпу. В армии его приучили к форме, и вообще: зачем отличаться?

Славик уже привык штудировать Талмуд и на иврите общался сносно. Но в йешиве было мало русскоязычных студентов, и иногда на душе становилось тоскливо. Однажды Славика заметил бородатый еврей средних лет и подошёл познакомиться.

- Здравствуйте! Вы говорите по-русски, верно? Меня зовут Геннадий, я из Киева. Приятно познакомиться. Давно в Израиле? - и протянул руку.

- Месяц. Меня зовут Слава, - он запнулся. - То есть Эльяким. А сколько вы?

- Я два года. Не хотели бы вы прийти к нам на *шабат*? Я живу здесь недалеко.

- Большое спасибо, с удовольствием.

Славик обрадовался. Шабат в израильской йешиве проходил довольно скучно, да и еда была скудная. Несколько раз израильтяне приглашали его то на вечернюю, то на утреннюю трапезу; покушать там можно было, конечно, получше, но Славик ощущал себя там, как мухомор среди боровиков. Всё вроде бы хорошо, и люди как будто приятные, но его не покидало ощущение, что вокруг него - куклы, а он сам - лягушка. Душевный контакт с израильтянами не получался.

В Израиле религиозная эйфория Славика стала постепенно рассеиваться. Реальность оказалась не совсем такой, а вернее - совсем не такой, какой он её себе представлял, находясь в московской йешиве. Здесь, в Израиле, каждый жил своей жизнью. Славик считал себя идеалистом и думал, что попадёт в этакий земной иудейский рай таких же, как он, идеалистов. На самом же деле - так теперь стало казаться Славика - религиозные евреи идеалистов из себя только строили.

У Геннадия дома Славик впервые после приезда в Израиль почувствовал себя полноценным человеком. Хозяин дома, бывший инженер, и его супруга были интеллигентными украинскими евреями, недавно ставшими религиозными. Не израильский "хумус-тхина" и пластмассовые туземные лица, а вкусная еда по-советски, непринуждённый разговор по-киевски и водочка в умеренных количествах (даже обычно непьющий Славик здесь так размяк, что не смог отказаться от лёгкой выпивки) - всё это обильно смазало иссохшую за месяц Славину душу.

Через две недели Геннадий вновь пригласил Славика на шабат. На этот раз, помимо хозяев, там были их дочь - симпатичная чернявая девушка Инна и невысокий горбун Саша. Славик предположил, что Саша не был религиозным, потому что он не произносил благословений; видно, нацепил белую атласную *кипу*⁵ явно лишь из приличия. Во время трапезы Саша неуёмно пил, быстро дошёл до кондиции и стал громко распевать песню Юрия Антонова: "Море, море". Славик заметил, что Инна с трудом сдерживается, чтобы не прыснуть со смеха.

На утренней трапезе Саши, благо, уже не было, но пришла младшая дочь хозяев с мужем и дочкой-младенцем. Мужем оказался молодой парень, которого Славик встречал в московской йешиве в самом начале своего пребывания там! Взаимной радости не было предела.

После трапезы молодая чета ушла, оставив своего младенца на попечение Инны. Славик тоже остался: возвращаться в йешиву было лень, ведь всё равно в этом гостеприимном доме его ожидает ещё одна, третья субботняя трапеза. Инна укачивала плачущего ребёнка, но безуспешно. Тогда она взяла погремушку и стала трясти ею в такт. Младенец стал постепенно успокаиваться.

- Погремушка издаёт музыкальные звуки, поэтому она - *муциэ*⁶, и до неё нельзя дотрагиваться в шабат, - сказал Славик.

- Чтобы ребёнок заснул, можно, - парировала Инна. И Славик понял, что она, в отличие от своих родителей, ещё не стала по-настоящему религиозной.

⁵ *Kipa* (иврит) - ермолка, небольшой головной убор религиозных евреев.

⁶ *Муциэ* (иврит) - согласно еврейскому Закону, запрещённые в субботу предметы.

Иерусалим. Неудачный шидух

(«Мне не нравятся высокие. До них, как до жирафа, доходит...»)

По совету раввина, курировавшего Славика в бней-бракской йешиве, он перешёл в другую йешиву – в Иерусалиме. Так связь с Геннадием прервалась. Славик так и не успел узнать, что соседка Геннадия, молодая прибалтийская еврейка Либа, которая зашла к ним тогда в шабат побалакать, потом в течение целой недели кудахта: «Вот это парень у вас был! Красавец! Лётчик!» Можно было подумать, что если бы Либа не была замужем, она бы тут, сразу на месте, не раздумывая, пошла бы со Славиком под ху⁷.

В йешивах принято сватать своих студентов. Этим занимаются профессиональные свахи, и нередко в этой роли выступают жёны преподавателей. Как ни парадоксально, но Славика здесь не везло. Еврейские девушки, которым предлагали Славика, когда узнавали, что речь идёт о прозелите, отказывались выходить с ним на встречу. Никакие уговоры и описания его внешних данных и душевных качеств не помогали. Будто кем-то неведомым был поставлен невидимый шлагбаум. Приходилось встречаться только с прозелитками. Но среди прозелиток серьёзных девушек, готовых посвятить свою жизнь целиком и полностью Торе – а таково было Славино условие – оказалось немного, и пока ни одна из них ему по-настоящему не понравилась.

Славик вспомнил про Инну. Чернявая и симпатичная, она внешне напоминала ему его покойную мать.

«Наверное, то, что я пристал к ней тогда с погремушкой, произошло потому, что я хотел привлечь к себе её внимание. Как в том киножурнале, в котором мальчик, влюбившийся в одноклассницу, стал дёргать её

⁷ Ху^а - свадебный балдахин, под которым стоят жених и невеста в момент обряда бракосочетания.

за косы. А вдруг Инна уже стала религиозной?» - предположил Славик, и попросил сваху выяснить этот вопрос.

В квартире Геннадия раздался телефонный звонок.

- Здравствуйте, говорит *раббанит*⁸ Шнайдер. В нашей йешиве учится Эльяким Шадрин. У вас есть дочь Инна, верно? Она уже сделала *тиуву*, стала в полной мере религиозной?

- Да, да, слава Богу. Она уже всё соблюдает и очень усердно занимается в семинаре для религиозных девушек - *баалот-тиува*. А что такое?

- Понимаете, Эльяким хочет выйти с ней на *шидух*.

- Странно, но почему он сам мне об этом не сказал? Ведь мы знакомы. Ну да ладно. Как по мне, так это прекрасный вариант.

- Вы, конечно, знаете, что Эльяким – прозелит? - спросила раббанит. Возникла минутная пауза.

- Прозелит? - голос Геннадия немного дрогнул. Геннадий, воспитанный с детства в духе социалистического интернационализма, поначалу не имел никаких предубеждений против прозелитов. Но в бней-бракском *колеле*⁹ для пожилых русскоязычных студентов, где он учился, было несколько прозелитов. С одной стороны, они были как бы очень религиозными: и бороды с пейсами отрастили, и длинный лапсердак нацепили, но вот вели себя по-хамски. Как советско-трамвайное быдло. Это Геннадия настораживало.

- Нет, я не знал, что он прозелит. Мне надо подумать. До свидания.

Геннадий положил трубку и в замешательстве забегал вокруг стола, нервно бормоча себе под нос:

- Он прозелит? Не может быть! Только не это! Только не это!

Вошла супруга Геннадия.

⁸ *Раббанит* (иврит) – жена раввина.

⁹ *Колель* (иврит) – йешива для женатых евреев.

- Гена! Что с тобой? Ты сошёл с ума? - спросила она.

- Славик – прозелит! И он хочет жениться на нашей Инне!

- Ну так что? Успокойся. Да хоть гой. Надо же за кого-то выходить замуж. Спросим саму Инну.

Пришла Инна после занятий. Ей вкратце изложили суть дела.

- Мне не нравятся высокие. До них, как до жирафа, доходит, - отреагировала Инна. Инцидент был исчерпан.

У Славика на душе было тоскливо. Порой мучило ощущение, что никто не обращает на него внимание. Еврейские лица, которые мельтешили перед его носом, казались постными. Доставляла страдание навязчивая мысль, что окружающие тайком над ним смеются; что за бородой, которую он отрастил, они видят его нееврейское лицо. «"Собачья морда!" - это, наверное, то, что они обо мне думают!» - эта неприятная мысль то приходила, то уходила.

И изучение Талмуда стало Славу утомлять. Он понял, что даже проживи триста лет, он всё равно весь Талмуд не пройдёт. Спасительная мысль пришла с Небес: «Ты ведь в прошлом увлекался христианством, так изучай Библию!» Так Славик постепенно увлёкся Книгами Пророков с комментариями великих еврейских мудрецов. Это показалось ему гораздо интереснее, чем Талмуд; и плюс к тому - учило многим сермяжным мудростям. Но он старался особо не афишировать такое занятие – ведь на йешиботников, которые вместо Талмуда посвящают своё основное время изучению Письменной Торы, смотрят в йешиве косо, как на дурачков. Славик изучал Пророков в свободное время.

Семейная жизнь

(«Дети должны знать правду»)

Наконец, Славик женился. Его избранницей стала девушка-прозелитка из Ленинграда, медсестра, и они поселились в религиозном городке неподалёку от Иерусалима. Вскоре их сосед заболел тяжким неврологическим заболеванием, и жена Славика, Рут, оказалась единственной медсестрой, которая согласилась подпольно колоть соседу экспериментальные инъекции, которые очень советовали врачи – как единственную надежду больного, ещё молодого парня. Но это лекарство пока еще не получило разрешения Министерства здравоохранения, и ни одна медсестра не хотела жертвовать своей шкурой.

Рут научила Славика разным медицинским премудростям: например, как по особому блеску глаз определить, принимает ли человек психотропные средства. А ещё Рут точно знала (так, по крайней мере, ей казалось), кто хороший врач, кто похуже, а кто вообще дипломированный сапожник. Когда популярный в городе доктор, медсестрой которого Рут работала, не поладил со своей больничной кассой, и со всем своим персоналом перешёл в другую, Рут осталась на старом месте. Теперь, из уважения, её перевели в центральную поликлинику.

Когда почти все русскоязычные *аврехи*¹⁰ города, члены той же больничной кассы, скопом последовали призыву модного врача и вместе с ним перешли в другую кассу, Славик недоумевал: «Что же это получается: у всех русскоязычных аврехов нет элементарного самоуважения?» В глубине души он их презирал.

Жена работала, а Славик перешёл в новый колель. Этот колель был частью русскоязычной йешивы, которая объединяла собственно йешиву для неженатых студентов и несколько колелей для женатых, отличающихся друг от

¹⁰ *Аврех* (иврит) – женатый студент йешивы.

друга программой обучения и размером стипендии. Все учились под одной крышей. Новый колель привлёк Славика тем, что в одном из его «отделений» платили стипендию в двукратном размере. И «отделение» было особенное: там не просто весь день просиживали штаны за изучением Талмуда, но и давали профессию - готовили лекторов, специалистов по *кируву* (приближению евреев к Торе). В этой йешиве Славик познакомился с Семёном, специалистом по истории. Раввины иногда обращались к Семёну за бесплатными консультациями. Славик предполагал, что именно это, наверное, придаёт Семёну уверенность в себе.

Семён был невысоким узкоплечим евреем с интеллигентным лицом. Со спины можно было подумать, что это подросток. Сдержанно-интеллигентный в обращении и тихий в поведении, Семён был на удивление независим в своих отношениях с руководством колеля. Славика нравилось с ним беседовать.

- Семён! Я хочу поменять фамилию.

- А что такое?

- Мои дети спрашивают: «Почему у нас в классе у всех фамилии типа Фридман или Лернер, а у нас какая-то странная?» Мы с женой скрываем от них, что они дети прозелитов. Даже когда у моей тётки, прозелитки, дочери нееврейки и еврея, умер отец, она сидела *шиву* - справляла траур, будто она еврейка по рождению. Чтобы дети ничего не заподозрили.

- Ну, тётка неправильно поступила. Нарушила Галаху, иудейский Закон. И вообще, чего вы стесняетесь? Дети должны знать правду. И чем раньше, тем лучше. Чем позже они узнают, тем больший шок у них будет. И фамилию менять не надо - от своей тени не убежишь.

Поблажка для жены

(«...Русских евреев вы эксплуатировать не будете!»)

В один прекрасный день руководство йешивы сообщило студентам, что отныне, по требованию спонсоров, жёны аврехов будут обязаны раз в неделю посещать специальные занятия для женщин в Иерусалиме. Семён возразил:

- Но моя жена два месяца назад родила. К тому же, её всегда укачивает в автобусе - рвотная болезнь. У неё нет никакой возможности приехать в Иерусалим, даже раз в неделю.

- Я поговорю с госпожой Левиной, нашим непосредственным куратором, "правой рукой" американских спонсоров, - пообещал глава колеля.

Через некоторое время он с печальным выражением лица сообщил Семёну:

- Госпожа Левина ни в какую не согласна дать твоей жене поблажку. Она считает, что тогда и все остальные начнут клянчить. Если хочешь, поговори с ней сам. Вот номер её телефона.

Славик был свидетелем, как Семён вышел во двор, снял трубку телефона-автомата и набрал номер. Поначалу он говорил спокойно, но постепенно всё более взвинчивался, а в конце заорал:

- Вы можете продолжать эксплуатировать африканских негров на своём американском континенте, а русских евреев вы эксплуатировать не будете! - и бросил трубку.

«Вот это сила!» - подумал Славик.

После этого инцидента госпожа Левина потребовала, чтобы Семёна выгнали из колеля, а от Славика потребовали, чтобы и его жена тоже посещала женские уроки. Прежде её освободили от этой нагрузки ввиду того, что она медсестра. «Всё из-за этого гордеца Семёна! Постоянно лезет на рожон! Не понимает, что всем остальным мосты рубит!» - с досадой думал Славик.

Начинающий лектор

(«Надо попытаться разбудить еврейские души»)

Рава Блоха, главу колеля - молодого, невысокого, грузноватого, смуглого авреха из Аргентины - очень заботило, чтобы студенты как можно раньше начинали лекторскую практику. Славику он предложил выступать раз в неделю перед русскоязычными старушками в близлежащем городе, за небольшую плату.

- Я буду давать лекции по Пророкам! - заявил Славик.

- Ты сам решаешь! - ответил рав Блох.

К своему удивлению, Славик быстро почувствовал, что он хороший оратор. Бабушки слушали его с упоением. «Какой у него шарм!» - не переставали повторять они.

Слух о новом лекторе начал распространяться. Славика стали приглашать в новые места, и уже не за умеренную, как говорится, плату, а по полной ставке. Теперь своих "бабушек" (так он их называл) Славик захотел оставить – он ведь выступает перед битком набитыми аудиториями, а здесь всего лишь с полдюжины старушек, чей мозг в разной степени уже разрушен - так ему казалось - старческим маразмом. Своей тупостью и упрямством, с которым они задавали на лекциях в разных вариациях одни и те же вопросы, эти старухи Славику уже порядком поднадоели. Ну, и плата чисто символическая. Но Славик не мог найти себе замену.

Встретив на улице Семёна, Славик предложил:

- Послушай, я очень загружен лекциями; ты ведь знаешь, меня и туда, и сюда приглашают. Надо ездить, а машины нету. Разрываюсь. Вот сейчас и на телевидение пригласили. Ты бы не мог помочь мне - разгрузить немного? Есть урок раз в неделю: советские бабушки, бывшие научные работники и деятели искусств, в еврействе ни в зуб ногой. Атеистки. Некоторые из них всё ещё придерживаются коммунистических взглядов. В

Израиль приехали, наверное, из экономических соображений – дожить старость в нормальных условиях. Ты ведь много знаешь; может быть, сможешь в чём-то их убедить? У меня не получилось. Мне платили символически, а тебе вообще ничего не будут, будешь работать бесплатно.

- Хорошо, я согласен. Они, хоть и атеистки, но у них еврейские души. Надо попробовать эти души разбудить, - ответил Семён.

Славика внутри передёрнуло: «У этих старух-коммунисток - еврейские души?! Ну, теоретически, может быть, они у них когда-то давно и были. Но почему это мне никто не скажет, что и я родился с еврейской душой? Не ободрит меня, не сделает комплимент? Ведь не случайно же меня вдохновило еврейское кладбище!»

Славик очень гордился оказанным ему предпочтением: когда в одной йешиве решали, кого пригласить прочитать курс лекций по Пророкам - его или известного русскоязычного раввина с тридцатилетним лекторским стажем, выбор пал на Славика. «Я показал ему, кто лучший специалист по Пророкам. Пусть знает, "светило", где раки зимуют!» - с удовлетворением думал Слава.

Другой известный русскоязычный раввин предложил Славику писать в его журнал, весьма популярный, статьи по Пророкам. Хотя за это платили гроши, Славик с радостью согласился – в конце его статей издатель всегда указывал: «Автор - раввин Эльяким Шадрин».

«Теперь я и лектор, и раввин, и на телевидение меня приглашают. Чем не головокружительный успех? А ведь всё могло быть иначе - и возил бы я по сей день говядину от бабы Нади до ресторана и обратно...».

Славик заважничал

(«Все гои – одинаковые антисемиты»)

Пришёл черёд и Семёну обратиться к Славе за консультацией:

- Славик! Я написал по-русски статью, и в ней разоблачаю нацистского преступника, из которого сегодня некоторые хотят сделать героя. Я не знаю, стоит ли её перевести на английский и иврит. Ты не мог бы её прочитать?

- Ты знаешь, я ведь сейчас и сам пишу статьи, и у меня нет ни минуты свободного времени. А вообще, все гои - одинаковые антисемиты, и ты их не исправишь. Не надо было вообще писать эту статью.

- Послушай, но я ведь тебе никогда не отказывал в консультациях. Хотя и у меня со временем совсем не просто. Что ты заважничал?

- Это о ком? Об очередном "герое Украины"? Не хочу я об этом. Всё это российская пропаганда. Посмотри: на Украине два села рядом - одно русское, а другое украинское. В русском - полная разруха, все спилилось, а в украинском - всё ухожено, цветёт. Зачем ворошить прошлое? Кому от этого польза?

Вскоре Семён с семьёй переехал в тот город, где жил и Славик. Однажды Слава увидел Семёна, идущего по улице вместе со своей женой. Когда они приблизились, Славик узнал в ней Инну. И моментально опустил глаза. На душе почему-то заскребли кошки.

Недостатки образования

(Лекция про Амалека)

Несмотря на свой головокружительный успех, Славик догадывался, что для уровня профессионального лектора ему не хватает общего образования и эрудиции, но это несколько ему не мешало, потому что и остальных русскоязычных харедимных лекторов только с натяжкой

можно было назвать профессиональными. Однако Семён его подзудил:

- Серьёзным изучением Книг Пророков среди русскоязычных почти никто не занимается, - вот ты и стал светочем. Да и выглядишь эффектно, а для лектора это немаловажно. А если тебе начнут задавать каверзные вопросы по общим темам, например: "Почему Всевышний допустил Катастрофу?" - что тогда? Будешь отговариваться поверхностными дежурными ответами, которым тебя научили в колеле рава Блоха?

Не найдя быстрого ответа, Славик купил словарь иностранных слов и диск с компьютерной энциклопедией - ведь пользоваться Интернетом раввины не рекомендуют. И стал заниматься самообразованием. Однажды энциклопедия не смогла ему помочь, и он обратился к Семёну:

- Сёма, известно или неизвестно, какой народ сегодня считается потомками амалекитян? Есть версии на эту тему? Меня попросили на этой неделе дать лекцию про Амалека.

- Горские евреи называют армян "аманами". Ты ведь знаешь из «Мегилат Эстер», что Аман был потомком Амалека. Почему они так их называют? Потому ли, что у них есть традиция, согласно которой армяне – потомки амалекитян, или такой традиции нет, - не знаю. Может быть, это просто потому, что армяне были главными экономическими конкурентами горских евреев на Кавказе. Или же тут сыграло роль фонетическое сходство: «аман - армян». Принято считать, однако, что сегодня точно не известно, какой народ является потомками Амалека, - ответил Семён.

Славик обрадовался: такой ответ отогнал его подспудный страх, злой голос внутри, который говорил ему: не удивляйся, если в один прекрасный день узнаешь, что ты - потомок Амалека!

Через несколько дней Славик обмолвился на лекции, что армяне - потомки Амалека. Этим он немало удивил аудиторию. Раввин, курирующий лекционный

процесс, узнав об этом, был возмущён: «Это же вопиющий непрофессионализм!» - и Славика уволили.

Прошла неделя, и Славик зашёл в книжный магазин. Он периодически туда заглядывал в надежде, что кто-то выпустил новые комментарии к Пророкам. Его взгляд скользнул по книжным полкам и остановился на книжке в глянцевой цветной обложке. Славик прочитал название на иврите: "Еврейские хроники о погромах времён Богдана Хмельницкого".

Сердце Славика застучало быстрее. Он принялся листать книгу, но строчки стали скользить в глазах. Он решил взять себя в руки и хотя бы один абзац прочесть от начала до конца:

«Многие святые еврейские общины по ту сторону Днепра... которые не смогли убежать, были убиты необычной и страшной смертью: с некоторых живьём содрали кожу, а мясо бросили на поедание собакам; у некоторых отрубили руки и ноги, и проехали по ним на телегах, запряжённых лошадьми; некоторым сделали множество ран и бросили на длительную мучительную смерть. Многих похоронили заживо, зарезали детей на коленях у матерей; многих детей разрывали на куски, как рыб, у беременных разрезали живот, вытаскивали плод и бросали его на глазах матери; у некоторых разрезали живот, клали туда кошку, зашивали живот и отрубали руки... вешали детей на грудях их матерей, некоторых детей насаживали на шампур и жарили на огне и подносили их матерям, чтобы они их покушали...»

Славик почувствовал, что теряет сознание.

В ту ночь Славик не мог заснуть. Тяжёлые думы мучили его. «Да, все неевреи - антисемиты. Но такая звериная, фантастическая жестокость - это явно признак Амалека. Ведь убивать можно тоже по-разному. Так что же получается, я, украинец по происхождению - потомок Амалека? А может, эти хроники поддельные, и евреи всё это придумали? или сильно утрировали?» - пытался успокоить себя Славик.

Аптекарь прозелит Йонас

(«Письмо в яму на опушке леса»)

В городской аптеке работал знакомый Славика, прозелит-литовец по имени Йонас, молодой *харедимный* парень с высшим образованием, полученным в Литве. Славик, человек без профессии, немного ему завидовал. Но успокаивал себя: «Ведь не фармацевтом же он там работает, а всего лишь раскладывает лекарства по полкам». Йонас, в отличие от Славика, ходил без шляпы, имел внушительный чуб, смартфон в кармане, а кипу носил не бархатную, как все, а хлопчатобумажную - как *йеке* - выходцы из Германии.

- Лабас¹¹! - поприветствовал его Славик.

Несколько слов по-литовски Славик знал ещё из армии – с ним в части служило несколько литовцев. Все, как он помнил, бандиты. Впрочем, как и кавказцы, и разные там «чурки среднеазиатские», как Славик их называл.

- Лабас-лабас! - с довольным видом ответил Йонас. Прибалтийцы любят, когда с ними разговаривают на их языке. Хотя по-русски Йонас говорил без акцента. Что-то во внешнем виде Йонаса Славика показалось необычным. Ба! Йонас сбрил бороду. С чего бы это?

- Йонас, где твоя борода? - спросил Славик.

- Вши, - сухо ответил Йонас.

Славик был уверен, что Йонас шутит, хотя на его лице не было ни тени улыбки.

- Ладно. Что нового? – спросил Славик.

- Читал открытое письмо Руты Ванагайте? Наткнулся на него в фейсбуке.

- У меня нет интернета, - ответил Славик.

- Вот, посмотри!

Йонас протянул ему смартфон. Славик стал читать:

¹¹ Лабас – Доброго! (литовское приветствие).

«Письмо в яму на опушке леса

Дорогой убитый безымянный еврей, лежащий в яме на телах других убитых! Я часто думаю о тебе. Думала, когда писала книгу, думала теперь, когда в Литве отмечался День памяти жертв Холокоста, зачитывались имена жертв, и за тебя молился сам папа римский.

Как ты погиб? Как ты лежишь там, в той яме на опушке леса? Я прочитала в одном протоколе эксгумации: «Жертвы свалены в ямах в 3-4 слоя, большинство тел съежились, руки у глаз или у головы, другие обнимают тела детей».

А ещё я слушала видеоинтервью с одним из еврееубийц, солдатом Национального трудового охранного батальона. «Как вы расстреливали евреев?» – спросил его журналист. «Ну, идут евреи вереницей, тихие, как овечки, потом возле ямы раздеваются до нижнего белья, ложатся лицом в землю на других расстрелянных, а если отец с ребёнком, то ложатся оба и отец обнимает ребёнка». «Так как стреляли: сначала в отца или сначала в ребёнка?» – спрашивает журналист. «Мы не звери какие-нибудь, чтобы на глазах у отца стрелять в ребёнка. Конечно, сначала в отца». Так что не были зверями наши литовские еврееубийцы. Они люди. Работа у них была такая. Как пишут историки Центра геноцида: «Нацистам удалось вовлечь некоторых солдат литовского батальона в убийства евреев». «Неприятная, отвратительная это была работа», – заканчивает своё интервью Юозас, солдат батальона.

«Удалось вовлечь в геноцид евреев и Йонаса Норейку», - пишут те же историки. Потому что и Норейке, наверное, было неприятно, когда 5 августа 1941 года было вынуждено уйти в отставку правительство Литвы. Да, Норейка в тот же самый день вступил в должность начальника Шяуляйского уезда. Конец литовского правительства, пишут историки, «вполне вероятно, доставил Норейке тяжёлые переживания и настроил против нацистов». Но ведь правительство ушло в отставку и не сказало своим подчиненным, что делать. Так что все продолжали работать. Переживания переживаниями, а работа работой. Правильно задаёт вопрос защищающий честь Йонаса Норейки профессор

музыки: «Является ли должность в оккупированной стране только лишь подлежащим осуждению шагом – коллаборационизм с оккупантом? Ведь приходится подчиняться его порядку». Порядок был хороший. Немецкий. Такому нетрудно подчиниться, тем более, что гражданской администрации Литвы было разрешено распределять имущество евреев: после того, как часть отдана немцам, забирать его не только для своих нужд, но и для нужд жителей города, уезда или волости. Словом, можно было проводить справедливую социальную политику. Евреи ведь разбогатели, угнетая литовцев, не так ли? Так писал сам Йонас Норейка в своем произведении «Подними голову, литовец».

В 1941-1944 годах порядок в Литве был такой хороший, что в администрации или полиции многих городов даже не было немцев. Не нужно было. Были распоряжения от гебитскомиссара, и всё. Распоряжения идентифицировать и изолировать всех евреев. Найти место для гетто, обнести его оградой, огражденных охранять, а всё оставшееся имущество перенять и разделить самим. Евреи ещё были живы, а в литовских городах и местечках трудились комиссии по распределению имущества. Возможно, комиссия, а не сам Йонас Норейка выделил себе еврейский дом и поселился в нём (т. е. «был вовлечен в заселение»). Семья того еврея, скорее всего, ещё была жива, распоряжением Норейки была размещена в гетто в Шяуляе или в Жагаре. Распоряжения расстрелять – другим литовцам, не Норейке – будут даны позже, несколько недель или месяцев спустя.

Да, Норейка работал во имя Литвы. В этом нельзя сомневаться. Он, как и его руководитель, лидер LAF (Фронта активистов Литвы) Казис Шкирпа, искренне считал, что для Литвы будет лучше, когда в ней не останется евреев. Однако немцы велели разобраться не только с евреями. Нет, их аппетиты были больше. Когда, после полутора лет работы Йонаса Норейки, в феврале 1943 года литовской администрации было велено мобилизовать 30000 мужчин в подразделения СС – а вот тут уже нет! Литва запротестовала. Йонас Норейка, смелый мужчина и патриот Литвы, как и многие другие

его коллеги, отказался проводить мобилизацию. И мобилизация провалилась, потому что без помощи литовской администрации и полиции нацисты ничего сделать не могли: в Литве у них было всего-то несколько сотен своих людей, своих полицаев. Нацисты могли только поугатать: выслатать протестующих в Штутгоф. Правда, немалая часть этих протестующих – бывшие лояльные сотрудники, исполнители геноцида евреев. Правда, Йонас Нореика получил в Штутгофе свой статус почётного заключённого – немцы всё же учли всю его деятельность в 1941-1942 годах.

Знаешь ли ты, убитый литовский еврей, что в Литве всего несколько памятников виновникам убийств: кроме мемориальной доски Йонасу Нореике и названной его именем школы, всё ещё стоит памятник еврееубийце Йонасу Криштапонису, его именем названа площадь, всё ещё стоит памятник руководившему убийствами в Каунасском VII форте Юозасу Барзде. В Вильнюсе, рядом с горой Гядиминаса, всё ещё существует аллея большого друга нацистов и врага евреев Казиса Шкирпы. Ты, расстрелянный литовский еврей, лежащий в одной яме с тысячей других евреев, подожди еще немного. Еще не пришло время нам, литовцам, сносить памятники и срывать мемориальные доски.

Всего только 75 лет прошло после твоей гибели. Подожди ещё лет двадцать. Крепко держи в своих объятиях кости своего ребёнка. Ведь тебе повезло: ты не видел, как он умирал. Мы, литовцы, не звери».

На лбу у Славика появилась испарина.

- Йонас, к тебе никогда не приходила мысль, что литовцы - потомки Амалека?

- Ты чё, рехнулся? - опешил Йонас.

- Разве ты не понимаешь? Ведь если верить Ванайте, массовое убийство евреев в глазах литовцев вообще не является преступлением. Как будто задавили тараканов. Разве это не похоже на амалекитян?

Йонас поднял на Славика недоумённый взор:

- Если на то пошло, тогда уж украинцы - скорее амалекитяне, чем литовцы.

- А может, и те, и другие?

- А какая тебе разница? Ведь мы с тобой уже давно как евреи. К нам это не относится.

- Семёна знаешь? Он мне сказал, что в *Мехильте*¹² написано, что амалекитянам запрещено делать гиюр. Получается, что если мы "амалеки", то наш гиюр недействителен, - ответил Славик.

- Есть теория, согласно которой славяне и балты произошли от единого пранарода - балтославян. Но к славянам относятся также и болгары - единственный народ в мире, который спас всех своих евреев (кроме македонских) во Вторую мировую войну. Ну да, есть ещё и датчане, переправившие всех своих евреев в нейтральную Швецию. Можно предположить, что хотя бы болгары и датчане - точно не амалеки. А вместе с ними - и остальные славяне, и балты. Хотя если немцы - амалеки, тогда непонятно, почему датчане - не амалеки: ведь и те, и другие - германцы. В общем, тёмная эта тема.

Злорадство и милосердие

(«Не назначайте прозелита...»)

Семён давно уже поступил на учёбу в колель рядом с домом, и был очень доволен. Ему предлагали поступить на работу экспертом в раввинский суд, но он отказался: не хотел жертвовать изучением Торы. Иногда Семён со Славиком встречался в синагоге, где оба молились *маарив* - вечернюю молитву. В таких случаях Славик иногда делился с Семёном свежими новостями.

На сей раз это была откровенная "чернуха".

- Семён, ты слышал, что в Тель-Ционе поймали *хабадника-сойфера*¹³, который оказался педофилом? Раввины объявили все его *мезузы* некашерными,

¹² *Мехильта* - раздел Устной Торы.

¹³ *Сойфер, сойфер* (иврит) - переписчик еврейских сакральных текстов.

непригодными. А в Кирьят-Сефере поймали Курумбекова, который, как оказалось, в течение нескольких лет садистски избивал жену. Зря с ним все цацкались, даже деньги собрали, чтобы он смог купить квартиру. Мне почему-то никто не помог купить квартиру! Бедняжка его жена, сколько натерпелась. Очевидно, клинический психопат. Кстати, у него отец татарин. А, почти забыл. Прозелит Петя Кривоногов дал в дыню своей жене; сосед услышал крик и вызвал полицию. Теперь он под домашним арестом. А вообще он безобидный. Просто нервы сдали. Говорит, жена достала. Он хочет переехать в другой город, а она - нет.

С Петей Кривоноговым, прозелитом из Москвы, высоким голубоглазым мужиком с рязанским лицом, Семён был знаком. При встрече с Семёном Петя всегда вежливо здоровался и загадочно улыбался. В глазах Семёна выглядело очень странным то, что Петя регулярно то отращивал, то подстригал бороду. Среди *харедимных* евреев так делать не принято - однажды отрастив бороду до определённой длины, обычно её уже больше не укорачивают. На основании этого Семён сделал предположение, что Петя, возможно, страдает каким-то неврозом. А в синагоге Петя молился громко, распевая молитвы монотонным речитативом, непривычным для еврейского слуха. Семён предположил, что так, наверное, молятся в православной церкви.

Семён вспомнил, что уже несколько месяцев Петю не видел. Прервав свои размышления, Семён раздражённым голосом обратился к Славику:

- Этот еврей, видите ли, сделал то, а тот - это! Что ты смакуешь? А вот Петя у тебя - безобидный. Может быть. Но вот сынок у него гадкий. Он единственный, кто насмехается в классе над моим племянником, который страдает от ночного недержания мочи. Как ты думаешь, это приятно, когда в присутствии остальных детей тебе говорят: "От тебя воняет!"? И вообще, надо было бы тебе уже знать, что написано в книге "Сэфэр Ахинух". У меня такое впечатление, что ты радуешься всем этим поганым

новостям. Вот, посмотри, - Семён достал с полки книгу, раскрыл её на нужной странице и ткнул пальцем:

- Читай!

Славик стал читать:

«[Заповедь, запрещающая назначать прозелитов на властную должность в еврейском народе]. Корень этой заповеди известен: поскольку того, кто назначен на властную должность, все должны во всём, [что он скажет], слушаться, он должен быть [рождённым] из еврейского семени [т. е. быть евреем по рождению], ибо они [евреи] милосердны [по натуре своей, ибо они являются] детьми милосердных; чтобы он [т. е. стоящий у власти] был милосердным по отношению к народу, дабы не обременять [чрезмерно] их иго ни в чём, и чтобы он любил правду. [А] как известно о каждом из семьи Авраама, прародителя нашего, [он обладает этими качествами], [ведь] в ней [т. е. в этой семье] есть все эти положительные [качества]; [это] подобно тому, как сказали учёные: “Качества отца скрыты в его сыновьях”».

На лице у Славика явно читалось возбуждение. Даже появился лёгкий румянец.

- Я понимаю, что здесь написано. Что евреи от рождения милосердны, а гои и прозелиты – жестоки. Ты хочешь мне сказать, что я своими рассказами якобы хочу доказать обратное. Но я читал совсем другое объяснение этой заповеди! Уже не помню, в какой книге, но там было написано, что прозелитов нельзя назначать царями, судьями и прочее, потому что это всё равно как поставить безродного человека императором. Он может обладать всевозможными достоинствами и во всём подходить, чтобы быть царём, но из-за его низкого происхождения народ не будет его уважать надлежащим образом. Так и здесь: если судья, вершащий судьбы граждан, происходит непонятно от кого, эффективность его функции от этого будет снижаться. И вообще, в издании этой книги, которое у меня дома, вроде, если я правильно помню, нет этих слов.

- У тебя дома, очевидно, старое издание. Там есть купюры цензоров. Сегодня восстановили подлинный

текст по старым изданиям и рукописям. А вообще, одно объяснение не исключает другое, а дополняет, - парировал Семён.

Высокие люди

(О еврейском мировоззрении)

В тот день у Семёна сильно болела голова. В таких случаях он старался не вести серьёзные разговоры, а отшучиваться. По дороге домой его внезапно окликнул подошедший сзади Славик.

- Привет! Послушай, хотел поговорить с тобой об *ашкафе*, еврейском мировоззрении.

- Слово *ашкафа* происходит от арамейского слова *машкофей*, что значит "очки", - попытался отшутиться Семён. Для наглядности он снял очки и снова нацепил их на нос. Славик не отреагировал на шутку. На самом деле, слово *машкофей* означает на арамейском не "очки", а "глаза". Во времена Талмуда очков ещё не было.

- Посмотри, у русскоязычных аврехов есть проблемы с ашкафой. Надо что-то делать. Они уже "большие люди", а ашкафа хромает.

Заниматься обсуждением чьей-то ашкафы в тот момент Семён был ни в какую не согласен. Возвышающаяся над Семёном фигура Славика навела Семёна на мысль продолжить игру слов и подшутить над своим низким ростом.

- Они высокие люди, - сказал он с улыбкой.

Славик в недоумении выдержал паузу и повторил:

- Они большие люди.

- Высокие люди, – повторил Семён, опять улыбаясь.

В глазах у Славика потемнело. Мысли прокрутились в его голове за считанную долю секунды: «Он издевается надо мной. Он смеётся над моим высоким ростом и над моей ашкафой. Он хочет сказать, что это у меня, а не у аврехов, неправильная ашкафа».

Славик приблизился к Семёну вплотную, держа в обеих руках большую бутылку с клеем, и приблизил её к Семёнову подбородку. Лицо Славика исказилось, его глаза заблестели ядовитым сумасшедшим огнём, и он процедил сквозь зубы:

- Подъ*бывайся к своей жене, а не ко мне!

Для Семёна эта картина оказалась столь неожиданной и сюрреалистичной, что он не сразу сообразил, что происходит. Правильные слова, однако, вышли из его уст словно сами собой.

- Странный ты человек, Слава! - сказал он ровным голосом, повернулся и пошёл восвояси.

...Семёну вспомнился рассказ о погроме в Хевроне, когда араб, который работал в хевронской йешиве и был очень дружен с йешиботниками, первым поднял на них руку. «Гой остаётся гоем, - подумал Семён. - Но нет, - одёрнул он себя, - ведь Слава не гой. И вообще, если человек всего лишь один раз оступился, разве его уже можно списывать на свалку истории?»

Через несколько месяцев в городе, где жил Семён, произошла страшная трагедия. 40-летний прозелит, аврех колеля, в шабат нанёс множественные ножевые ранения своей жене, после чего выбросился из окна. Ранее у этого мужчины никаких психических отклонений не замечали. Его супруга, пришедшая в сознание через неделю интенсивной терапии в реанимации, рассказала, что они с мужем любили друг друга и ни разу за свою совместную жизнь не поссорились. Она отказывалась понять, как такое могло произойти.

Семён вспомнил выражение глаз Славика, когда тот держал в руках бутылку с клеем. «Наверное, - подумал Семён, - такими же были глаза прозелита-женоубийцы в момент преступления. Ну, Семён, ты ещё легко отделался! - с кривой ухмылкой сказал он мысленно сам себе. - Да, люби прозелита, но помни, что в любой неожиданный момент в нём внезапно может проснуться гой!»

"Ложные грузины", или Homo vulgaris

Неприятное чувство после инцидента со Славиком не покидало Семёна. И он задумался: «А может, я сам виноват?», и погрузился в воспоминания о своём прошлом, о том времени, когда он был неженатым студентом йешивы.

Одной из ярких личностей той йешивы был Соломон. «Какой светлый человек этот Соломон, - думал тогда Семён, - как луч в тёмном царстве!». Соломон, еврей из Грузии, лет сорока, в сандалиях, высокий и худощавый, с длинной бородой и орлиным носом, был на редкость радушным человеком, даже подчёркнуто радушным. Он очень резко выделялся на фоне вечно угрюмых и не здоровающихся бывших ленинградцев и москвичей средних лет, в прошлом отказников, - "костяка" русскоязычной иерусалимской йешивы. Те смотрели на Соломона с плохо скрываемой неприязнью. Тоже, видишь ли, культуре поведения поучать нас будет, грузин грёбаный! Но Соломон как будто ничего не замечал. Или делал вид. Всегда громко здоровался, с улыбкой от уха до уха, демонстративно открывал настежь входную дверь в йешиву, широким жестом пропуская перед собой коллег, но главное - совершенно безвозмездно занимался со студентами, которые сильно нуждались в учителе и не умели учиться сами. Он тратил на них каждый день целые часы, вместо того, чтобы посвящать время собственной учебе. А учиться он умел. И преподавать тоже. При виде его некоторые ленинградцы вместо приветствия, казалось, втягивали шею в туловище, желая провалиться сквозь землю.

В течение нескольких лет таким добровольным подопечным Соломона был Булат – невысокий пухлый еврей лет за 50; весёлое выражение на его лице периодически сменялось кислой миной. Булат, приехавший из Тбилиси, был земляком Соломона.

Казалось, эти два человека нашли друг друга – вместе они всегда казались весёлыми и радостными. При виде Соломона кислая мина тотчас исчезала с лица Булата, и с него не сходила довольная улыбка.

Соломон с Булатом читали Талмуд на иврите, а Соломон переводил и объяснял Булату по-грузински. В перерывах они что-то бурно и весело обсуждали на этом языке, звучащем, как дробь автомата. Семёну всё это очень нравилось. А ленинградцы терпели молча.

- Реб Соломон! Научите меня несколькими фразами по-грузински, мне нравится ваш язык! – попросил Семён. Он симпатизировал этой паре.

- *Гамарджоба, генацвале! Сигарети хомар агагт?* (Здравствуй, дорогой! Не одолжишь ли ты сигарету?) - со смехом, добродушно выпалил Соломон. Сам он не курил.

С тех пор Семён, каждый день приветствовал Соломона так:

- *Гамарджоба, генацвале! Сигарети хомар агагт?*

Семён тоже не курил. И Семёну, и Соломону эта игра пришлась по вкусу. А ленинградцы кусали губы: «А этот тоже выпендривается. Из Латвии, видишь ли...».

Семён не оставался в долгу. Когда в йешиву приехал его земляк, Семён стал разговаривать с ним по-латышски. И очень быстро почувствовал, как изменилось к нему отношение некоторых его коллег по йешивскому общежитию, молодых ленинградцев. Втихую норовили они теперь при всяком удобном случае подсунуть ему какую-то свинью. «Неужели они считают себя русскими? Почему они полагают, что мы должны говорить по-русски? Чем грузинский и латышский языки хуже русского? - недоумевал Семён. - Почему мы не можем говорить на языке, который нам нравится?»

Масла в огонь подлил Булат. Он любил собирать вокруг себя молоденьких йешиботников и рассказывать им байки из своей жизни. Они покорно слушали – ведь Булат со своей женой работали воспитателями в религиозной школе для девушек из России – именно оттуда, как правило, предлагали невест этим парням. «Так

что портить отношения с Булатом лучше не стоит», – рассуждали они прагматично. В Ленинграде с детства их учили сдержанности. Терпи, казак (= жидок), атаманом будешь! А выместить свои подлинные чувства можно ведь всегда на ком-то более подходящем. Выбрать козла отпущения.

- Послали меня как-то в командировку в Ригу. В последний день, думаю, надо закупиться, домой привести что-то. Зашёл в магазин - а там хоть шаром покати. Подхожу к продавщице, говорю: «Я из Грузии. Я очень вам, латышам, сочувствую! Вот что с вами русские сделали - процветающая страна превратилась в пустыню; даже в магазине нечего купить! Мы, грузины, солидарны с вами!» - начал свой рассказ Булат. - Тут продавщица как-то изменилась в лице. «Идёмте сюда!» - повела она меня во внутреннее помещение и протянула свёрток с дефицитными продуктами. «Спасибо вам за добрые слова! Извините, что больше ничего не могу предложить! И вообще, по сути, я бы должна была отдать вам всё это бесплатно!» - такими словами продавщицы, с довольной улыбкой, закончил свой рассказ Булат.

Булат преподнёс этот рассказ ребятам, чтобы они оценили его находчивость. Было видно, что на латышей ему на самом деле наплевать, и что задобрил он сердце продавщицы посредством лицемерия. Семёну это было противно, а вот добросердечие латышской продавщицы его умилило. Хотя латыши вообще-то народ холодноватый, тем не менее, Семён сам не раз испытывал добродушие со стороны некоторых его представителей, особенно латышских женщин средних лет. Не в последнюю, наверное, очередь потому, что он всегда разговаривал с ними на безукоризненном латышском языке, который, как они, вероятно, чувствовали, он очень любил.

- О, это хороший рассказ, реб Булат! - воскликнул Семён.

Ленинградские юноши отреагировали на рассказ уклончивыми улыбками, а Булат, довольным выражением

лица показывая, как он упивается своим эффектным впечатлением на публику, не почуял ничего дурного.

Вечером в общежитии ребята напали на Семёна:

- Тебе понравился этот гадкий рассказ?!

- А что в нём плохого? - парировал Семён.

- Это расизм! При чём здесь русские?!

Такая реакция для Семёна была непонятной. Поразмыслив, Семён заключил так: «Очевидно, обидным ребятам показалось отождествление советского с русским». Семён спросил Мишу, 18-летнего смуглого худощавого юношу среднего роста с яркой еврейской внешностью и горбатым носом, самого активного "защитника русских":

- Тебе обидно за русских?

- Нисколько. Но я ищу правду. Моего папу русские несколько раз избивали за еврейскую внешность, а когда он однажды поздно вечером ехал в трамвае, то сломали его еврейский нос. Просто так: подошёл мужик и ударил кастетом. А моя бабушка работала кассиршей в магазине, и покупатели постоянно обзывали её жидовкой. Доходило до скандалов, директор магазина даже несколько раз вызывал милицию. Дикая люди. Но латыши намного хуже. Во время войны по отношению к нам они были большими зверьми, чем немцы, а сейчас не хотят в этом раскаяться. Поэтому мне противно слушать их язык.

Незванный секретарь

(Религиозные евреи должны быть очень терпеливыми)

Семён был тогда, как и юные ленинградцы, неженатым студентом. Он с удивлением наблюдал за Элимелехом, здоровым, приятным, во всех отношениях нормальным студентом из Тбилиси, лет под 30, высоким, стройным и мягким в общении. По вечерам Элимелех, как заметил Семён, всегда сидел рядом с йешивским общественным телефоном. Но Семён не придавал этому значения. Сидит – значит, сидит; значит, надо ему там

сидеть. Но в один прекрасный день знакомый Семёна при встрече выпалил: «Почему, когда я тебе звоню, всегда отвечает один и тот же человек? Я вчера тебе звонил, и он опять был на проводе. Мне стало противно, и я повесил трубку». Семён понял, что на телефонные звонки, как непрошенный секретарь, регулярно отвечает Элимелех. С чего бы это?

Илья, круглолицый, полноватый "перезревший" студент йешивы из Черкасс, друг Семёна, уже успевший отчаяться найти невесту, поведал ему, несмышлёному, великую тайну:

- Ты что, не понимаешь? Элимелех всё ждёт звонка от директрисы женской йешивы; боится, что когда она ему позвонит, чтобы предложить встретиться с девушкой, ленинградцы его не позовут к телефону, в облом им будет искать его. Вот и сидит он рядом с телефоном-автоматом, кукует.

Семён вспомнил, что однажды ему позвонили, а трубку взял Олег, его добрый приятель из Москвы, высокий и худой аврех с жиденькой бородкой. Когда попросили позвать Семёна, он ответил: «Если он здесь рядом, в *бейт-мидраше*¹⁴, то позову, а если нет - подыматься наверх, в общежитие, чтоб искать его, не буду». Семён не придал этому инциденту значения, предположив, что в России такое поведение считается, наверное, совершенно нормальным. А молоденький йешиботник по фамилии Карпов поведал Семёну, что когда из-за границы ему позвонили родители, то на просьбу позвать Карпова поднявший трубку ответил: «У нас нет Карпова, только Каспаров». Так что знал Элимелех, чего боялся.

«Чудеса, да и только! - подумал Семён. - Почему же Булат не поможет своему земляку? Ведь, наверное, знает,

¹⁴ *Бейт-мидраш* (букв. "дом учения", иврит) - помещение, предназначенное для изучения Торы.

как тот мучается в поисках невесты. У Булата ведь вся женская религиозная школа, как говорится, в собственном распоряжении!»

С Булатом Семён был в доверительных отношениях, тот приглашал Семёна на шабаты к себе домой, подолгу рассказывал душещипательные истории из своей жизни, которые гость внимательно и с интересом слушал, но Булату не льстил, а говорил то, что думает. Настоящим людям такая реакция всегда нравится, ведь честность слушателя доказывает, что интерес к рассказчику был неподдельным.

После вечерней субботней трапезы Булат с супругой по имени Жюльетта, невысокой миловидной и приветливой женщиной с арменоидно-еврейскими чертами лица, в лучших традициях восточного гостеприимства уселись с Семёном лузгать семечки. И начался рассказ. На сей раз говорил не Булат, а его жена.

- Одна наша знакомая, не еврейка, работала помойкой в подъезде многоэтажки в религиозном районе Иерусалима. Она почти не знала иврита. Однажды грязную воду она стала сливать в дырку, которая, как она подумала, ведёт в канализационную трубу. Из квартиры выбежал какой-то бородатый старик и начал на неё орать. Она не поняла, что он говорит, и стала улыбаться. Тогда он в сердцах схватил помойное ведро и вылил его содержимое ей на голову!! И это сделал религиозный еврей! Как такое может быть?

Глаза Жюльетты и Булата были настолько печальными, как будто это произошло с ними самими. Так сильно они, видать, сочувствовали этой женщине. И так стыдно им было за религиозных евреев.

«Какие сочувствующие чужому горю люди! – подумал Семён. – Наверное, не в последнюю очередь они такие потому, что у них грузинский менталитет с характерным для него добросердечием. Недаром говорят, что в Грузии нет антисемитизма».

- И всё же, почему старик это сделал? - спросил Семён. - Он психически больной?

- Эта дырка вела не в канализацию, а в квартиру того старика. Грязная вода полилась ему прямо на голову, - ответила Жюльетта.

- Так что вы удивляетесь? – недоумённо посмотрел Семён ей в глаза. – Если бы она сделала то же самое, скажем, где-нибудь в Бейруте, думаю, она осталась бы просто без головы, а тут всего лишь лёгким душем отделалась. А что, в Тбилиси её бы за такое погладили по головке?

- Ну что ты сравниваешь?! Религиозные евреи должны себя вести иначе; не так, как другие люди! - запротестовал Булат.

Семён промолчал.

Булат с пакетом на голове

(«Это не одежда, это ноша»)

Однажды на уроке Галахи, который они оба посещали, проходили законы запрещённой ноши в шабат. Интеллигентный и сердечный раввин из Швейцарии объяснял, что носить в шабат можно только одежду, и только тогда, когда она служит "одеждой", а не "ношей". А вместо шапки надеть, например, на голову кастрюлю - нельзя, даже если ты это делаешь за неимением другого головного убора.

Тут Булат оживился.

- Недавно я в пятницу ходил в бассейн, плавать. Когда одевался, заметил, что пропала моя кипа. Как ни искал, да и другие люди помогли мне в этом, - я её не нашёл. Наверное, украли. Но не пойду же я без кипы! И нацепил я себе на голову полиэтиленовый пакет, который нашёл в раздевалке. А если бы это со мной произошло в шабат, я бы мог ходить по улице с таким пакетом на голове, или же должен был бы идти с непокрытой головой?

- Это всё равно, что нацепить кастрюлю. Это не одежда, это ноша. Пришлось бы ходить без головного убора, - ответил раввин.

Булат очень возбудился. Никак его душа не могла принять этот *псак*¹⁵, что в подобной ситуации надо ходить по улице как гою, с непокрытой головой. Ещё несколько раз в течение урока он задавал свой вопрос, но раввин терпеливо повторял тот же ответ.

Вечером Семён вспомнил, что Булат ему рассказывал: на самом деле его настоящее имя Марик, но в детстве он сменил его, потому что ему не нравилось, как оно рифмуется: «Марик – комарик». И вообще, Булат - звучит мужественно, это вам не какой-то расхлябанный Марик. Невольно Семёну пришёл на ум стишок:

Булат кастрюлю нацепил на бошку,

И думает, что гений.

А вслед ему кричат:

«Булат – дегенерат».

«Действительно, почему "Булат" рифмуется лучше, чем "Марик"? - думал Семён. - Очевидно, Булат в детстве стеснялся своего еврейского имени "Марик". Ведь известно, что советские евреи очень любили давать детям некоторые нееврейские имена, например, Боря, Миша, Аркадий; самым "еврейским" среди них было - Марк».

На следующий день урок Галахи начался возбуждённым вопросом Булата:

- Ну, и на самом деле: если бы я в *микве* в шабат потерял кипу, я бы не имел права нацепить на голову пакет?!

- Послушайте, реб Булат, вы уже вчера несколько раз задавали этот вопрос. Не хватит ли? Надо же знать меру! - раздражённо выпалил Семён.

У Булата в глазах заиграла острая обида, но он сдержался и ничего не ответил.

¹⁵ *Псак* (иврит) – раввинское постановление.

Свадьба Семёна

Наконец, пришёл черёд Семёна: он объявил о своей помолвке. Ленинградец Миша со своими друзьями недоумевал: ведь этот тип никому задницу не лижет, держится независимо, сам для себя решает, кто для него авторитет, а кто нет; в общем, ведёт себя вызывающе. С такими сваты не хотят иметь дело. И действительно, ребята судачили: «Ведь йешивские свахи им вроде не занимались. Да пошёл он на хрен! Какая-то неземная сила, что ли, нашла ему невесту?»

Семён не стал тянуть время, а решил сыграть свадьбу через два месяца после помолвки. А что тянуть? Обычно ребята ждут с полгода, ведь надо же элементарные деньги собрать – на свадьбу, на то, на сё. Ведь детям религиозных родителей все расходы на свадьбу, на покупку мебели, новой одежды и необходимых для дома электротоваров, а нередко даже и на покупку квартиры - обеспечивают родители (частенько влезая в огромные долги), а "несчастные" *баалей-тиува*¹⁶ всё должны доставать себе сами. Вот и приходится ходить с протянутой рукой. Благо, руководство йешивы организовало при ней общеобразовательную школу: там пытались "охмурить" и привлечь к религии подростков, родители которых, из-за безысходного экономического положения на территории бывшего "Совка", согласились оторвать детей от себя и послать на учёбу в далёкий Израиль. По-человечески организовать учебный и воспитательный процесс в этой школе йешивское руководство не смогло – за отсутствием средств, профессиональных кадров, а порой и просто из-за халатности; и ребята, каждый в меру своей первоначальной предрасположенности – кто больше, кто меньше, – приобретали нрав беспризорников. Не

¹⁶ *Баал-тиува* (букв. "хозяин раскаяния" – иврит, мн.ч. м.р. *баалей-тиува*, мн.ч. ж.р. *баалот-тиува*) – еврей, совершивший раскаяние и, прежде будучи светским, ставший религиозным.

мудрено, что они очень любили, когда очередной жених из йешивы обращался к ним за помощью: "прочесать" какой-нибудь религиозный район, собрав милостыню ему на свадьбу. Конечно, определённый процент отдавали и самим ребятам за работу; редко кто-то из них соглашался "работать" бесплатно, удовлетворяя просьбу какого-то скупого жениха, не готового на отчисления. Но больше всего детей интересовали не деньги, а сам процесс. В самом начале ты стесняешься, но потом втягиваешься и постепенно теряешь всякий стыд! Это совершенно кайфовое ощущение подростки, предоставленные, по большому счёту, самим себе, лишённые теплоты и заботы, не желали променять ни на что! Как наркотик какой-то.

Семён был не способен собирать милостыню. Характер у него такой. И это была не гордость. Он просто не мог говорить, у него сдавливало горло, когда приходилось просить деньги, и он не мог выдать из себя ни звука.

Однажды к нему обратился коллега:

- У Ицика скоро свадьба. Мы собираем для него деньги. Поезжай с нами.

- Не могу, не поеду. Извини, – сказал Семён решительным тоном, но объяснять причину отказа не стал. Зачем унижаться?

- Если ты думаешь, что тебе кто-то будет собирать деньги, когда это будет нужно тебе, то ты ошибаешься, паскуда!

Семён промолчал. Ведь по-своему этот коллега был прав.

Теперь же и на самом деле настал черёд Семёна. Когда он обратился к "беспризорникам" из школы за помощью, они с радостью приняли его предложение. В йешиве никогда не предлагали этим ребятам больше 10 процентов от выручки, но Семён рассудил так: «Обычно женихи едут вместе с ребятами. А поскольку я их не сопровождаю, я должен дать им гораздо больший гонорар. Они делают для меня добро. Пусть берут 49

процентов!» Это было нехорошим прецедентом, и один коллега, женатый йешиботник по имени Стас, работающий по совместительству вожатым в школе, приложил немало усилий, чтобы убедить руководство йешивы запретить школьникам собирать для Семёна деньги. Но Стаса почему-то не послушали.

Семён раздавал приглашения на свадьбу. Он был счастлив. Один недавно женившийся - можно сказать, новоиспечённый - аврех, получивший приглашение, небрежно бросил его на своём учебном столе, словно мусор, а в конце учебного дня несколько йешиботников накалякали на приглашении что-то гадкое, и так оставили на всеобщее обозрение. Но Семёну на всё это было наплевать. «Если придурки думают, что они способны задеть мои чувства, то они ошибаются», - решил Семён.

Семён подошёл к Булату и протянул ему приглашение.

- Реб Булат, буду рад вас видеть на своей свадьбе!

- Ты знаешь, я в этот день преподаю шахматы, я не смогу приехать. Возьми приглашение обратно, жалко, если оно пропадёт, пусть кто-то другой его получит.

Булат протянул руку, возвращая приглашение. Семён сглотнул слюну и подумал: «Что обиднее - чтобы человек взял приглашение и не приехал, или же вот так, чтобы извинился и возвратил его обратно?»

Но в одном Семён был уверен - уж Соломон-то обязательно приедет на свадьбу!

Свадьба была очень весёлой. Ни облезший зал, ни дальняя дорога не испортили празднество. Приехало множество ленинградцев: они плясали и радовались от всей души! Миша с другом, понятно, не приехали. Но после свадьбы они извинились и пожелали Семёну счастья в семейной жизни. Зато приехал Стас; со слезами в глазах попросил у Семёна прощения и дрожащими от волнения руками протянул ему подарок. Семён был растроган до глубины души, они крепко обнялись. А Соломон не приехал.

Через некоторое время после свадьбы Соломон преподнёс Семёну свадебный подарок - вышитый белоснежный атласный футляр для мацы: надвигался Песах. «Отмазался, - подумал Семён. - Неужели он хотя бы один раз не может отказаться от вечерней прогулки с женой?» Семён своими ушами слышал, как женатые студенты-ленинградцы, словно бабы, судачили: «Он каждый вечер гуляет со своей женой, вишь какой хороший супруг! Выполняет советы раввинов!»

Homo vulgaris живёт по соседству

Прошли годы. Семён увлёкся темой Холокоста - Катастрофы европейского еврейства. Какая-то неведомая сила заставляла его читать десятки книг подряд - мемуары выживших, сборники свидетельств, исследования. И для чтения подобной литературы у него не было другого времени, как перед сном.

Особенно волновала его тема уничтожения евреев в его родной Латвии. Ведь это его соседи, с кем он прожил половину своей жизни! В отличие от русских, латыши никогда не называли его жидом, всегда были приветливы и мило улыбались. Семён с детства им симпатизировал, любил их народные песни, а когда очень редко случалось услышать звучание их языка за пределами Латвии, то просто балдел от удовольствия. Теперь его стала мучить навязчивая мысль: если, не дай Бог, историческая ситуация повторится, - латыши опять превратятся в зверей? Эта мысль то приходила, то отпускала, и Семён постоянно искал всё новые и новые свидетельства о латышах, спасавших евреев во время Второй мировой войны. Когда он находил их, то чувствовал большое облегчение. Но временное. Вместе с новыми свидетельствами о спасителях, к сожалению, обнаруживалось всё больше и больше новых свидетельств о палачах и бездушных садистах. Всё это

продолжалось до тех пор, пока Семён не наткнулся на очерк даугавпилсского историка Иосифа Рочко "Жертвы, спасённые и спасатели" (глава "Прейли"), в котором рассказывается о евреях, укрытых праведником-неевреем Вукшаном:

«...Весной 1944 года советские самолёты уже бомбили Даугавпилс, часто пролетали и над Прейлями. Но беда пришла неожиданно. Сестра В. Вукшана, работавшая переводчицей в гестапо, боясь бомбежек, перебралась на хутор в дом брата. Очевидно, она услышала чьи-то шаги или голоса, и поняла, что там кто-то прячется. Ничего не сказав брату, она пошла в комендатуру, где встретила соседа Езупса Вайводса, служившего у немцев, и всё рассказала ему. Дом окружили немецкие солдаты с автоматами. Они направились на чердак. Ими руководил переодетый в черную немецкую форму Езупс Вайводс. Выбора не было: пришлось спуститься с чердака. Когда немцы увидели одетых в рубище, еле держащихся на ногах и с трудом передвигающихся евреев, они опустили автоматы. Им показали яму, где три года прятались евреи. Двое солдат даже заплакали. Евреи стали просить отпустить их, и немцы были готовы это сделать. Кричал только Вайводс, размахивая пистолетом и угрожая пожаловаться, что отпускают "партизан". Евреев отвезли на машине в комендатуру. [...] Михля Хаги умоляла немцев отпустить их, уверяя, что они не партизаны. Только Вайводс был непреклонен. Михля опять обратилась к карателю: "Езуп, мы же выросли с тобой рядом. Отпусти нас. Зачем тебе нужны наши жизни?" В ответ Вайводс ударил её рукояткой пистолета по голове, и она упала».

Воспалённый мозг Семёна силился переварить эту информацию. «Вот тебе и "соседи" - даже выросли рядом. Как говорится, комментарии излишни. К какому классификационному виду относится Вайводс и ему подобные? К Homo sapiens? Не думаю. Это - человек дикий. Лишённый души. Лишённый человеческих чувств. Homo vulgaris. Верить ли теории классика этнопсихологии Лебона, который пишет, что психология

народа, его менталитет, в своей сущности, в процессе истории не меняется? По его мнению, может меняться лишь внешняя оболочка. Так какие же соседи на худой конец поджидают евреев моей "доисторической" родины?» - думал Семён.

Человек искусства

(«Извиняться я не должен»)

Как гром среди ясного неба грянула дурная весть: Соломон развёлся. Семён недоумевал: такая дружная семья, славная жена и неповторимый в своём благородстве и весёлом нраве Соломон. Ленинградцы недоумевали: «Уж не сглазили ли мы его?»

Семён, в бытность свою неженатым студентом, не раз бывал в семье Соломона на шабат, и всегда восхищался радушием хозяев и доброй атмосферой, царившей в их доме. Однажды, приглашённый на шабат в эту семью, Семён рассматривал книги в библиотеке Соломона, и его внимание привлекла книга рава Таубера "Тьма перед рассветом".

- Соломон, можно взять почитать эту книгу? - спросил Семён.

- О чём речь, *азиджан*? Только не "почитать", а я дарю её тебе! - ответил Соломон. А на исходе субботы написал на книге посвящение: «Дорогому Семёну с наилучшими пожеланиями, до 120 лет! От Соломона грузинского». Семён был даже несколько смущён.

После того, как Семён узнал о разводе Соломона, он обратился к Булату с вопросом:

- Реб Булат, как с Соломоном могло такое произойти?

- Я не знаю; никто не знает и не понимает. Это она потребовала развод. Ничем не мотивируя. Соломон плакал, умолял её. Наверное, она - яркая личность, и ей надоело, что её муж не раввин никакой. Он ведь честный парень, не то, что эти карьеристы ленинградцы. Никогда

не стремился сделать карьеру; вечно помогает разным юродивым, веселит йешиботников. В общем, шут гороховый. Это то, что я предполагаю о том, что она думает. Ты же знаешь, я о нём совсем другого мнения, он мой лучший друг, поставил меня на ноги...

- Ну да, я помню, он с вами долгое время учился. А что, ещё что-то было?

- Смотри, когда я приехал в Израиль, я был только на самой начальной стадии *тишув*¹⁷. А моя жена вообще не была религиозной. Я к иудаизму-то стал приобщаться ещё в Тбилиси, когда был атеистом. А дело было так. Дома нечего было кушать, начались тяжёлые перестроечные времена, и я потерял работу ведущего инженера, а жена, лучшая преподавательница математики в городе, раньше прибыльно подрабатывала частными уроками, а теперь у людей просто больше не было денег платить. В советское время у нас на столе всегда была красная икра, а потом стали жить впроголодь. И зачастую я к своему брату на шабаты. Он тогда уже несколько лет как был религиозным, и ему из Америки филантропы посылали *кашерные* продукты. Приходил просто чтобы покушать. И так – через желудок – я стал приобщаться к религии.

- А жена ходила на шабаты?

- Нет, не ходила. Так вот, и в Израиль мы решили переехать с голодухи. Когда мы приехали, нам было страшно тяжело. Жена, учитель математики, мыла подъезды. Никак не получалось у неё усвоить иврит. А я ошивался то там, то здесь. Соломон меня спас, опекал меня, ходил всюду со мной, устроил в йешиву. Без него я бы сошёл с ума. Да... Вот что я забыл: в тот период меня ужасно мучил страх смерти: я отчетливо осознавал, что меня ждёт наказание "*карет*" – отсечение души, а я очень

¹⁷ *Тишва* (иврит) - раскаяние, возвращение еврея к религии предков, к еврейскому традиционному религиозному образу жизни.

хотел жить. Ещё в Тбилиси, когда я начал делать тшуву, мне рав Айзман из Америки сказал, что я должен уйти из дома, я не имею права продолжать жить со своей женой. Я ушёл к брату, а тот мне сказал: «Ты выдержишь несколько дней, а потом полезешь на стенку. Возвращайся домой и надейся, что придёт время, и твоя жена тоже сделает тшуву».

- Ваша жена – еврейка? – как бы между прочим спросил Семён. Её внешность вроде бы не вызывала сомнений в её еврействе.

- Да, да, а что такое? - осёкся Булат.

- Нет-нет, ничего, я не сомневался.

- Ты знаешь, Семён, я ведь на самом деле не грузинский еврей, а ашкеназский. Мои предки несколько поколений назад бежали из Белоруссии от погромов, и нас принял этот гостеприимный народ. Я настолько его полюбил, что мне кажется, что в прошлом перевоплощении души я был не ашкеназским, а грузинским евреем.

- Ничего не исключено, - ровным голосом заметил Семён, в душе посмеиваясь над сентиментальностью Булата.

- И хоть я и бегло говорю по-грузински, настоящие грузины слышат в моей речи лёгкий акцент. И вообще, я не знаю грузинский алфавит, читать-писать-то не умею. А Соломон ведь тоже не грузинский еврей; у него мать - ашкеназка, а отец - грузин. Натуральный. Гой.

- А, это интересно, - оживился Семён. «Ложные грузины», - вспомнил он кличку, которую кто-то дал этой парочке в йешиве.

- Семён, я могу тебе сказать то, что не могу многим другим. Среди моих друзей - цвет грузинской интеллигенции. Среди них ведущий психиатр Грузии, а ещё знаменитый профессор, - и не только они. Они меня очень любят и уважают. Когда я приезжаю в Грузию, они всегда устраивают мне радушный приём. А здесь надо мной посмеиваются, словно я дворовая собака какая. Только то, что в моих руках ключи от шидухов, держит

их в минимальных рамках приличия. И вообще, грузины, даже самые простые люди, – обладают благородством и внутренней культурой. Не то, что эти русские – одно быдло сплошное.

Семён вспомнил, что ему однажды сказала Людмила Сергеевна, его преподавательница фортепиано в музучилище, русская по национальности: «У грузин нет ни одной извилины в мозгу. Они полные идиоты».

«"Любовь" между русскими и грузинами, очевидно, взаимна», – с сарказмом подумал Семён.

- Семён, послушай, я хочу сделать музыкальный диск со своими песнями. Во мне проснулся композитор. Я с детства завидую брату, который играет на гитаре и выступал как бард. Теперь я чувствую, что могу его переплюнуть. Ты бы не хотел мне аккомпанировать?

- Почему бы и нет? - ответил Семён.

- Только за работу я платить тебе не буду, а договоримся, что потом будем вместе выступать с концертами - это и будет оплатой.

Семёну не нравились такого рода предложения.

- Реб Булат, я считаю, что музыкант за свою работу должен получать зарплату. И беру я совсем не дорого - пятьдесят шекелей в час.

На том и порешили. Так начала сбываться давняя мечта Булата. По образованию он был технарь, а по призванию - в этом он был убежден - человек искусства.

Булат всё увереннее и увереннее ощущал себя выдающимся певцом. Где можно и где нельзя, прощенный и непрощенный, он стремился исполнить хотя бы одну песню. У себя в женской школе - в этом плане у него было широкое поле действия. На субботних трапезах, которые он проводил для десятков там "охмуряемых" девушек из бывшего "Совка", он вдоволь пел русские романсы, советские лирические, а также песни собственного сочинения. Но с репертуаром на иврите у него были серьезные проблемы. Кроме песни *"Йерушалаим шель заав"* ("Золотой Иерусалим"), Булат не знал никакой. Но "советским" девушкам они и не были

нужны. А вот от привычного им русского репертуара они просто млели.

Один из уважаемых раввинов устроил в йешиве большую трапезу по поводу завершения изучения всего Талмуда. Вдруг посередине празднества встаёт Булат и в квази-оперной манере начинает петь "*Йерушалаим шель заав*". Израильтяне, там присутствовавшие, чуть не потеряли дар речи, но из вежливости старались не подавать виду. Дело в том, что у *харедимных* (ортодоксально религиозных) израильтян на торжественных трапезах не принято, когда кто-то поёт соло, и тем более в такой вычурной манере, но все, как правило, поют вместе. И репертуар тоже строго регламентирован: общеизвестные песнопения на слова Псалмов Давида и других святых текстов. Сомнительно, что даже на Пурим кто-либо из них, даже в состоянии сильного алкогольного опьянения, затынет светско-сионистскую "*Йерушалаим шель заав*".

Сын *рош-йешивы*¹⁸, реб Арье, не выдержал: его лицо приобрело такое выражение, будто кто-то заставил его съесть дохлую крысу.

- Немедленно остановите его! Это *хилонимная* (светская) песня! Пусть прекратит петь! – его голос дрожал, будто он просил спасти ему жизнь.

Встал пожилой аврех Аркаша Скоморовский, выдавший вида бывший москвич-отказник, и подошёл к поющему Булату.

- Что ты поёшь? Ты что, не понимаешь, где ты находишься? Немедленно прекрати!

Булат от неожиданности осёкся, замолк и плюхнулся на стул. Все вздохнули с облегчением. Через несколько минут к нему возвратилось самообладание, и он сказал рядом сидящим:

¹⁸ *Рош-йешива* (иврит) - глава йешивы.

- Даже если этот Скомороховский попросит у меня прощения, я его не прощу. Пусть он будет трижды проклят!

Через непродолжительное время у Скомороховского обнаружили рак, но, слава Всевышнему, врачи определили недуг на ранней стадии и смогли вовремя остановить развитие болезни.

Диск, который записали Булат с Семёном, оказался удачным. Люди хвалили, диск трогал их за живое. Со временем, однако, Булат стал чувствовать, что ему чего-то не хватает; успех у русскоязычной публики средних лет показался ему явно недостаточным: ведь надо же показать себя и молодёжи, ну и коренным израильтянам тоже! А манера, в которой Семён сочиняет аккомпанемент – старомодна, это не попса какая, а серьёзная музыка. А такую сегодня никто, кроме бывших советских людей среднего и старшего возраста, не понимает.

Благо, с Булатом согласился сотрудничать один известный музыкант, который аккомпанировал в современном стиле. Семён обратился к Булату:

- Реб Булат, давайте сядем, я хотел с вами поговорить.

Они сели за стол.

- Я понимаю, что это ваше легитимное право рвать творческие союзы, и делать это тогда, когда вам заблагорассудится. Но когда я учился в консерватории, у нас считалось непреложным этическим законом, что "рвущий" должен попросить у своего бывшего напарника прощения. Вы в искусстве новичок, и очевидно, не знаете об этом, - сказал Семён.

- Я спрашивал раввина, и тот мне сказал, что я не имею перед тобой никаких обязательств и не должен даже извиняться.

- Реб Булат! Я слышал, как вы разговариваете с раввинами. Вы очень слабо знаете иврит. Они не понимают, о чём вы их спрашиваете, а вы не понимаете, что они вам отвечают.

Лицо Булата побагровело, он резко встал и быстрыми шагами заспешил к выходу из йешивы. Такой наглой грубости от Семёна он не ожидал.

Персонажи в литературе и в реальности

(«Он с ними жил, ему виднее»)

- Ты знаешь, Семён, ученицы женской религиозной школы души не чают в жене Булата. Она там и воспитательница, и преподаватель математики, и вообще для них, оторванных от дома, – почти как мама. Очень тёплый человек. Она *гиёрет*¹⁹, тбилисская армянка, - поведал Семёну Ицик, тот самый, которому Семён отказался помочь собирать деньги на свадьбу. Теперь они стали учиться вместе в *хевруте*²⁰.

"Не может быть!" – чуть не подскочил Семён. Но его мозг сразу выдал результат: всё сходится - поломойка, на которую вылили воду - это сама Жюльетта, жена Булата, а *карет*, небесная кара, которой тот так боялся - это на предмет сожительства с гоюхой. Да к тому же армяне внешне частенько напоминают евреев. Вот как, Петруха, оказалось! Семён вспомнил, что Булат ему рассказывал, что он якобы намеревался воспрепятствовать гиюру одной нееврейки, поскольку доподлинно знал, что та обманывает раввинский суд, утверждая, будто принимает на себя иго всех заповедей. Но, по словам Булата, его отговорили от этого благого дела. В конце концов, Булат вполне успокоился, когда после этого липового гиюра, один раввин якобы сказал ему, что теперь к этой женщине надо относиться, как к настоящей еврейке. Семён понял, что речь шла про биологическую дочь самого Булата, как оказалось - гоюху.

¹⁹ *Гиёрет* (иврит) - прозелитка.

²⁰ *Хеврута* (арам. яз.) - напарник в изучении Торы. "Учиться в хевруте" - учиться с напарником.

Параллельно с музыкой в Булате проснулся писатель. Из его несколько экзальтированных рассказов о своей жизни читатель мог узнать о его благородстве и чувстве собственного достоинства; о том, как он любит грузин и вообще всё человечество; о том, какой он удачливый и безвозмездный сват; о том, что он не делает и шага без консультации с раввином; и о том, что он никогда не изменял жене. Больше всего Семёну в рассказах Булата импонировало то, что Булат никогда не скрывал, что он еврей, и при каждом удобном случае защищал честь своего народа. Но Семёну неприятно было читать о якобы существующей между евреями круговой поруке, которую, к тому же, Булат превозносил в своих рассказах как великую добродетель. Может, в Грузии и есть такое, но ведь там повсюду круговая порука! Кроме того, Семёну претило в рассказах Булата явно утрированное славословие грузинам, но он рассудил так: «Он с ними жил, ему виднее».

Булат издал свой первый сборник рассказов, и сиял от счастья. Хотя спонсора для этого издания он нашёл с большим трудом. «Такова судьба великих писателей!» - сетовал Булат. «И великих композиторов!» – подумал Семён, вспомнив из истории музыки, что ни одна симфония Шуберта не была исполнена при его жизни.

- Читатели мне говорят, что мои рассказы являются лучшим образцом еврейской религиозной прозы, - сказал Булат Семёну.

- Интересно. А вот мой папа - он знаток литературы - сказал, что это банальные истории на среднем художественном уровне, - ответил Семён.

- Ну и что? Зато твоему брату они понравились. Если мне память не изменяет, он сказал, что мои рассказы гениальны, - парировал Булат.

- Да, ему нравится всякая мура в духе Маканина.

- Нет, я пишу в стиле Довлатова и Думбадзе. А кто такой Маканин?

- Известный современный русский писатель.

Прах былой дружбы

(«На Востоке просто так не дружат»)

После того, как Семён узнал, что жена Булата – армянка, он задал себе вопрос: «Почему в своих рассказах Булат скрывает это?» Действительно, в уста одного из своих героев, пожилого еврея, жителя Евпатории, автор вложил такие слова: «В том, что ваша, Булат, жена - еврейка, я не сомневался, а вот о вас по ошибке подумал, что вы – грузин».

«Почему Булат покривил душой? - думал Семён. - Стеснялся? Странно, но ведь в сегодняшнем нашем религиозном зазеркалье быть женатым на гоюхе, а потом её обгиюрить, - не считается зазорным. Тем более, что о некоторых своих грехах он написал в рассказах вполне откровенно. Очевидно, фибрами своей души он ощущал, что его рассказы о еврейском чувстве собственного достоинства вступают в противоречие с предательством собственного народа – женитьбой на гоюхе. Видимо, потому он и скрывает этот факт».

Вскоре разошлась радостная весть: Соломон вновь женился! Но с момента его развода Семён его не видел. А если говорить по правде, то и не хотел видеть. Ибо Семён не мог себе представить, как он будет смотреть Соломону в глаза, как сможет скрыть своё сочувствие от этого достойного, но, наверное, по-грузински гордого человека.

Тем не менее, судьба свела их вновь через несколько лет, на свадьбе дочери общего знакомого. Увидев друг друга, они очень обрадовались, сели за один стол и стали жадно общаться. Соломон сильно изменился, постарел, его лицо казалось измождённым, хотя он разговаривал с таким же весёлым и жизнерадостным азартом, как и раньше. Семёна удивило, что от раньше не курившего Соломона крепко несло куревом. По иронии судьбы, сбилось приветствие, с которым Семён раньше обращался к Соломону: «*Сигарети хомар агагт?*»

- Как поживает Булат? Давно его не видел, - спросил Семён.

- Я не в курсе. Мы почти не видимся - только если на какой свадьбе или *бар-мицве*²¹... А я слышал, что он перед гоями выступает, поёт, - есть чем заниматься.

- А что, евреям он уже не интересен? Знаешь, вы оба напоминаете мне грузин, именно грузин, а не грузинских евреев. Грузинские евреи - они гораздо более сдержанные, даже немного закрытые, скрытные, "квадратные" такие...

- Ты прав. И я, и Булат в Грузии почти не общались с грузинскими евреями. Это совсем другой мир. Кроме языка, меня с ними почти ничего не объединяет. Всё грузинское во мне и в Булате – не от них, а от грузин, неевреев.

«"Ложные грузины"», - опять вспомнил Семён.

- Соломон, а это правда, что в Грузии совершенно нет антисемитизма? - спросил Семён.

- И правда, и неправда. Не знаю, как тебе объяснить. Восток – дело тонкое, Петруха! - засмеялся Соломон.

- Соломон! Я всё-таки не понимаю: почему вы с Булатом не поддерживаете контакт? Ведь вы же были такими друзьями!

- Не знаю. Так получилось. У каждого своя жизнь.

- А я думаю, что знаю, почему. Ведь ты же не профессор какой, на фоне которого он будет эффектно выглядеть. Раньше, когда он был пустым местом, а ты - уважаемым аврехом, - ему было приятно держаться за тебя, как за подол маменькиной юбки. Мне жена как-то сказала, что на Востоке знают только выгоду, просто так там не дружат.

В ответ на эту Семёнову тираду Соломон только пожал плечами. Огульное обвинение в адрес Востока в целом и Грузии в частности показалось ему несправедливым.

²¹ *Бар-мицва* – празднование 13-летия мальчика.

Соседи или враги

(Декларативные качества национального характера)

С момента окончания консерватории Семён регулярно музыкой уже не занимался, за исключением нескольких проектов, таких, как диск Булата. Но читая перед сном в кровати, он всегда включал наушники, знакомясь с произведениями симфонической музыки, которые не входили в консерваторскую программу. Так он, не теряя времени, совершенствовал своё музыкальное образование.

Однажды он решил сравнить три варианта оркестровки оперы Мусоргского "Борис Годунов". В музучилище им преподнесли эту оперу в оркестровке Римского-Корсакова, а оркестровки Мусоргского и Шостаковича Семён до того времени вообще не слышал. Исполнение "Годунова" в редакции Мусоргского Семён нашёл под управлением дирижёра Валерия Гергиева, и оно его потрясло. Семён решил побольше узнать об этом дирижёре. Оказалось, что он осетин. "Интересно, что это за народ такой – осетины?" – подумал Семён. Поиск информации об осетинах в электронной библиотеке, он нашёл на книгу Инги Кочиевой о грузино-осетинской войне. Вот, что он там прочитал:

«История № 1. Соседи.

Феня Кокоева, которая по сегодняшний день с детьми, внуками и правнуком живет на турбазе «Осетия», до войны жила в селении Курта Цхинвальского района: «Работала я поваром здесь же, на турбазе, ездила сюда автобусом. С соседями в Курта жила очень дружно, но потом видела, что все, кто врывается к нам в дом, были наши соседи. Каждый раз мы думали, что утром обязательно уйдем в Цхинвал. Но утром приходила надежда, что теперь все кончилось, и мы опять оставались. Когда в селе узнали, что мы собираемся бежать, в ту ночь отняли у нас все, что могли унести. Утром мы убежали. Некоторые соседи уговаривали нас не уходить, муж мой Кочиев, но по паспорту он был Кочишвили, и они считали его грузином, но мы их не

слушали. Да они уже делили наше имущество. Мне только за одну корову удалось получить 100 рублей. Дом скоро сожгли. Мы пришли в Цхинвал пешком и направились прямо к турбазе, больше мне и пойти было некуда. Муж совершенно потерял самообладание, был в шоке и даже не разговаривал. На турбазе располагались тогда русские военные, но я выпросила комнату. Всю войну мы провели здесь, под обстрелами: грузины знали, что здесь находятся военные, и обстреливали здание особенно сильно. Через несколько лет после войны муж умер от инфаркта, он так и не пришел в себя, все эти годы сидел на балконе и молчал. Документы я потеряла и не смогла оформить пенсию в Северной Осетии. Живем на гроши. В Курта я оставила двухэтажный дом, 8 коров, 18 овец, 14 пар постелей у меня было. [..]

Очень часто нападавшими были соседи, хотя некоторые из них все же скрывали свои лица. Беженец Гено Хабалов из с. Ксуиси Цхинвальского района, в котором из 200 домов было лишь 40 осетинских, рассказал, как 28 января в дом пришли грузины с оружием: «Лица их были закрыты шарфами, вели себя уверенно, стали избивать нас с женой, требовать деньги. В тумбочке было 1800 рублей, они требовали больше, но больше не было. Стали избивать прикладами, женщина потеряла сознание. Потом нас обоих связали и ушли, а мы через полтора часа сумели освободиться. У супруги исчезли вставные золотые зубы». [..]

...Дмитрий Валиев, беженец из села Цвери Горийского района Грузии, как и многие бывшие жители Карельского района, назвал имя некоего Пааты Гурджанидзе, безнаказанно совершившего немало кровавых преступлений против осетин: «В селе было 60 домов, все осетины, а рядом, в Нижнем Цвери, жили грузины. Жили мы с ними дружно, пока не начались антиосетинские события, и нам заявили, чтобы мы убегали из села. Руководил экстремистами Паата Гурджанидзе. Сначала у нас отбирали машины, потом имущество, потом уже избивали. Кто сопротивлялся, тех убивали. В тот период убили Вильгельма Валиева и Сосо Пухаева, хотя они были грузинскими зятьями. Их поймали и отвезли на грузинское кладбище. Заставили их

сделать круг вокруг кладбища, затем отвезли на берег Куры и расстреляли. Похоронить не дали. К другим постоянно приходили требовать денег. 29 марта нам приказали идти в центр села, где якобы должен был состояться митинг. Там нас, 21 человека, поймали и загнали в кузов грузовой машины. Мы думали, что нас везут на расстрел. Но нас привезли в село Авневи Знаурского района, высадили там и передали другим вооруженным бандитам. Те избили нас, потом опять посадили в машину и повезли в сторону села Бекмар. Там нас обменяли на грузин. С тех пор мы остались здесь. В наших домах живут грузины».

Ах, опять соседи! Семён силился переварить эту информацию. После знакомства с очерком Рочко он думал, что такие вот "добрые соседи", такое вот животное предательство со стороны вчерашних друзей - это специфический удел еврейского народа. Ан не тут-то было! «Но всё-таки! Одно дело - латыши, но другое - грузины, гостеприимный и миролюбивый народ с богатейшей древней культурой! Народ, про который говорят, что он единственный в мире, в чьей стране вообще нет антисемитизма! И этот народ - он тоже принадлежит к разряду *homo vulgaris*?! Я не знаю, кто прав, а кто виноват в грузино-осетинском конфликте, пусть даже осетины трижды неправы, но *homo sapiens* - люди - так, как сделали грузины, со своими соседями не поступают!» - вертелось в воспалённом мозгу Семёна.

Успокоение пришло свыше. Под рукой Семёна оказалась книга В. Соловья "Несостоявшаяся революция". Оттуда Семён узнал, что, оказывается, есть такое понятие - "декларативное качество национального характера". В качестве примера автор приводит то, что русские про себя говорят: «Мы - рубаха-парни», и это декларируется ими как чуть ли не главное национальное качество русских. На самом же деле, пишет Соловей, чем активнее декларируется качество, тем скорее следует предполагать, что подлинное национальное качество этого народа - прямо противоположное. То, что декларируется - это то,

какими они хотят себя видеть, не более того. Внешне им, может, даже хорошо удаётся рисоваться.

Семён хорошо помнил, как латыши любят твердить о своём трудолюбии, а на самом деле он знал, что они по натуре ленивы. Даже если латыш тяжело вкалывает (и такое, правда, случается нередко), то это только от безысходности. Латвийские товары бывают очень привлекательны на вид, но у них нередко низкое качество - даже янтарь на красивом сувенире бывает приклеен плохим клеем. А что касается грузин, заключил Семён, вот вам яркий пример, подтверждающий теорию проф. Соловоя. Вот оно - декларируемое грузинское радушие и благородство!

В воспоминаниях известного рижского историка Петра Крупникова Семён прочитал интересную историю. Однажды, в брежневские времена, Крупников сопровождал свою супругу на съезд врачей, который проходил в Грузии. Грузины, как полагается, оказали очень радушный и щедрый приём. У Крупникова в Тбилиси жила знакомая армянская семья, к которой он с супругой зашли в гости. Здесь Крупниковым был оказан не менее достойный приём. В середине трапезы армянин - глава семьи - воскликнул, обращаясь к Крупникову:

- Как вам может нравиться этот народ? Ведь грузинские князья продавали своих крепостных девушек в гаремы турецким султанам!

- Но ведь посредниками между ними в этом грязном бизнесе были армянские купцы! - возразил Крупников.

- Одно дело - продавать чужих, совсем другое - продавать своих! - парировал армянин.

Нафтали читает судьбу Соломона

(«Грех коверкает еврейскую душу»)

В супермаркете Семён увидел Соломона. Тот стоял за стойкой кассы самообслуживания и проводил бар-коды

купленных продуктов. Он был так сосредоточен на этом занятии, что не заметил Семёна.

- Соломон, привет, я вижу, ты очень занят, но у меня к тебе только один вопрос! Почему грузины так жестоко поступили с осетинами? Ведь говорят, что грузины такие благородные!

- Грузины?! Они - дикий народ! Дикий! Но осетины, наверное, ещё более дикие, - ответил Соломон.

Через некоторое время Семён вновь услышал страшную весть: Соломон развёлся вторично.

- Почему же, почему такой положительный человек так несчастен в семейной жизни? - спросил Семён своего друга Нафтали.

- Знаешь, Семён, у меня есть предположение. Один мой знакомый, хороший парень - сын еврейки и гоя - женился на чистокровной кавказской еврейке, у которой оба родителя евреи. По прошествии нескольких лет после свадьбы, она без видимых объективных причин стала устраивать ему настоящий террор. В одну прекрасную ночь парень проснулся из-за того, что жена стала душить его нитями *цицит*²² *талит-катана*²³, в котором тот спал. Парень вскочил, схватил мобильный телефон и так - в пижаме - выбежал на улицу и вызвал полицию. Я знаю ещё несколько подобных историй. Здесь явно прослеживается тенденция: неравный брак между евреем или еврейкой по двум родителям и полукровкой - обычно не заканчивается хорошо. Отец Соломона - гой, а его жёнами были чистокровные еврейки. Может, ты скажешь, что это мистика какая-то, но таковы реальные факты. Очевидно, что на духовном уровне такие души не подходят друг другу. И сваты, которые "шидухают"²⁴ такие пары, на самом деле, – преступники. И объяснить им ничего невозможно.

²² *Цицит* (иврит) – "нити видения".

²³ *Талит-катан* (иврит) – четырехугольная одежда наподобие майки, к которой привязаны "нити видения".

²⁴ *Шидухать* (жарг.) – сватать.

- Это интересная гипотеза. Но мне на ум приходит другое объяснение. Соломон, при всей своей положительности, не лишён, однако, и грузинской "декларативности". Ведь что больше всего раздражало ленинградцев: все свои добрые дела он делал по-грузински напоказ. Супруге это тоже могло в какой-то момент надоест. Если, конечно, она тоже не из Грузии, - заметил Семён. Теперь он понял, что не надо было удивляться неприезду Соломона на его свадьбу. Ведь Семён думал, что доброе отношение к нему со стороны Соломона абсолютно искреннее. Теперь, однако, к Семёну пришло осознание того, что в какой-то степени оно, наверное, всё же было "декларативным". А вот вечно угрюмые ленинградцы, наоборот, начисто лишены всякой "декларативности" - зато в нужный момент в них всегда проснётся еврейская душа. Как в тот раз, когда они почти все приехали на Семёнову свадьбу.

Семён обратился к Нафтали с ещё одним вопросом:

- А почему Булат так неадекватно, утрированно боготворит грузин? Ведь даже Соломон, грузин по отцу, относится к ним гораздо более сдержанно! Почему Булат стремится петь на публике даже в совершенно не подходящих для этого ситуациях? Почему его рассказы проникнуты самолюбованием? Почему он восхваляет не только положительные качества: благородство, щедрость, но и явно порочные: лицемерие и извлечение пользы из круговой поруки?

Ответ Нафтали был неумолим, как наковальня:

- Булат был женат на гоюхе, но по-настоящему не раскаялся - ведь он с ней не развёлся, а вместо этого всего лишь её обгигюрил. Любой грех, который человек совершает регулярно, существенно коверкает еврейскую душу и искажает её фибры, которыми она интуитивно чувствует истину. Булат был в двух шагах от настоящего, полного раскаяния - тогда, когда в Тбилиси ушёл из дома. Его брат, возомнивший себя в тот момент великим раввином и приказавший ему продолжать сожительствовать с гоюхой, оказал ему медвежью услугу!

Чужое добро

- Послушай, Семён, таких, как ты, надо отстреливать! Ты живёшь не по понятиям! - заявил однажды Булат.

- А что такое? - недоумённо отреагировал Семён.

- Вот, посмотри. Почти все аврехи нашей йешивы уже давно перешли в "колель усиленного питания", а ты всё ломаешься, как принцесса!

Руководство йешивы, постоянно страдавшее от финансовых трудностей, постигла большая удача. Еврей-миллиардер предложил проект: открыть при йешиве двухгодичные курсы будущих раввинов, учителей и лекторов - лидеров русскоязычных еврейских общин по всему миру. За это религиозный миллиардер будет платить студентам двукратную стипендию, а раввинам-преподавателям - трёхкратную зарплату. Обязательным условием для принятия студента на курсы должно быть его письменное обязательство по окончании курсов отработать по специальности два года.

Руководство йешивы смекнуло, что, помимо всего прочего, эти курсы - наилучший способ отыскать средства для выплаты стипендий своим женатым студентам. Поэтому, прежде чем набирать людей "с улицы", оно принялось активно агитировать поступить в этот "колель усиленного питания" своих же аврехов.

Долго агитировать не пришлось, ведь это предприятие со всех сторон выглядело как бриллиантовая жила: и деньги получишь, и диплом раввина/лектора/учителя; в общем, как в сказке. Только одно "но": в договоре студент подписывался под тем условием, что, если по окончании курсов сам не найдёт себе соответствующую работу, он будет обязан согласиться на такую, какую ему предложат миллиардер и его контора. Что-то вроде распределения, которое практиковалось после окончания советских вузов. На первый взгляд, даже очень мило. Чем плохо работать

раввином/учителем/лектором? И притом тебе подносят эту работу "на блюдечке с голубой каёмочкой"!

- Реб Булат! - отреагировал Семён. - Вы хотите сказать, что я выпендриваюсь, делаю всё специально наоборот. Но я сделал простой расчёт и увидел, что при любой раскладке буду проигравшим. Через два года меня пошлют - в буквальном и переносном смысле - куда-нибудь в Магадан руководить там общиной. Но общину прежде всего надо будет создать на месте самому. Если местных евреев (если вообще они там есть) привлечь не удастся, то поступит негласный приказ от начальства: достань людей хоть из-под земли! Что между нами, девочками, означает: хоть иудаизируй местных чукчей и иже с ними; преврати в людей белых медведей, а потом и их тоже иудаизируй! Одним словом, продай свою душу дьяволу и поступишь запретом Торы заниматься миссионерством. И не забывайте, реб Булат, что обратного пути у меня уже не будет, потому что, по договору, я буду обязан везти с собой в Магадан и жену, и детей. И если я не оправдаю надежд, то мне прекратят платить зарплату, и тогда уже за свои деньги я должен буду везти семью обратно в Израиль. Представьте себе, какая досада и разочарование, волокита и неудобства! Ведь перед отъездом из Израиля мы отовсюду должны будем выписаться - из *хедера*²⁵, детского сада, школы, где учатся дети, даже из больничной кассы, и так далее. Придётся опять начинать жизнь сначала. Каково в этой ситуации будет искушение пойти на сделку с совестью и согласиться заниматься распространением Торы среди неевреев?!

- Семён! Ты мне напомнил советский анекдот: «Чукчи послали письмо Брежневу с жалобой по поводу того, что о них рассказывают анекдоты. От правительства пришёл ответ: "Дорогие товарищи чукчи! Теперь вы будете называться не чукчи, а еврей-оленеводы"».

²⁵ *Хедер* – еврейская религиозная начальная школа.

Семён засмеялся:

- О да! Очевидно, создатели этого анекдота пророчески предвидели сегодняшнюю ситуацию. Все ребята, думаю, понимают то, что я вам сказал, но верят, что их пожалеют и по окончании курсов оставят в йешиве – просто переведут обратно из "колеля повышенного питания" в "колель скудного". А для проформы, для отчёта перед спонсорами устроят их читать какие-то лекции, вроде тех, с которыми я выступаю перед пожилыми советскими евреями. Но чую я, что на самом деле будет не так. И уж во всяком случае, не с теми, кто не склонен "лизать начальству". А если уж кого-то и оставят, так подумайте же, унижение какое: над тобой смилостивились! - и теперь, будь добр, смирись и будь кроток и благодарен до скончания жизни! Противно. Куда ни погляди - проигрышный вариант.

- Но ведь надо же что-то кушать! - парировал Булат.
- Деньги же не валяются с небес!

- Если Всевышний захочет, то свалятся и с небес!

Разговор над книгами

- Что ты тут роешься?

Сидевший на корточках, перебирая обветшалые книги, раввин каунасской синагоги Карпман оглянулся. На пороге местной *гнизы* стоял председатель синагогальной "двадцатки" Залман Ихилевич. *Гниза* – помещение, куда складывают старые еврейские священные книги, вышедшие из употребления. Потом их хоронят на еврейском кладбище.

- А что такое? - недоумённо спросил раввин.

- Ты тут бриллианты ищешь? Своровать, наверно, хочешь.

- Дорогой мой, ты, видимо, не в курсе, что по закону Торы всё, что лежит в гнизе, считается ничейным имуществом. Любой человек с улицы может прийти и брать. Вот почему ты не роешься вместе со мной? - И сам

ответил на свой вопрос. - Потому что ты в этих книгах ничего не понимаешь. Ты с грехом пополам знаешь еврейскую азбуку, куда тебе. Ты вот пойдёшь поучись, а потом будем вместе рыться.

- А мне наплевать на все эти законы. Я сам их знаю лучше тебя. А впрочем, не знаю. Но мне всё равно. Я здесь хозяин, и будет так, как я решаю. Я поставлю этот вопрос на правлении синагоги.

- Ты можешь поставить себе на голову горшок с цветами. И так сплясать. Больше пользы будет.

Залман ушёл, хлопнув дверью.

Сон Семёна

Однажды Семён увидел яркий сон: идёт Вторая мировая война, но немцы, непонятно почему, разрешили ему войти в библиотеку с еврейскими книгами. Что бы это значило? Когда Семён так чётко запоминал сон, он знал, что это неспроста. По своему личному опыту он знал, что у него такого рода сны обычно сбываются. Но он никак не мог разгадать, что бы всё это могло означать. И никак не связал он этот сон с каунасской гнизой, в которой побывал много лет назад, на заре "перестройки". Тогда Семён сопровождал молодого израильтянина Илана Йинона, посланника сионистско-религиозной молодёжной организации "Бней-Акива", в его поездке по Литве и Латвии. Семёну было неизвестно, почему смотрительница синагоги сама любезно предложила им осмотреть гнизу: то ли это был предмет её особой гордости, то ли Илан оказался одним из первых израильтян, посетивших эту синагогу, то ли она ждала от него какую-то подачку. А может, всё вместе.

Семён помнил, какими жадными глазами Илан осматривал хранящиеся в гнизе книги.

- Даже в Израиле нет таких книг, - сказал Илан Семёну на иврите, которым тот уже вполне бегло владел.

Но никак не связал Семён свой сон с этой давней историей, тем более что она частично стёрлась из его памяти: Семён даже не помнил, на каком этаже синагоги находилась гниза.

Долг банку и долг Всевышнему

Прошли годы. Семён частенько вспоминал разговор с Булатом о том, что деньги не валятся с небес. Неужели Булат был прав? Работу, которая была у Семёна в раввинате - не жирное, но неплохое подспорье к его жалкой колельской стипендии – он потерял. Долг банку и кредитным компаниям стремительно рос. Банковский счет и кредитные карточки буквально трещали по швам, но Семён старался не паниковать: он верил, что Всевышний поможет.

В один прекрасный день Семён понял, что другого выхода нет: он пошёл в банк и попросил, чтобы ему увеличили разрешённый "минус".

В пятницу после утренней молитвы Семён заметил на столе в синагоге новую, недавно изданную книгу. Обычно, увидев новую святую книгу, он брал её в руки, раскрывал на середине и смотрел, что там написано. Так он поступил и в этот раз. Семён прочитал следующее: у одного авреха в банке был минус размером в 40 тысяч шекелей. Он решил, что будет отделять десятину – *маасэр*, ибо Тора обещает, что у того, кто отделяет *маасэр*, не будет материального недостатка. В течении года "минус" в банке у этого авреха непонятным образом улетучился. Семён решил последовать его примеру: ведь ввиду стеснённых обстоятельств отделять *маасэр* он прекратил.

В праздник Шавуот Семёна, по пути домой после утренней молитвы остановил незнакомый ему еврей.

- Я слышал, что ты работал в раввинате, проверял происхождение выходцев из бывшего Союза, которые собираются зарегистрировать брак. Может, у тебя на

приёме были потомки знаменитого каунасского раввина Шапиро?

- Нет, не были. А что такое? - спросил Семён.

- Понимаешь, я занимаюсь поиском его рукописей по всему миру. Кое-что я чудесным образом уже нашёл и издал. Но этого мало - большая часть его рукописей пока ещё не найдена. Среди изучающих Тору сегодня - огромный интерес к его книгам.

- Знаешь, если буду в Каунасе, спрошу там прихожан в синагоге. Ведь это совсем недалеко от моего родного города - Риги, а там я рано или поздно буду. Как твоя фамилия?

- Бамбергер. Я живу недалеко от тебя. *Хаг самеах*²⁶!

- *Хаг самеах!*

Поездка в Ригу и Каунас

Через несколько лет Семёна пригласили в Ригу – проверить происхождение кантора синагоги, по поводу которого появилось подозрение, что он не еврей.

Жена Семёна Инна была беременна. На день отъезда у неё был назначен приём у гинеколога. Семён не придавал этому большого значения: ведь приём в 10 утра, а отлёт в 17.50. После утренней молитвы Семён пошёл покупать еду в поездку, но примерно в 10.30 раздался звонок жены в слезах:

- Врачиха говорит, что у плода нет сердцебиения. Чтобы знать точно, жив ли он, надо делать ультрасаунд.

Семён попытался хоть немного успокоить жену и побежал в городскую поликлинику, где уговаривал работников принять их сегодня на ультрасаунд без очереди. Он объяснял ситуацию, показывал свой билет на самолёт, но всё тщетно.

Когда Семён прибежал домой, Инна его уже ждала.

²⁶ *Хаг самеах!* (иврит) - весёлого праздника!

- Быстро едем в больницу! - выпалил Семён.
- А как же твой полёт?
- Не имеет ни малейшего значения. Сейчас полёт – самое последнее дело.

Семён быстрыми движениями положил в рюкзак *талит*²⁷ и *тфилин*²⁸, и бросил туда же несколько бананов на всякий случай, - хотя ему слабо верилось, что он всё же сможет улететь. Паспорт и билет были у него в кармане пиджака. А чемодан с вещами остался дома.

Приехав в больницу, они дождались своей очереди на ультразвунд довольно быстро, но это было только полдела: своё заключение должен был дать врач. А очередь к врачу, как назло, двигалась очень медленно. Внезапно врач вышел, и на долгое время приём прекратился. Люди забеспокоились, стали выяснять, что происходит. Им объяснили: смена закончилась, должен прийти другой врач. Ожидание, казалось, длилось вечно.

Наконец, пришёл новый врач, и подошла очередь Инны. Семён уже в принципе забыл про свой полёт – успеть на рейс теперь казалось уже никак не возможным.

Врач посмотрел результаты ультразвунда, сделал в своём кабинете повторный ультразунд, и его заключение было неумолимо: плод мёртв. Когда убитая горем пара вышла из кабинета, было без пятнадцати пять. Семён с Инной направились к выходу из больницы. Внезапно Инна остановилась:

- Мне нужно в туалет.

Когда она возвратилась, минут через пять, их окликнул идущий к выходу сосед Юра – больничный врач, живущий от них неподалёку.

- Вы домой? Тогда могу подвезти.

Семён с Инной последовали за ним и сели в машину.

²⁷ *Талит*, *талит-гадоль* (иврит) - четырехугольное покрывало, к которому привязаны *цицит* ("нити видения"). В него евреи укутываются во время утренней молитвы.

²⁸ *Тфилин* (иврит) - филактерии.

- Сегодня я решил испытать новый маршрут. Обычно на выезде из Бней-Брака огромные пробки, но мне недавно объяснили, как их избежать. Делаю это впервые, поэтому если что-то выйдёт не так, заранее извиняюсь, - сказал Юра.

За считанные минуты они выехали из Бней-Брака, и уже через 10-15 минут с левой стороны показались самолёты, стоявшие на аэродроме. Семён понял, что они проезжают аэропорт, но тут же отогнал от себя еретическую мысль, возникшую на доли секунды. «Не могу же я оставить жену в такой тяжёлый момент», - подумал он.

Внезапно Инна, до этого молчавшая, обратилась к Юре:

- Мы рядом с аэропортом?

- Да, - ответил ничего не подозревавший Юра.

- А вы бы не могли посадить моего мужа в аэропорту? - спросила Инна.

- Да, конечно, через несколько минут.

- Инна, ты уверена, что поступить надо именно так? - спросил Семён.

- Да! - был её ответ.

Когда Семён проходил таможенную проверку, часы показывали 17.20. Благо, в тот период люди, которые зарегистрировались на рейс заблаговременно через интернет, могли проходить проверку отдельно от остальных. А поскольку эта услуга была относительно новой, большинство людей ею тогда еще не пользовались. И Семён прошёл эту процедуру за несколько минут.

Когда Семён покупал билет по телефону в агентстве по продаже авиабилетов, служащая его предупредила: «Зарегистрируйтесь заранее в интернете. Иначе вас могут даже не посадить на рейс. Балтийская авиакомпания на всё способна». Раньше Семён такого не делал, но на сей раз последовал её совету, и это его выручило: стойка регистрации на его рейс давно уже была закрыта. У

открытой стойки на паспортный контроль тоже очереди не было.

Когда он подошёл к воротам на рейс, посадка была в разгаре. Семён решил, что у него есть ещё несколько минут, и купил две пачки кашерных пит по баснословной аэропортовской цене: ведь, быть может, это послужит его основной едой в Риге.

Утром в рижском аэропорту Семёна встретил представитель еврейской религиозной общины и отвёз его в гостиницу. Семён решил не терять времени зря и сказал сопровождающему:

- Я хочу начать работу немедленно; организуйте мне встречу с кантором прямо на завтра. Скажите ему, чтобы на встречу взял все советские документы, которые у него есть.

Без большого труда Семёну удалось выяснить, что и на самом деле кантор не еврей – сын еврея и русской женщины. Семён привык к делам намного более сложным, но в Риге, по-видимому, прикидывающиеся евреями еще не научились так искусно врать, как они это делают в Израиле.

Этот кантор, назовём его Владимир Мульман, в детстве обожал отца, а мать не любил. Дома были пластинки с еврейскими песнями, и мальчик очень любил их слушать. В 16 лет, получая паспорт, он записался евреем – по папе, которого безумно любил и поэтому себя тоже считал евреем. Получил два высших образования: одно – в латвийском вузе, второе, консерваторское – в российском. В латвийскую консерваторию Мульман поступать не решился, ибо на консультации перед вступительными экзаменами заведующий вокальным отделением Спрогис (который, как помнил Семён из своего детства, в своё время солировал в хоровых концертах еврейских народных песен) якобы ему сказал:

- *Муусу оопераа тыкай виэн жииды дзиэд.* («В нашей опере только одни жида и поют» - мол, хватит с нас певцов-евреев). Поэтому учиться на певца Владимир поехал в Россию.

В российской консерватории, где Мульман учился на вокальном отделении, его внимание привлекло объявление о наборе на курсы еврейских синагогальных канторов. Шли горбачевские времена. С детства любил Мульман еврейскую музыку, и, окрылённый, он направился по указанному адресу и заполнил там анкету. Через некоторое время, неожиданно для себя, он получил отказ: в анкете он честно написал, что его мать - русская. Ведь не знал же тогда Мульман, что по еврейскому Закону, он не считается евреем. А синагогальный кантор по Закону не может быть неевреем.

Отказ стал для Мульмана тяжёлым ударом, но из этой истории он извлёк для себя "сермяжную правду": понял, что отныне должен скрывать то, что его мать - нееврейка.

Закончив консерваторию, Мульман поступил в аспирантуру, по окончании которой вернулся в Ригу. Хотя он был успешным вокалистом, в оперу его не тянуло: Мульман чувствовал, что это "не его". Больше тянуло к камерной музыке, а в особенности - еврейской. Он пошёл в синагогу и сказал тамошнему раввину Браверману, что хочет учиться на кантора. Раввин подумал: «У нас канторы – старики, скоро уйдут на тот свет, а тут с Небес поступила замена». Но всё же он спросил Мульмана:

- А ваша мама - еврейка?

- Да, конечно, у меня оба родителя - евреи.

- А как девичья фамилия вашей мамы? - спросил раввин.

- Морозова, - честно ответил Мульман.

Раввин немного засомневался, но ему показалось, что он когда-то знал еврейскую семью с фамилией Морозовы. На этом проверка еврейского происхождения Мульмана закончилась. Начала сбываться его давняя мечта – стать исполнителем еврейской сакральной музыки...

Работа была закончена, кантор-нееврей разоблачён, но до отлёта оставалось ещё несколько дней. «Чем чёрт

не шутит, может, съездить в Каунас?» – подумал Семён, вспомнив разговор с Бамбергером.

В Каунас поезд прибыл рано утром, и Семён сразу же направился в синагогу. После утренней молитвы Семён подошёл к высокому молодому мужчине, который, как ему показалось, был там центральной фигурой, и спросил:

- Извините, я помню, что тут у вас была гниза. На каком этаже она находится?

- Да нет, это всё в прошлом. Покойный раввин Карпман всё ценное, что было в ней, оттуда вынес. Часть книг, очевидно, успел продать, а часть оставалась в его кабинете. Но когда мы после его смерти взломали дверь, то обнаружили, что книги истлели - кабинет был на верхнем этаже, и его залило дождями. Всё, больше нет ничего.

- А, понял, - сказал Семён.

Он осмотрелся. Ему показалось, что на женской галерее, которую снизу частично было видно, есть какая-то выставка. Он поднялся на второй этаж и понял, что не обманулся. Под стеклом лежали старые, довоенного выпуска, книги раввинов Литвы. Всё было оформлено, как музей, и Семён обратился к находившемуся там *хабаднику*:

- Я смотрю, тут у вас целый музей. Молодцы! Кто это всё устроил?

- Мы, *хабадники*. А книги мы нашли в синагогальной гнизе.

- А что, гниза еще существует? - спросил Семён.

- Да, конечно. Только ключи от неё у нас забрали, когда правление выгнало нас из нижних помещений синагоги, - с грустью сказал *хабадник*.

- А где эта гниза находится?

- На самом нижнем, полуподвальном этаже.

- А у кого ключи?

- У Кремерова, нового раввина. Я с ним не в ладах.

С прозелитом Кремеровым Семён был знаком. Но на утренней молитве в синагоге он его почему-то не

заметил. Семён метеором ринулся вниз по лестнице. Внизу стоял Кремеров, который уже собирался уходить.

- Здравствуйте, я слышал, тут у вас есть гнизы? - начал Семён без предисловий.

- Да-да, я давно уже хочу все эти книги из гнизы похоронить на кладбище. Думаю, что там, наверное, ничего ценного нет. Мне нужны эти помещения для уроков, а обветшалые книги занимают целых две комнаты, к тому же от них страшно несёт плесенью.

- Послушайте, книги пока не выбрасывайте. Я на два дня остановился в Каунасе, за это время я их отсортирую. То, что можно похоронить, я отложу отдельно, а то, что, может быть, имеет какую-то ценность – отдельно, - предложил Семён.

- А, спасибо, это идея, - ответил Кремеров.

- Вы бы не могли дать мне ключи от гнизы? - спросил Семён.

- Да, пожалуйста, - Кремеров протянул Семёну связку. - Если найдёте книги, которые вам понравятся, можете взять их себе.

- Спасибо. Где дверь гнизы?

- Вот здесь, – показал Кремеров.

Семён немедленно приступил к работе. Ужасный смрад, царивший в гнизе, его не остановил. В бешеном темпе, как угорелый, он вытаскивал книгу за книгой и поверхностно листал её, ища записи на полях. Он знал, что ищет: Бамбергер рассказал ему о том, что раньше раввины оставляли свои комментарии на полях фолиантов Талмуда и других священных книг, которые они изучали. При этом они могли нисколько не думать о публикации: просто письменное изложение своих мыслей в процессе учёбы помогало им лучше понять изучаемый материал. Семён понимал, что его время ограничено и поэтому не проверял методично книгу за книгой, а вынимал их выборочно, по наитию.

Уже в первые полчаса Семён набрёл на здоровенный том Талмуда, исписанный размашистым раввинским почерком. Не мешкая, Семён быстро, но

внимательно пролистал фолиант, страницу за страницей, и вырвал все листы, на полях которых были комментарии, а саму книгу отложил в сторону. Вскоре в руки Семёна попало ещё несколько тонких книг, исписанных уже другим, аккуратным мелким почерком. Вырывать листы он уже не стал, а книги отложил. Семён работал, как заведённый, до позднего вечера, сделав лишь короткий перерыв на перекус. С собой у него были израильские питы и кашерные рижские шпроты. Измождённый и вконец обессиленный, Семён заночевал в синагоге на стульях.

Назавтра, сразу же после утренней молитвы, Семён продолжил работу. Через некоторое время в его руки попался здоровенный том Талмуда, в котором комментариев не было, но ими была исписана обложка. Семён оторвал обложку и положил её к себе в сумку. Всё это он делал очень быстро. Через несколько часов Семён набрёл на книгу без обложки, в которой, при поверхностном пролистывании, обнаружил всего лишь один комментарий. И эту книгу он тоже отложил. Стопка отложенных книг выросла до внушительных размеров.

Время заканчивалось, через несколько часов поезд. «Перед смертью не надышишься», - вспомнил Семён русскую пословицу, понимая, что работу надо прекращать. Все отложенные книги и вырванные листы он аккуратно сложил в свой рюкзак и в два прочных продуктовых пакета.

«Получилась внушительная ноша! – подумал Семён. – Как бы прихожане чего не заподозрили! Хотя Кремеров разрешил мне взять всё, что я хочу, и именно его правление назначило заведующим гнизой, тем не менее, всё это будет выглядеть очень подозрительно. И неизвестно, с какими последствиями».

Семён оставил свои манатки внизу и поднялся наверх, в зал синагоги. Там уже начали собираться на

молитву *минха-маарив*²⁹. Семён стал фотографировать синагогу – на память. У задней стены зала стояли шкафы со старыми, довоенными книгами. «Их не положили в гнизу, наверное, потому, что они в сравнительно хорошем состоянии», - подумал Семён и стал фотографировать эти шкафы. Вдруг он заметил, что на шкафы повешены замки. «Вчера утром, кажется, этих замков не было, - подумал Семён. - Нет, не может быть такого; наверное, я просто не заметил».

Раздумья Семёна прервал раздражённый голос хабадника.

- Что ты тут фотографируешь? - спросил тот на иврите.

- На память. А что такое?

- Нет, я вижу, что ты фотографируешь книжные шкафы. Ты явно что-то ищешь.

- Что мне искать? Фотографирую на память.

- Нет, ты что-то ищешь!

Семён понял, что по синагоге уже распространился слух о том, что он рылся в гнизе, хотя до этого он думал, что, кроме Кремерова, его там никто не заметил.

После молитвы Семён отдал ключи Кремерову, поблагодарил его и объяснил, каким образом он сложил те книги, которые можно хоронить, а каким - те, которые, возможно, представляют собой какую-то ценность.

- Но, в принципе, работа по сортировке книг ещё не закончена, - сказал Семён.

- Приезжайте ещё, продолжите!

- Если удастся. Всего доброго! - ответил Семён.

Внезапно к нему подскочил хабадник.

- У тебя есть десять минут со мной поговорить?

- Да, конечно.

- Тогда поднимемся ко мне наверх.

Они поднялись по лестнице.

²⁹ *Минха-маарив* (иврит) - так называется послеобеденная и вечерняя молитва, когда в конкретной синагоге их читают без перерыва.

- Ты знаешь, что Кремеров – прозелит? - спросил хабадник.

- Да, знаю.

- А ты знаешь, что его гиюр и гроша ломаного не стоит? Этот гиюр он проходил в некашерном раввинском суде, и поэтому он недействителен. У меня есть все документы, подтверждающие это. Так что Кремеров - гой. И вообще, у него нет страха перед Небесами. Помогите мне вытурить его из синагоги. Я слышал, что ты охотишься за гоями.

- Насчет страха я не специалист, а вот документы, которые у тебя есть, пришли мне на электронную почту, - ответил Семён.

Хабадник записал адрес, и они распрощались.

Семён сошёл вниз, в зал синагоги, подождал там минут десять, чтобы прихожане успели разойтись, спустился по лестнице, взял свои вещи и пошёл к выходу. На выходе Семёна видел только сторож, проводивший его испуганным взглядом.

По дороге на вокзал Семён размышлял: «Ведь это же Провидение! Сколько людей передо мной - и Карпман, и хабадники - уже успели основательно порыться в гнизе и "почистить" там все ценные издания. Но они не знали, что кроме титульного листа, проверять надо и всю книгу на предмет написанных в ней комментариев! И всё это досталось мне! А вот ещё: почему вдруг правление забрало ключи от гнизы у хабадников и передало их Кремерову? Ведь хабадники не подпустили бы меня к гнизе и на милую! Да и любой другой еврей, наверное, тоже. Только Кремеров – простой русский парень, не вполне понимающий наши реалии – был способен совершить такое. Подсознательно ведь всё это для него вроде как чужое добро. Просто чудеса какие-то! Да, но ведь еще неизвестно, что я нашёл. Хотя это не имеет принципиального значения: даже если эти книги не имеют большой материальной ценности, я спас еврейские рукописи от уничтожения».

На следующее утро Семён уже был в Риге. Он ещё раз просмотрел найденные книги и, на всякий случай, сфотографировал страницы, на которых фигурировали рукописные комментарии. «А вдруг на таможенном контроле книги отберут?» – подумал Семён. Хотя советские времена уже были позади, Семён решил подойти к делу с максимальной ответственностью – кто знает, что может произойти? Просматривая книги, он обнаружил, что часть из них он, очевидно, взял в спешке по ошибке – теперь он не находил в них ни одного комментария.

Хотя из Израиля в Ригу Семён прилетел налегке, теперь в его багаже явно намечался перевес. Поэтому книги, которые, как ему показалось, он взял по ошибке, он оставил храниться у своего друга в Риге. «Разберёмся с ними потом!» - решил он.

Из Риги в Израиль и Семён, и книги прилетели благополучно. Первым делом Семён сообщил о находке Бамбергеру. Тот немедленно поспешил к Семёну. Едва взглянув на вырванные листы, Бамбергер, как ненормальный, стал танцевать, держа их в руках:

- Это почерк раввина Шапиро! - его счастью не было предела. - Надо срочно опубликовать рукописи!

Семён вручил ему ксерокопии вырванных листов, а теперь решил поделиться радостной новостью со своими коллегами по колелю. Один из них посоветовал обратиться к представителю аукциона по продаже ценностей иудаики, Гринбергу. Семён позвонил ему и сказал, что нашёл рукописи раввина Шапиро. Гринберг ответил:

- Жаль, что ты вырвал эти листы. Это сильно уменьшает рукописи в цене. Книга, из которой ты их вырвал, где-то существует?

- Да, я взял её с собой, - сказал Семён.

- Тогда нет проблем. Можно будет так искусно вклеить листы, что никто и не заметит. Постой... В принципе, не нужно даже вклеивать! Просто вложи листы обратно в книгу. Мы придумаем версию, вроде той, что

листы попали к тебе в руки в советское время, и ты их тайно переслал в Израиль, а теперь произошло их "счастливое воссоединение" с книгой, из которой они были вырваны. Ты ещё что-то нашёл в гнизе?

- Да.

- Принеси мне всё, что нашёл. Через два месяца у нас будет новый аукцион. Мы проверим всё, что у тебя есть, и предложим начальную цену. Чем ценнее книга, тем больше шансов, что цена во время торгов значительно вырастет. Поспеш, потому что мы сейчас готовим к изданию реестр книг и рукописей, которые будут выставлены на следующем аукционе. Если не успеешь, то придётся ждать ещё примерно год, когда будет следующий аукцион.

Драгоценные комментарии

Через несколько дней Семён принёс Гринбергу все привезённые с собой книги. После экспертизы тот подтвердил, что это действительно почерк рава Шапиро, а в остальных книгах – комментарии менее известных раввинов.

- Есть шанс, что цена на аукционе за рукопись рава Шапиро поднимется даже в два раза. А за остальные книги начальная цена будет маленькая, и вряд ли она вырастет. Слава Всевышнему, если их вообще купят. Но всё равно, я советую тебе продать их тоже, потому что так ты приближаешь эти комментарии к публикации. У нас покупают не только частные лица, но и библиотеки, и хранилища. Комментарии Шапиро, которые ты нашёл, не были раньше опубликованы?

- Мой сосед Бамбергер, который занимается его наследием, сказал, что не были, – ответил Семён.

- Тогда хорошо. А то это сильно влияет на цену.

За две недели до аукциона Семёну внезапно позвонил Гринберг. Его голос звучал обеспокоенно.

- Послушай, ты никому не давал копии комментариев?

- Подожди, надо поднапрячь память... Да, я давал соседу.

- Ну вот! Одно издательство разрекламировало в Интернете, что оно готовит к изданию свежие, только что обнаруженные комментарии раввина Шапиро. Это никуда не годится. Я написал в нашей предаукционной брошюре, что продаваемые нами комментарии ранее никогда не были опубликованы. Это будет скандал. Цена опубликованных рукописей всегда в несколько раз ниже, и она на торгах, как правило, сильно не возрастает. С нашей стороны это будет обманом.

Сердце Семёна упало. Он вымолвил:

- Я поговорю с Бамбергером.

Семён позвонил своему соседу.

- Здравствуй, ты кому-нибудь давал копии комментариев?

- Да, конечно. Я же тебе сразу сказал, что наш долг - их опубликовать. Я послал их в издательство.

- Смотри, есть проблема. Прежде чем это сделать, ты был обязан посоветоваться со мной.

Семён изложил суть дела.

- Я не знаю, возможно ли теперь что-то изменить. Я попробую поговорить с издательством, - ответил Бамбергер.

Прошло несколько томительных дней ожидания. Наконец, позвонил Бамбергер:

- В издательстве согласились не печатать комментарии. Они не хотят, чтобы ты потерпел убыток.

Неожиданные претензии

Наконец состоялся аукцион, и начальная цена книги выросла не в два, а в три раза! Прошёл примерно месяц, пока выигравший на аукционе заплатил за книгу, и Семён

получил свои деньги. Он смог покрыть две трети своего долга.

Ещё через две недели в квартире Семёна раздался неожиданный звонок.

- Здравствуйте, говорит Мордухов.

- А да, да, здравствуйте! Мне о вас говорил Бамбергер. Рад вас слышать! - ответил Семён. На проводе как будто не слышали этого дружелюбного приветствия.

- Я нахожусь в контакте с наследниками рава Шапиро. Они узнали о том, что его рукописи продаются на аукционе, и очень недовольны по этому поводу. По непроверенным данным, книга была украдена из библиотеки в одной из литовских синагог, и вы имеете к этому какое-то отношение. Наследники хотят обратиться в полицию. Они требуют, чтобы книга была возвращена в синагогу, из которой она была выкрадена. Может, я могу помочь вам прийти с ними к какому-то компромиссу?

- Я выясню этот вопрос. Если хотите, можете мне перезвонить через неделю. Всего хорошего, - Семён положил трубку. С подобным шантажом он столкнулся в жизни впервые и, не откладывая, позвонил Бамбергеру.

- Мордухов пытался взять тебя на понт. В принципе, у рава Шапиро нет наследников. Одна дочь умерла бездетной, а следы второй затерялись во время Второй мировой войны. Вся эта история придумана. И даже если у него и есть наследники, они никак не могут претендовать на книгу, найденную в гнизе. По еврейскому Закону, всё, что найдено в гнизе, является ничейным имуществом. Это во-первых. А во-вторых, рав Шапиро писал не на принадлежащих ему самому томах Талмуда, а на одолженных у других людей. Так мне рассказывали старики - выходцы из Литвы, которые удостоились видеть его при жизни. Так что при любой раскладке у наследников не может быть притязаний на этот фолиант. Очевидно, Мордухов хочет, чтобы ты ему продал книгу за бесценок. Вот и всё. А книга уже, благо, продана, так что он не сможет продолжать тебя шантажировать, - успокоил Семёна Бамбергер.

Через несколько месяцев Мордухов опубликовал новую статью о раве Шапиро, в которой, помимо прочего, написал о новой находке. По его версии, новая рукопись была найдена в одной из синагог Литвы посланником Бамбергера.

Очевидно, эта статья не осталась незамеченной каунасским хабадником, так как вскоре после этого Семён получил от него гневное электронное письмо:

«Нам стало известно, что из библиотеки нашей синагоги украден том с комментариями рава Шапиро. По слухам, к этому преступлению причастен ты. Книга немедленно должна быть возвращена в синагогу».

Семён не отреагировал.

С тех пор Семёна стал преследовать один и тот же сон в разных вариациях. Один раз Семён видел себя во сне на рижском взморье, покупающим в киоске на пляже еврейские святые книги. В другой раз - ночующим в лесу, неподалёку от Рижского залива, в шалаше, битком ими же наполненном. В третий - гуляющим по Риге и открывающим стоящий на тротуаре его личный пластмассовый сарай, опять же со святыми книгами. Семён решил, что всё это - реакция на чудо находки святых рукописей: его подсознание, видно, никак не может успокоиться.

Благо Талмуда

Через год родители попросили Семёна съездить в Ригу, чтобы уладить их дела и привезти оттуда вещи, к которым они привыкли, в том числе толстенное одеяло из специального материала. Для этой цели он взял с собой в Ригу большой баул. Собираясь на обратный полёт в Израиль, в тот же баул, не проверяя, он засунул и книги, которые оставил в Риге год назад. Семён решил: «Хотя там, скорее всего, ничего нет, пусть Гринберг проверит!»

В рижском аэропорту Семён выждал очередь, чтобы сдать баул в багаж, но оказался перевес в два килограмма.

Служащая потребовала что-то вынуть. Семён машинально вынул толстый фолиант без обложки и положил его на свою тележку. Семён помнил, что в этой книге точно ничего нет: лишь какой-то комментарий был написан на её обложке - её он в своё время благополучно оторвал и сдал Гринбергу. Семён вновь положил баул на весы, и теперь у служащей не было возражений.

- Теперь нормально. Но вы должны отнести ваш баул на рентгеновскую проверку, потому что он нестандартных размеров. Это в другом конце аэропорта, - сказала служащая.

Семён водрузил свой баул на тележку и быстрым шагом последовал в указанном направлении. Но на полпути его вдруг осенило: теперь ведь он может обратно вернуть книгу в баул! Что он и сделал. Семён сдал баул на рентген, и оттуда он благополучно ушёл в багаж.

Как и год назад, Семён с поклажей благополучно добрался до дома, отвёз родителям вещи, отнёс Гринбергу книги и уже почти обо всём забыл, как вдруг раздался звонок Гринберга.

- Ты знаешь, что среди новых книг опять есть комментарии рава Шапиро? Ты мне об этом не сказал.

Семён чуть не потерял дар речи.

- Как?! Не может быть!

- Там их намного меньше, всего несколько. Предыдущая книга была буквально исписана ими. Но после того грандиозного успеха, который она имела на прошлом аукционе, думаю, что у покупателей уже появился вкус, и за эту тоже можно будет получить хорошую цену!

- Что это за книга?

- Фолиант без обложки.

- Я хочу посмотреть.

- Пожалуйста, заходи ко мне.

Семён не поверил своим глазам. Бесценным фолиантом оказался том Талмуда, который он вынул в аэропорту из баула и не знал, что с ним делать! В течение нескольких дней Семён напрягал память, чтобы понять,

каким образом он мог совершить такую грубую ошибку. Внезапно он вспомнил: этот фолиант он нашёл во второй день работы в гнизе. Перелистывая, он заметил там всего лишь один комментарий, написанный тем же размашистым почерком, что и на вырванных листах. Проверая книги в Риге, он не обнаружил в этом томе ничего, и решил, что, видимо, книга была взята по ошибке. Уже через год память подвела его ещё больше, и он подумал, что это совсем другая книга - та, обложку которой он в своё время оторвал.

Хотя изначальная цена, с которой фолиант был выставлен на аукцион, оказалась ощутимо ниже предыдущей, на торгах она выросла аж в четыре раза! Семён смог заплатить оставшуюся непогашенной часть банковского долга. Он сравнил общую сумму долга и доход, полученный от продажи книг – суммы сошлись до тысячи! Рука Всевышнего была видна даже в такой, как казалось, мелочи: свалившихся с Небес денег было не больше и не меньше, чем сумма долга.

Важнейшая деталь

- Семён, я понимаю твоё возбуждение, - сказала Инна. - Ты очень горд по поводу того, что оказался прав в споре с Булатом: огромная сумма денег спустилась к нам напрямиком с Небес. Причём, когда ты излагаешь всю историю по порядку, просто диву даёшься бесконечному чередованию совпадений, которые в конечном итоге, один за другим, привели к великому чуду. Точно так же цепь якобы совпадений привела в своё время к чуду Пурима. Выпади тут хоть одна деталь, никакого чуда бы не произошло! Но главной детали ты даже не знаешь.

- Что за деталь? - Семён был заинтригован.

- Помнишь, когда мы выходили из больницы, я пошла в туалет?

- Да, конечно.

- Но я не должна была туда идти. Ты ведь знаешь, что несколько лет назад я приняла на себя обязательство более качественно исполнять еврейские законы скромной одежды. В том числе, вместо чулок я стала постоянно носить колготки. В тот день, перед отъездом в больницу, чтобы не было проблем с ультразвуком, я вновь надела чулки, но колготки взяла с собой в сумке. Когда мы подошли к выходу из больницы, меня терзали сомнения: ведь сейчас уже нет необходимости оставаться в чулках – ультразвук и врачебная проверка позади, надо бы надеть колготки. Но, с другой стороны, – ведь это же можно сделать дома, зачем сейчас задерживаться? Победил внутренний голос: «Инна! Если ты приняла на себя устроение в исполнении законов скромности, так будь в этом последовательной!» И я пошла в туалет, чтобы переодеться! Вышли бы мы на пять минут раньше, - Юру бы не встретили, а пошли бы на автобус. В принципе, ты ведь помнишь: такси мы не собирались брать, и даже если бы взяли - шансов успеть в аэропорт не было никаких. Пока бы мы вызывали такси, прошло бы как минимум минут десять. К тому же, такси едут обычно по привычному маршруту, а не окольным путём, которым поехал Юра. И потеряли бы ещё, как минимум, минут пятнадцать. А попади ты в аэропорт минут на десять позже, на самолёт бы ты опоздал.

- Неисповедимы пути Всевышнего! Инна, как ты думаешь: другие люди способны поверить, что в этом рассказе ничего не приукрашено? Люди верят в чудеса? - спросил Семён свою жену.

Все пути ведут в Сатмар

Чудеса чудесами, а жизнь продолжается. В квартире Семёна зазвонил телефон.

- Привет! Говорит твой старый друг из Риги. Узнаёшь меня?

На другом конце провода звучал прокуренный голос. Семён поднапряг свою память; что-то отдалённо знакомое в этом голосе вроде бы прозвучало, но Семён его не узнал.

- Говорит Гедаля. Как поживаешь?

- Ба! Сколько лет, сколько зим! Откуда Бог несёт?

- Послушай, я в синагоге видел книгу о проверке на еврейское происхождение. Ты написал?

- Да.

- Тогда я по адресу. Я собрался женить свою дочь; уже была помолвка, но у меня вдруг закралось подозрение, что мать жениха - не еврейка.

Семён задумался. Когда-то давно они дружили. Семен помнил тот день, когда Гедаля впервые пришел в рижский бейт-мидраш. Это был молодой человек не просто приятной внешности, он был по-настоящему красив. Смуглая кожа, миндалевидные глаза, одухотворённое благородное лицо с правильными, почти совершенными чертами. Он нравился девушкам, но в жизни ему очень не везло. Родители Гедаля бедствовали: мать никогда не работала, а когда, с развалом Союза, позакрывались заводы, - и отец остался без работы. Гедаля с младшим братом спали дома без постельного белья, жили впроголодь. Одноклассники-неевреи почему-то сделали из Гедаля "мальчика для битья", всячески издевались над ним, били и унижали. Наверное, завидовали ему из-за его внешности. Родители не могли его защитить, и Гедаля стал регулярно пропускать занятия в школе. Тут начался террор и со стороны учителей. Беспросветное, страшное детство.

- Гедаля, рад тебя слышать, но лучше давай встретимся, тогда всё и расскажешь, - сказал Семён.

- Хорошо, я к тебе приеду.

Через пару дней явился Гедаля. Семён с трудом его узнал. От былой красоты не осталось и следа. Перед Семёном стоял человек с огромной всколоченной бородой, почерневшими зубами, наголо бритой головой, с торчащими пейсами, с измождённым, осунувшимся

лицом и горящими каким-то ненормальным огнём глазами. Вдобавок от него за версту несло куревом.

Семён опешил:

- Гедалья, что с тобой стало? Куда делся твой лоск? Почему ты так плохо выглядишь?

- А что такое? - как бы не понимая, ответил Гедалья.
- Послушай, давай по делу. Ты ведь знаешь: я уже много лет как *сатмарский хасид*. Мне там всё нравится, только вот недавно столкнулся с такой проблемой. Обратился я к местной свахе, - дочери уже девятнадцать лет, надо выдавать замуж. Но сатмарские ведь не женятся на детях баалей-тшува; так она предложила парня из семьи "русских" сатмарских хасидов - баалей-тшува из Америки. Ты ведь знаешь: и у меня, и у моей жены в семье - и по отцу, и по матери - нет ни одного нееврея; так первым делом я спросил сваху: «У них все евреи, или есть какая-то нееврейская примесь?» «Конечно, все евреи, о чём разговор?» - заверила она. Моя дочь встретилась с парнем, вроде понравились друг другу, договорились о помолвке. Только вот какой казус: в середине помолвки мать жениха проговорила, что её отец - не еврей. То есть сваха нас обманула. Но я подозреваю худшее: что у матери жениха не только отец не еврей, но и мать. Слава Богу, с сыном никаких проблем не было. Кстати, у него скоро свадьба. Отец невесты - *бельзский хасид*, а мать - гиёрет, прозелитка, прошла гиюр в раннем детстве.

- Послушай, я тебя не понимаю. Если выяснится, что мать матери жениха - еврейка, то тебе будет всё равно, что её отец - нееврей?

- Нет, совсем не всё равно. Ведь у нас в семье нет неевреев. Получается неравный брак. И вообще, неприятно, что меня обманули.

- А чем лучше невеста, мать которой прозелитка, то есть этническая нееврейка, чем мать жениха, которая нееврейкой никогда не бывала - ведь нееврей у неё только отец?

Наступила долгая пауза, после которой голос Гедальи зазвучал по-новому, как бы отряхиваясь от пыли:

- Рассуждая логически, скажем так, чисто математически, ты вроде бы прав. Но ведь нас учили, что надо любить прозелитов. Так что против твоей голой математики здесь выступает сам глас Божий! Рут была прозелитка, и Тора свидетельствует, что она была одной из самых больших праведниц. Сам глава поколения Боаз женился на ней! - парировал Гедалья.

- Написано, что надо любить прозелита, но нигде не написано, что, заключая с ним брак, ты исполняешь заповедь "любить прозелита". Вежливо здоровайся с ним, приноси ему угощение, помоги ему устроиться на работу, а про женитьбу написано в классической иудейской книге "А-Хинух", что на евреях не лежит обязанность спускаться со своего уровня родовитости и заключать браки с прозелитами. Что касается Рут, то она, - равно как и Ункелус, Шмайя и Авталион, - принципиально отличалась от большинства прозелитов. Так пишет Аризаль - величайший каббалист всех поколений. А о большинстве прозелитов пишет святая книга "Зоар", что они пришли из духовно нечистого источника, и их изначальный духовный материал существенно отличается от еврейского. А по поводу того, что Боаз женился на Рут, так это потому, что он пророческим видением знал, что Рут - не обычная гиёрет, а принадлежит к тому меньшинству прозелитов, которые изначально родились с еврейской душой. Примерно так написано в древнем комментарии к святой книге "Сэфэр а-канэ". Сейчас, постфактум, ты пытаешься доказать не мне, а сам себе, что всё в ажуре. Хотя в глубине души ты, как я чувствую, со мной согласен. Скажи, ты любил прозелита Ицхака - нашего учителя в рижском бейт-мидраше?

- Конечно, нет! Он был таким же жестоким, как мои одноклассники!

- Ну вот, приехали! А ведь он, можно сказать, спас и тебя, и всю твою семью. Если бы не он, что бы с тобой сегодня было? Валялся бы в канаве? Заработал бы венерическое заболевание? Работал бы в магазине и продавал мясо на развес, обвешивая покупателей? Или

продолжал бы посещать баптистские сходки? А сейчас ты - уважаемый аврех, учишь святую Тору, у тебя много детей, никто нигде не ошивается, вся семья старается жить праведной жизнью. Кстати, знаешь, что мне Ицхак сказал после твоей женитьбы? Что самая большая заслуга в его жизни - это то, говорю его словами, - что "твоя сперма движется в правильном направлении". А говоря культурным языком: он видел самую большую свою заслугу в том, что ты женился на еврейке. Хотя невесту, насколько я помню, искал тебе не он. А сейчас ты хочешь женить своего сына на дочери прозелитки! Ты что, ненавидишь своих детей? Твоя сперма движется в правильном направлении, а сперма твоего сына должна двигаться в менее правильном?!

Гедаля заскрежетал зубами.

- Если я сделал тшуву, то не благодаря Ицхаку, а вопреки. Так или иначе, рано или поздно, я бы всё равно пришёл к Торе, через Ицхака или через кого-то другого. Моя еврейская душа требовала этого. Уместно было бы сказать, что чудесно то, что хотя Ицхак меня нещадно мучил, я, тем не менее, не бросил Тору, в отличие от некоторых других наших бейт-мидрашников. Вот один из многочисленных примеров: я жил на окраине города, а бейт-мидраш находился в центре. Добираться было долго, и Ицхак знал, что у нас дома в плане еды было хоть шаром покати. А если я опаздывал в бейт-мидраш, он захлопывал перед моим носом дверь, и я был вынужден ехать обратно. В тот день я голодал. Разве еврей может так поступать? И вообще, ему не удалось мне искалечить душу – мне её уже успели искалечить в школе, так что, слава Богу, у меня уже к тому времени выработался иммунитет к подобным вещам. А вот моего двоюродного брата Ицхак, сделав его религиозным евреем, в то же самое время парадоксальным образом превратил в морального уродца.

- Ты про кого?

- Про Авраама.

Семён задумался. Когда Абраша пришёл в рижский бейт-мидраш, это был милейший еврейский мальчик лет одиннадцати, в меру шаловливый, общительный и улыбочивый. Но Семёну Ицхак про него почему-то говорил, что родители Абрашу окончательно испортили. Вскоре Семён уехал в Израиль. А через несколько лет Ицхак при встрече с довольным видом рассказал Семёну: «Я сделал из Авраама уголовника. Теперь я могу на него положиться». Что конкретно означали эти загадочные слова, Семёну было невдомёк, но когда он попросил Ицхака объяснить, тот стал отшучиваться. Ицхак часто говорил загадками.

После смерти Ицхака Абраша приехал в Израиль. Однажды в субботу в дверь Семёновой квартиры постучали. На пороге стоял Авраам, только уже не шуплый подросток, а здоровый бугай с брюхом. Семён обрадовался его визиту. Авраам стал делиться с Семёном своими планами по реорганизации и возрождению рижского бейт-мидраша, который после смерти Ицхака переживал глубокий упадок.

- У меня есть знакомый аврех, который, как мне кажется, подойдёт для работы в бейт-мидраше, его зовут Миша, - сказал Семён.

- Замечательно! Напиши для него рекомендательное письмо миллионеру Вольмарку. Тот тебя уважает, может, согласится платить Мише зарплату.

- Нет проблем!

Через несколько дней Семён написал очень тёплое рекомендательное письмо. Зная эстетические вкусы миллионера и его сентиментальность, Семён художественно оформил письмо рисунками в стиле иудаики и передал его Мише. А ещё через неделю Авраам почтил своим визитом и Мишу.

- Вам Семён уже передал письмо? Я могу отнести его миллионеру и, не откладывая, лично ему передать. Вам не надо будет утруждаться.

- Хорошо, только не говорите Семёну; может, он не хочет, чтобы кто-то, кроме меня и Вольмарка, видел это письмо.

Дома Авраам скопировал письмо, на это ему пришлось потратить целый день работы. Он переписал не только текст, но, насколько смог, постарался скопировать и почерк Семёна. Пришлось специально купить цветные фломастеры, чтобы наиболее точно воспроизвести цветовую палитру Семёнова письма. В конце работы Авраам даже залюбовался: настолько ему понравился результат.

На следующий день Абраша взял перерисованное письмо, вложил его в конверт и опустил в почтовый ящик у входа в особняк миллионера.

Какое-то непонятное беспокойство не отпускало Мишу. Он набрал телефонный номер Вольмарка.

- Здравствуйте, говорит Михаэль Розенгартен, друг Семёна Фраймана. Это Семён дал мне ваш телефон. Извините за беспокойство. Вы получили его письмо с просьбой финансировать работу преподавателя в рижском бейт-мидраше?

- Да, только я не знаком с протеже Семёна, которого он предлагает на эту работу. Подождите секунду, я возьму в руки письмо. Авраам Ломбард. Вы знаете, о ком идёт речь?

- У меня с ним шапочное знакомство. А что такое?

- Как что такое?! Если вы звоните по поводу письма, то вы должны знать, что Семён просит за Авраама.

Миша чуть не потерял дар речи.

- А-а-а... Тут произошла какая-то ошибка. Я должен выяснить; всего доброго!

Дрожащими руками Миша набрал номер телефона Семёна. Когда тот ответил, Миша выпалил:

- Семён, привет! Извини, но я без спроса дал письмо Аврааму. Просто так. Он попросил ознакомиться. Обещал отдать через несколько дней, а уже прошло больше недели. Попроси его, пожалуйста, чтобы возвратил немедленно.

- Хорошо, нет проблем.

Авраам уже поступил на учебу в ту же йешиву, где учился Семён, и поэтому, как думал Семен, исполнение Мишиной просьбы не составит ему никакого труда.

- Авраам, Миша попросил, чтобы ты передал мне письмо, которое он тебе дал на ознакомление, - с такими словами обратился Семён к Аврааму на следующий день.

Авраам поднял на Семёна ангельский взор:

- Какое письмо?

- Которое адресовано миллионеру Вольмарку.

- Нет, он мне не давал никакого письма. Я не в курсе.

Авраам продолжал смотреть на Семёна в упор кротким, непонимающим взглядом. Семён взбесился:

- Ты лжёшь мне в глаза! Немедленно отдай письмо!

По лицу Авраама пробежала тень, но он продолжал держать себя в руках.

- Извини, но я не знаю, о чём ты говоришь; у меня нет никакого письма.

И Семён в гневе удалился. Авраам набрал номер телефона Миши.

- Послушайте, Миша, ведь вы же сами просили меня, чтобы я не рассказывал Семёну про письмо. Так что же вы его ко мне подсылаете? А во-вторых, ведь я уже неделю назад передал письмо миллионеру.

- Ты, паскуда, передал миллионеру не моё письмо, а подделку, в которой заменил моё имя на своё. Если ты немедленно не возвратишь письмо, то берегись, яйца тебе оторву! - выпалил Миша. Авраам бросил трубку.

Назавтра Авраам с видом побитой собаки протянул Семёну письмо.

- Извини, я тебе лгал потому, что Миша сам меня попросил, чтобы я тебе не рассказывал про письмо. А ведь Ицхак же нас учил, что ни при каких обстоятельствах нельзя предавать товарища, выдавать его тайну. Я не знаю, зачем Миша сыграл со мной эту злую шутку. Я очень сожалею о происшедшем.

Вся эта неприятная история промелькнула в мозгу Семёна за считанные секунды. И на реплику Гедальи о том, что Ицхак превратил Авраама в монстра, Семён отреагировал так:

- Ты знаешь, какой-то смысл в твоих словах, наверное, есть. Но почему ты утверждаешь, что именно Ицхак его испортил?

- Смотри, ты уехал в Израиль, а метаморфоза с Авраамом произошла прямо на моих глазах, в результате массивного воспитательного процесса, который прodelывал над ним Ицхак.

- Ладно, закончим об Аврааме. Что ты собираешься делать со своими женихом и невестой? - спросил Семён.

- Об этом я хотел спросить тебя.

- Если ты спрашиваешь моё мнение, то я думаю, что обе помолвки надо разорвать. Неравный брак всегда таит в себе подводные камни. Плебей патрицию не пара. Если в подобной паре возникают трения, то какими словами один начинает оскорблять другого? "Внук гоюхи! Гойское отродье!" А если второй стороне нечем ответить? Какую душевную рану это может причинить! А если объективно, то Мааршаль, один из величайших еврейских мудрецов, пишет, что слова Талмуда: «Того, кто берёт себе в жены неподобающую ему жену, пророк Элияу свяжет, а Всевышний будет его бить - за то, что он осквернил своё семя» - относятся не только к тому, кто женится на запрещенной ему Торой женщине, но и на той, кто ему разрешена, но находится на более низком уровне родовитости. Например, если еврей женится на прозелитке. Подобные должны выбирать себе подобных. Бывают, конечно, исключения. Например, хромой или слепой, который не может найти себе нормальный шидух - тот пусть и женится на прозелитке.

- Но меня не поймут. Ни жена, ни дети. А главное – общество. Сатмарские хасиды меня заклюют: ты, мол, вообще отступник, прозелитов унижаешь. Если мы разорвём помолвки, для сватовства моих детей вообще путь будет заказан.

- Знаешь, моему знакомому тоже предложили дочь прозелитки для его сына. При этом обещали дать шестьсот тысяч шекелей на покупку квартиры плюс все расходы на свадьбу, покупку мебели и прочего. Но он всё равно отказался - зачем снижать уровень родовитости своего потомства. А сколько тебе обещали?

- Нисколько.

Наступила пауза.

- Послушай, Гедаля, ты мне напомнил историю из моей жизни. В разгаре перестройки брат устроил мне, щуплому восемнадцатилетнему юноше, поездку в Данию, в еврейский молодежный религиозный лагерь отдыха. Но чтобы заказать заграничный паспорт, мне надо было отстоять огромную очередь, в уже не помню какое учреждение: то ли ОВИР, то ли министерство иностранных дел, не важно. Люди приходили туда занимать очередь в пять часов утра. А я себе преспокойненько пришел в девять. Без пяти минут двенадцать - за пять минут до закрытия - в приёмную зашёл человек, который в очереди стоял передо мной. Следующий – я. Ну, думаю: попаду – не попаду? Тут со стула встаёт солидный мужик-амбал и становится рядом с дверью в кабинет. Увидев такое, я подошёл и встал таким образом, что когда откроется дверь, войдёт не он, а я. Через несколько мгновений мужик произнёс полатышски:

- *Тыэ эбрейи ир вайныгы, ка мээс шейт таа илги стаавам ун муокамиэс* (Эти евреи виноваты в том, что мы тут так долго стоим и мучаемся).

Я возразил:

- *Каапээц эбрейи? Латвиэши! Йа нэ латвиэшу сарканыэ стрээлниэки, Ленинс нэбууту узварээйис рэволюуцию* (Почему еврей? Латыши! Если бы не латышские красные стрелки, Ленин бы не победил в революции).

- *Винюс пирка* (Их купили).

- *Ун кас винюс пирка?* (И кто же их купил?)

- *Кас?! Эбрейи!* (Кто?! Еврей!)

- *Ун даарги тиркаас?* (И задорого купились?)

- *Нээ, лээты* (Нет, задёшево).

- *А-а-а, лээты...* (А-а-а, задёшево...)

Мужик понял, что в этом споре он опростоволосился, и с досады открыл свою "варежку", и понёс откровенную ругань. Окружающие молчали, будто ничего не происходит, а я уже не реагировал – чувствовал себя победителем. Открылась дверь, и в кабинет вошёл я. Было без минуты двенадцать.

Семён закончил свой рассказ и обратился к Гедалье:

- Гедалья, так ты что, тоже дешёво купился?! А ведь даже не дешёво - бесплатно!

Гедалья проглотил слюну.

- Послушай, Семён, я приехал к тебе не для того, чтобы ты мне байки рассказывал, а чтобы ты мне помог проверить еврейское происхождение матери жениха.

- А проверять *кашерность* гиюра матери невесты, думаешь, не надо? Глава нашего поколения рав Эльяшив постановил, что в наше время надо тщательно проверять каждый гиюр; в том числе и тот, который был произведён в *ультраортодоксальной* общине.

- Так помоги проверить и гиюр тоже.

- Нет уж. Разбирайся сам.

Иллюзия гиюра

Тем временем из Каунаса, от хабадника, по электронной почте пришло досье на Кремерова, и Семён внимательно с ним ознакомился. Все документы были подписаны уважаемыми раввинами.

Гиюр Кремерова напомнил Семёну известные ему истории о московских гиюрах брежневского времени. Так, один математик, женатый на гоюхе, стал религиозным евреем. В 70–80–е годы XX века, когда советский режим принялся ощутимо душировать евреев, некоторые из них, в знак протеста, начали отрезвляться от своей "совковости". Начисто ассимилированные уже в

поколении третьем, до мозга костей принадлежащие русской культуре, молодые евреи вдруг осознали, что их еврейство - это не только досадная "пятая графа" в паспорте, насмешки со стороны одноклассников и трудности с поступлением в вузы, но и наверняка - культурный багаж, не менее значимый, чем у других великих народов. В основном, это были москвичи и ленинградцы. Воистину, прав был рав Биньямин Москович, глава англоязычной йешивы в районе "Шаарей Хесед" Иерусалима, от которого Семён в своё время услышал крылатое выражение: «Лучший друг еврея – антисемит». Если бы не массивная антисемитская ("антисионистская") пропаганда и постоянные унижения в Советском Союзе, наверное, не во всех тогда "воспрянувших из духовного пепла" евреях действительно проснулось бы еврейское самосознание.

Только вот беда! Некоторые из них проснулись только "умом", но не всем "нутром". Еврейская религия как основа еврейской и мировой культуры, живой древнееврейский язык, на котором Всевышний разговаривал с первым человеком – Адамом, а сегодня разговаривают в Государстве Израиль – это всё да, это прекрасно; а вот вежливо распрощаться с нееврейской женой, чего требует как еврейский Закон, так и элементарное чувство верности своему народу, – на такое был способен далеко не каждый.

Среди таких "наполовину проснувшихся" был и этот математик. Сделав тшуву, он решил пойти по пути наименьшего сопротивления и обгюрить свою гойскую супругу. Пожилые евреи недоумевали: парень вроде как раввином стал, а продолжает жить с гоюхой! "Чего тогда стоит вся эта религия?!" – рассуждали они. И в принципе, были правы. Обгюренная – не обгюренная: в глазах простых и честных евреев она всегда останется гоюхой.

Эмиссары из-за рубежа, в основном из Америки, посещавшие Союз под видом туристов, были духовными вдохновителями еврейского религиозного возрождения. Но, к сожалению, вместе с поддержкой и помощью, они

завезли с собой и бациллу американской толерантности и логично из неё вытекающую беспредельную любовь ко всякому обгиюриванию.

По еврейскому Закону, для проведения процедуры гиюра требуются три кашерных раввина, а таких среди местных – ищи-свищи. Раввинов или сослали в ГУЛАГ в 30-е годы, или же они успели бежать из Союза ещё в 20-е; а раввинов Прибалтики, вместе с большинством остальных тамошних евреев, уничтожил Гитлер. Уровень еврейских знаний среди оставшейся в живых и продолжавшей быть верной Всевышнему горстки советских религиозных евреев к 70-м и 80-м годам XX века ощутимо ослаб. Да и постоянные испытания, с которыми евреи сталкивались, - например, огромные трудности, которые ждали тех, кто не желал работать и посещать учебные заведения в субботу, - по-настоящему не сломали лишь единиц, живших разрозненно на территории огромного Союза. Даже рижский раввин реб Гершон, который был известен своей богобоязненностью и кашерностью, не знал некоторых элементарных еврейских законов. Например, он "гиюрил" единолично, без участия в этой процедуре ещё двоих евреев.

Поэтому львиная доля "медвежьих услуг" по "обгиюриванию" жён евреев, находящихся в смешанном браке, легла на плечи американских эмиссаров. Конечно, они привлекали к этому делу и местных старичков, посещавших синагогу; по крайней мере, тех из них, которые казались наиболее ревностно соблюдающими традиции иудаизма.

Синагогальные старики по праву считали себя светочами и праведниками иудаизма; и такими они, несомненно, были - на фоне подавляющего большинства советских евреев, полностью отрезанных от своего наследия. Но некоторые из этих пожилых евреев, по незнанию или по недопониманию, нарушали еврейские законы - например, ездили в субботу в общественном транспорте или питались в общественных вегетарианских столовых. Поэтому "кашерными евреями", пригодными

для проведения гиюра, их можно было назвать лишь с натяжкой.

Таким вот гиюром и обгиюрилась гойская супруга математика. К тому же, её гиюр был подпольным – так хотели американцы. Не потому что советские законы запрещали гиюры как таковые, а потому что любую свою активность на религиозной ниве советского еврейства американцы проявляли скрытно, чтобы вездесущее око КГБ, под тем или иным предлогом, не прикрыло эту лавочку. Меньше всего хотелось американцам иметь дело с советскими властными структурами. И даже если какие-то конкретные действия формально не шли вразрез с советскими законами, они предпочитали, по возможности, перестраховаться. Так что гиюр этой гоюхи, как и другие подобные, не оставил никаких свидетелей и не был никак задокументирован. На самом же деле, подпольностью таких гиюров американцы "подложили большую свинью" своим обгиюренным клиентам, ибо невозможность документально доказать факт гиюра и конкретные его детали, согласно еврейскому Закону, оставляет обгиюренного в статусе нееврея - по меньшей мере частично.

Какую душевную трагедию пережила супруга математика, когда, через много лет после приезда в Израиль, она с сыном пришла регистрировать его брак в раввинате, а там ей сказали: «Уважаемая! И вы, и все ваши отпрыски должны пройти гиюр заново!»

Из-за спорности своего гиюра, Кремеров постигла в чём-то похожая участь. Он родился и вырос в интеллигентной семье научных работников: отец еврей, мать русская, доктор наук. В советское время Кремеров заинтересовался чтением самиздата. Однажды он зашёл в синагогу. Там один из прихожан его спросил:

- *Аид*³⁰?

- Конечно! - ответил Кремеров.

³⁰ *Аид* (идиш) – еврей.

А этот пожилой человек не был простым прихожанином - он был неофициальным “душой и мозгом” синагоги, не сильно боялся стукачей и старался делать так, чтобы всякий новый посетитель синагоги захотел посетить её ещё раз. Он отвёл Кремерова в укромный уголок, подальше от лишних глаз, и стал объяснять ему основы иудаизма. А после этого пошло-поехало: подпольные уроки иврита, чтение нелегальной литературы по иудаизму, встречи с иностранцами – в общем, весь иудейско-сионистский букет брежневского времени. На определённом этапе Кремеров понял, что, по еврейскому Закону, он нееврей. Ведь его мать нееврейка. «Нет, никто не должен об этом знать. А то начнут на меня смотреть сверху вниз», - решил Кремеров.

Наступила перестройка, и он стал подумывать об отъезде в Израиль. Наконец, взял документы и решился пойти на приём к представителю Сохнута.

- Н-да... Ты же парень *датишный*³¹, верно? А ведь мать у тебя - нееврейка. Проходил гиюр?

- Нет. На самом деле, моя мать - еврейка, просто по документам она русская. Вы же знаете, как в сталинские времена было. Скрывали, давали взятки, чтобы сменить национальность, покупали документы...

- Смотри, парень, мне не интересно, как там на самом деле. Если по документам твоя мать нееврейка, ты можешь репатрироваться как сын еврея, и тогда в израильских документах ты будешь фигурировать как нееврей. Или же смотри: мы организуем при Сохнута курсы ускоренного гиюра. Пройдешь их и обгигоришься, тогда сможешь репатрироваться, как еврей.

Официально руководство Государства Израиль было серьезно обеспокоено по поводу нападков арабов из-за новой, "горбачёвской" волны репатриации евреев из Союза. Одним из главных арабских аргументов стало то, что примерно половина отъезжающих из Союза в Израиль – неевреи: жёны евреев и их дети. Если этим

³¹ Религиозный (от ивритского "дати" - религиозный).

нееврейам позволительно на законных основаниях эмигрировать в Израиль, то чем хуже арабы, бежавшие из Палестины в связи с арабо-израильским военным конфликтом, и их потомки? «Им тоже надо дать право на репатриацию!» - так рассуждали арабы, и эта мысль не раз была озвучена на международной арене.

Поскольку в этих словах есть определённая логика, израильские власти имущие не могли от них так просто, как от мухи, отмахнуться. И придумали гениальное решение: неевреи, которые репатрируются в Израиль, - на самом деле, никакие не неевреи, а "*тэуней гиюр*", то есть подлежащие обгиюрованию. Будто бы все отъезжающие в Израиль из Союза неевреи желают обгиюриться, и посему они - потенциальные евреи. И в первую очередь - так полагал израильский истеблишмент - надо постараться обгиюрить как можно больше потенциальных репатриантов-неевреев ещё до того, как их нога ступит на израильскую землю!

Сказано - сделано. При местных отделениях Сохнута срочно организовали курсы по подготовке к гиюру, на которые принимали всех неевреев, имевших право на репатриацию. Три месяца "обгиюриваемые" по несколько раз в неделю посещали лекции по основам иудаизма, истории и обычаям еврейского народа; они проводили время в приятной компании и воспринимали новую, ранее им неведомую информацию. Почти никто из них всерьёз не думал о соблюдении еврейских заповедей, всё это было сущей игрой.

Кремеров, однако, выделялся на общем фоне: он имел еврейское самосознание и начал соблюдать заповеди ещё до прихода на курсы гиюра, в то время как остальные обгиюриваемые не могли похвастаться ни тем, ни другим. Но, с другой стороны, и для Кремерова, и для остальных гиюр был чистой воды формальностью: Кремеров и без гиюра считал себя евреем, а остальные, несмотря на лекции, в душе никак не проникались еврейской религией, и для них всё это было сущей

клоунадой, ведущей, однако, к заветной цели - получению "корочки" еврея (прозелита).

Наконец, всех окунули в специально оборудованной сауне (использовать для этой цели синагогальную микву руководство синагоги посмело не разрешить) в присутствии *вязано-кипотного*³² раввина из Израиля, работника местного Сохнута и одного еврея "с улицы". Так завершился этот липовый гиюр.

Обладающий хорошими внешними и интеллектуальными данными, в совершенстве владеющий английским языком, Кремеров женился на дочери одного из самых активных и уважаемых московско-ленинградских баалей-тшува. Но этот брак оказался неудачным: уже в Израиле они развелись, и Кремеров сбежал от бывшей жены в Америку, чтобы не платить алименты. Он женился вторично – но и эту жену бросил. В конце концов, Кремеров нашёл-таки свою настоящую половину: ею оказалась такая же, как и он, иудейка-нееврейка, дочь еврея и гоюхи. Только вот какая нестыковка: в отличие от Кремерова, она не была обгиюрена даже формально-номинально. Но Кремеров решил, что это не проблема, ведь и у него самого гиюр был не ахти какой. «Главное - чтобы человек был хороший и серьёзно соблюдал заповеди», - так полагал Кремеров. Он был убеждён, что, по сути, не существует такого народа "евреи", а есть только "иудеи"; и право каждого человека, к какому народу он бы ни принадлежал: постановить самому для себя, что он - иудей и хочет служить Всевышнему. Без всяких там гиуров.

«Прямо-таки дискриминация какая-то! - рассуждал Кремеров. - Почему такие привилегии тем, у кого мать еврейка? От них же никакого гиюра проходить не

³² *Вязано-кипотный* (жарг.) - носящий вязаную кипу (ермолку), т. е. принадлежащий к движению религиозных сионистов (так наз. "мизрахистов").

требуют! Очевидно, что весь этот гиюр - сушая формальность, и можно обойтись без него».

С третьей женой Кремеров перебрался в Копенгаген - там требовался преподаватель в школу для русскоязычных. Талант Кремерова как лектора был блестящим. Он вёл уроки одинаково успешно как по-русски, так и по-английски, и главный раввин Копенгагена, в чьём ведении была эта школа, был восхищён. Ничего о прошлом Кремерова, и о том, что тот - прозелит, ему известно не было.

Кремеров попросил раввина, чтобы тот написал ему рекомендательное письмо – на всякий случай. Раввин с радостью выполнил эту просьбу.

Слава о Кремерове как об успешном *кирувицике*³³ стала распространяться стремительно. Через год ему предложили занять пост главы йешивы для русскоязычных в Германии.

- Мы слышали о вас много хорошего. У вас редкий лекторский талант, и люди вас любят. Вы бы подошли на пост главы нашей йешивы. У нас только один вопрос: у вас есть *смиха* – документ о посвящении в раввина? - спросил у Кремерова главный спонсор германской йешивы.

- Да, конечно, - ответил Кремеров.
- Кто вам её выдал?
- Главный раввин Копенгагена.
- Замечательно! Тогда ждём вас через месяц.
- А для моей жены найдётся какая-то работа?
- Не беспокойтесь, что-нибудь придумаем.

³³ *Кирувицик* (жарг.) - человек, занимающийся кирувом, т. е. приближением нерелигиозных евреев к Торе, иудаизму и соблюдению заповедей.

Конец карьеры в Германии

Кремеров быстро привык к новому месту. Работа рош-йешиной в Германии приносила большое удовлетворение. Ведь там ты называешься *оберрабинер* – главный раввин, и все вокруг - в первую очередь неевреи (немцы!) - относятся к тебе с большим уважением.

Через полтора года главный спонсор германской йешивы, однако, получил письмо. В нём некто Смидович сообщал, что Кремеров - прозелит, а его жена - нееврейка. Спонсор набрал номер телефона Кремерова.

- Здравствуйте! Извините за беспокойство и за не совсем корректный вопрос. Ваша жена – еврейка или прозелитка?

- Еврейка! - с недоумением и затаённым страхом ответил Кремеров.

- Будьте так добры, покажите, пожалуйста, её советские документы, в которых мы можем это увидеть.

- К сожалению, она их потеряла.

- Тогда вам нужно незамедлительно обратиться в местный раввинский суд, чтобы она прошла гиюр. Иначе вы не сможете продолжать здесь работать. Я сейчас им позвоню, а завтра ваша жена должна туда прийти и начать процесс гиюра.

На следующий день с тяжелым сердцем Кремеров с женой направились в раввинский суд.

- В вашей ситуации мы пойдем вам навстречу. Обычно мы так не поступаем. Процедуру гиюра мы назначаем на вторник, ровно через три месяца, в 12 часов дня. Ближайшие три месяца вы должны жить отдельно. Сразу после гиюра мы поставим вам хупу, - сказал рав Ихья Бутбуль, председатель раввинского суда.

Кремеров поёжился:

- А хупу зачем? У нас ведь уже была хупа.

- По состоянию дел на сегодняшний момент, с нашей точки зрения, ваша жена не еврейка. Да, вы утверждаете, что она еврейка, но ваше заявление голословно. Поэтому ваша с ней хупа недействительна, и

после гиюра нужно будет немедленно поставить хупу заново, - глава раввинского суда был неумолим.

С понурыми лицами вышла чета Кремеровых из здания суда. «Что же получается? - подумал Кремеров. - Если будет хупа, то все поймут, что я жил с нееврейкой. И тогда конец моей карьере».

Кремеровы собрали свои пожитки, и уже через три дня вся семья поднялась на борт самолета, направлявшегося в Москву.

Проблемы Гедаля

- Семён, привет, это Гедаля.

Голос на другом конце провода показался Семёну не таким прокуренным, как полгода назад, когда они говорили в последний раз.

- Ты что, бросил курить? - спросил Семён.

- Да.

- Молодец, сила воли! Что с твоими женихом и невестой? - спросил Семён.

- А, это уже в прошлом. По поводу матери парня: я попросил своего раввина, чтобы он позвонил в Америку; выяснить, еврейка ли его мать. После выяснений раввин заверил меня, что я могу быть совершенно спокоен: мать матери – еврейка, а отец матери – да, гой. Месяц назад сыграли свадьбу. А насчёт невесты: я попросил рава Шермана выяснить насчёт гиюра её матери. Наши сатмарские раввины такими выяснениями не занимаются; они считают, что если прозелит соблюдает заповеди, то копаться в его прошлом гиюре - преступление. Обижаешь гера, значит. Так вот, рав Шерман выяснил, что с этим гиюром таки есть проблема. Если невеста согласится обгиюриться, тогда, говорит раввин, можно на ней жениться, а если нет – надо разорвать помолвку. Ну, выхода у них не было, обгиюрилась она. Свадьбу сыграли три месяца назад.

- Послушай, ты идиот! У тебя был такой прекрасный, объективный повод разорвать помолвку: невеста оказалась гоухой, гиюр её матери некашерный. И ты его не использовал!

- Не знаю! Мои раввины мне сказали: то, что невеста прозелитка - это кашерно, и даже *мэударно*³⁴.

- Я бы твоих "раввинов" за яйца подвесил. А что касается проверки еврейства матери жениха, то могу сказать только одно: раввин, который её делал – не профессионал в этой области. Не знаю, чего стоит его проверка.

- Да ладно, это всё уже в прошлом. Сейчас вот какое дело: жена меня выбросила из дома.

- Не понял! - Семён чуть не потерял дар речи.

- Две недели назад прихожу я домой поздно вечером, а жена готовит на кухне что-то вкусное. Так я попросил её дать мне попробовать. Она схватила сковородку, - и трах!! - мне по башке. Хорошо, что я в тот момент сидел на стуле: потом где-то целых полчаса голова звенела. А три дня назад подходит ко мне на улице один бывший уголовник - уже давно как баал-тшува, сатмарский хасид - и как даст мне в морду, что я на асфальт свалился. Жаль, что не вызвал полицию, у нас это не принято делать - всё, что связано с Государством Израиль, в Сатмаре считается исчадием Сатаны. Когда я упал, он стал орать на меня: «Если не дашь *гет*³⁵ своей жене, то я убью тебя!» Странно, но ведь мне жена раньше не говорила, что хочет развестись со мной. Вечером того же дня она пришла домой вместе с адвокатом, который заставил меня подписать обязательство дать жене гет.

- Прости меня, может, тебе будет неприятно то, что я тебе сейчас скажу. Ицик Загорин - я с ним давным-давно учился в хевруте - мне рассказывал, что его жена, которая училась вместе с твоей в одном классе, когда они обе еще были незамужними, рассказывала ему, что когда

³⁴ Исполнено наилучшим образом с точки зрения еврейского Закона.

³⁵ *Гет* (иврит) - разводное письмо.

ты вышел на шидух со своей будущей женой, она восторженно говорила подругам: «Меня познакомили с киноактёром!» А сейчас ты настолько внешне изменился, что на тебя противно смотреть.

- Нет, причина не в этом. Если бы это было так, почему она десять лет назад не развелась со мной? Ведь я уже давно так выгляжу. Жена, после свадьбы детей, стала утверждать, что я болен неврозом навязчивых состояний. В чём, по её словам, это проявляется? В том, что я очень боялся, что жених и невеста наших детей - не евреи, и приложил максимум усилий, чтобы проверить их происхождение. Спасибо тебе, Семён, ты меня просветил и направил в этом деле, хотя и отказался реально помогать. Я точно знаю, это всё - дело рук нескольких сатмарских семей, которые суют нос не в своё дело и науськивают мою жену. А ещё она утверждает, что я не приношу деньги в семью. Ещё бы! Я раз в каждые полгода лечу в Америку и там собираю милостыню. Каждый раз привожу как минимум десять тысяч долларов. Ты представляешь: у нас нет долгов! В своё время я решил: у меня не будет так, как было у моих родителей, которые буквально тонули в долгах. Но объективные обстоятельства вынуждали их к этому. Послушай, я, вообще-то, стал жалеть, что подался в *сатмары*. Лучше бы оставался, как ты, *литваком*.

- А как ты оказался в Сатмаре? - поинтересовался Семён.

- Мне посоветовал один праведный еврей. Знаток Торы, очень достойный человек. Антисионист. Его фамилия Курман.

- Курман?! Он же гой!

- Ты что, сбрендил? Он же раввинский костюм носит!

- А что, гой не может надеть раввинский костюм? Курман с женой двадцать лет строили из себя евреев по рождению, вели себя, как великие религиозные праведники. Хотя в узком кругу самых близких друзей Курманы не скрывали, что они неевреи. Когда эти друзья

говорили: «Но вы же можете пройти гиюр!», те отвечали: «А зачем?». Когда мы их разоблачили, они быстренько побежали в раввинский суд и там устроили спектакль: «Вот, мол, вчера чудесным образом нам стало известно, что мы не евреи». Так их там обгиюрили в тот же день - не отходя от кассы.

- Послушай, это уже слишком. Если ты считаешь, что Курман - гой, то у тебя паранойя!

- А если я представлю тебе неопровержимые доказательства?

- Я не хочу их слушать. Всему есть предел. Ладно, бывай! - Гедаля бросил трубку.

Возомнивший себя богоизбранным

Семён уже не в первый раз столкнулся с отрицательной реакцией со стороны евреев на разоблачение Курманов. Как только вышло постановление раввинского суда, подтверждающее их нееврейское происхождение, и в одной из газет написали статью с изложением их истории, Семён разослал письмо об этом всем русскоязычным семьям своего города. В ответ жена одного уважаемого авреха позвонила Семёну и в сердцах заявила: «Как вы смеете наводить напраслину на таких праведных евреев?! Вы, наверное, их не знаете! Это настоящие праведники!» Никакие доказательства она не захотела и слушать.

А другой сердобольный еврей-защитник пошёл на прием к главному раввину города - жаловаться на Семёна и его коллег, распространяющих о Курманах якобы ложные слухи. Раввин, хотя и был в курсе всех деталей (проверка Курманов проходила с его ведома и санкции), всё же не стал входить в спор с посетителем, а вместо этого успокоил его: «А, этот Фрайман с компанией! Сеятели раздоров! На воре шапка горит! Если он такое говорит про других, значит, он сам нееврей!»

На самом же деле главный раввин был доволен активностью Семёна и его коллег: ведь они делали важную "чёрную работу", причём полностью на свой страх и риск, - оставляя раввина как бы непричастным. И понятно, что, несмотря на жалобы, никаких санкций по отношению к Семёну не последовало. Но, с другой стороны, раввину очень не хотелось скандалов в своём городе, и потому он был рад, что Курманы так юрко и оперативно решили проблему: сразу поехали в раввинский суд, устроили там спектакль, и тут же, "не отходя от кассы", над ними в этом суде произвели гиюр.

Семён проконсультировался со своим раввином, великим знатоком Торы и праведником, и тот сказал ему: есть веские основания полагать, что гиюр Курманов не имеет законной силы. Во-первых, потому что они обманули раввинский суд, заявив, что прежде они и не подозревали, будто они не евреи. А во-вторых, потому что сам факт того, что они долгие годы вели образ жизни ортодоксальных евреев, не проходя гиюр и скрывая своё происхождение, свидетельствует о том, что они не верят в закон Торы, гласящий, что нееврей может стать евреем только и исключительно через гиюр. А без этой веры со стороны нееврея - так написал величайший раввин-законоучитель Хазон Иш - гиюр недействителен.

Семёна неоднократно спрашивали разные евреи: «Ну как такое может быть, что нееврей прикидывается евреем и при этом ведёт строго ортодоксальный иудейский образ жизни? Ведь это же нелогично!» Интересующимся этим вопросом Семён отвечал так: «Психология евреев и неевреев кардинально различаются, и мы не можем по-настоящему понять, что творится в душе нееврея». А в глубине своей души Семён таил подозрение, что Курманы страдают чем-то вроде диссоциативного расстройства идентичности. Это весьма странное психическое заболевание, при котором у человека происходит раздвоение личности. Например, успешный и уважаемый профессор, страдающий диссоциативным расстройством, в момент приступа

переодевается, скажем, в одежду хиппи или идёт на сходку к панкам. У него другое имя, другая фамилия, он забывает о том, что он профессор, и рассказывает людям о своей жизни, семье и прочем истории, которые никогда не происходили в реальной жизни. Что самое интересное - это не игра: в момент приступа профессор убеждён и искренне верит, что он именно тот, за кого себя выдаёт.

«Так что же получается: Курманы уже в течение тридцати лет не могут выйти из своего приступа?» - недоумевал Семён.

У Игаэля Йеуди, выдающегося эксперта по проверке еврейского происхождения, была более "приземлённая" версия.

- Я слышал, что в российском уголовном мире существует негласный закон: когда уголовник нарушил правило из внутреннего "устава" уголовников, и те за это приговорили его к смерти, - но если после этого он становится "религиозным евреем" - надевает кипу и приобретает прочие приметы ортодокса - его оставляют в покое. Возможно, с Курманом произошло нечто подобное. Люди, которые видели его в микве, говорят, что заметили на его теле татуировку. А на его сына в израильской полиции открыто уже несколько уголовных дел. Ведь не зря говорят, что яблоко падает недалеко от яблони, - сказал Игаэль Семёну.

Семён вспомнил, что его друг Максим Вормзер рассказывал: когда он учился вместе с Курманом в московской *мизрахистской* (сионистской) йешиве, последний исполнял там по совместительству обязанности *мадриха* ("курирующего младших"; нечто вроде вожатого в советском пионерском лагере). По словам Вормзера, Курман бил своих подопечных.

А прозелит Славик поделился с Семёном своей версией.

- Вначале, очевидно, была какая-то сторонняя причина, по которой Курман с женой пришли в йешиву. Может, в те тяжёлые перестроечные времена у них не было работы. Ведь у Курмана нет профессии. А в йешиве

их обеспечили бесплатным жильем и едой. Всяких новых евреев там принимали с распростёртыми объятиями, веря на слово, без всяких там проверок, что они евреи. С течением времени Курманы на самом деле, наверное, прониклись духом иудаизма. Но им было неудобно признаться, что они обманули, скрыли то, что они не евреи. И так всё пошло-поехало. Может быть, Курманы и сами уже почти забыли, что они не евреи; их сознание как бы вытеснило эту информацию в подсознание.

- Нафтали! Какая из этих версий тебе кажется наиболее близкой к истине? - спросил Семён своего друга.

- Какая внешняя причина привела Курманов в йешиву: уголовное прошлое или тяжёлое материальное положение, - мне кажется, не суть важно. Суть же, я думаю, заключается в том, что хотя в христианстве и существует формальный обряд перехода в эту религию - крещение, - главным условием "спасения" христианство провозглашает не столько акт перехода в него, а в первую очередь именно "веру" - веру в того, кого иудеи пренебрежительно называют Йошкой. «Если поверил - значит, ты уже спасён!» - особенно железно этот принцип заложен в лютеранстве, но в той или иной степени он существует во всех "классических" христианских конфессиях. Поэтому для человека, у которого христианство, как говорится, в крови, совершенно естественно ощущать и полагать, что если он поверил во что-то, - а в данном случае в Тору, - то этого одного уже достаточно, чтобы стать евреем. И ещё: самая неприемлемая и унижительная для нееврея идея - о богоизбранности еврейского народа. Это же, с простой человеческой точки зрения, несправедливость какая-то! Поэтому нееврей, даже поверив в Тору, всем своим нутром может противиться гиюру, не верить в него: ведь надобность проходить гиюр свидетельствует о том, что до сего момента богоизбранным этот человек не был!

- Ты прав, - ответил Семён. - Профессор Ави Бекер в своей книге "Миу ам анивахар?" ("Кто является избранным

народом?", на иврите) убедительно доказывает, что главным камнем преткновения в христианстве при его отношении к иудаизму, главным источником ненависти христиан к евреям был иудейский постулат об избранности. Очень изящно свое неприятие этой идеи выразили современные руководители лютеранской церкви Северной Америки: Бекер на страницах 213-214 своей книги упоминает декларацию Совета лютеранских церквей США от 1994 года. В ней говорится, что христиане не понимают иудейский постулат о богоизбранности евреев по этническому принципу; по их словам, для них такой постулат был бы понятен, если он был бы основан только и единственно на основе веры человека. То есть христиане не понимают, как избранность может передаваться генетически, почему человек сам за себя не может решить, что он - избранный. Вот и Курманы тоже никак не могут этого понять.

Семён посмотрел на часы: через пять минут в ближайшей синагоге молятся *маарив* - вечернюю молитву. Он быстро надел пиджак и шляпу, и вышел из квартиры. У лестницы он увидел прозелита Петю Кривоногова.

Семён уважал Петю. Во-первых, потому что тот не менял свою фамилию, несмотря на то, что она трудно произносима на иврите и неблагозвучна на русском. Во-вторых, потому что, в отличие от многих других прозелитов, он не скрывал, что он гер. Даже напротив, немного афишировал это, любил при случае восклицать: «Что бы со мной было, если бы я не стал евреем?!» А в-третьих, потому что, несмотря на конфликт с женой, он нашел в себе силы помириться и возвратиться в семью.

«Помолюсь маарив потом, - подумал Семён. А сейчас Провидение мне послало Петю, чтобы я расспросил его о Курмане. Ведь Петя мне рассказывал, что учился в мизрахистской йешиве в Москве. Там же, где и Курман».

- Привет! - начал Семён без предисловий. - Ты знаешь Курмана?

- Да, я учился с ним в Москве в "Шатрах Яакова".

- А разве ты не учился вместе с ним в сионистской йешиве?

- Когда я туда пришёл, я его, кажись, не застал. Очевидно, к тому времени он уже успел слинять в "Шатры Яакова". Потом и я тоже туда перешёл. Там и встретились.

- Что ты о нём помнишь? Что ты можешь о нём рассказать? - спросил Семён.

- Ну, он был серьёзным аврехом... Слышал, что он в Израиле преподаёт в какой-то йешиве...

- А ты знаешь, что он не еврей? Долгие годы они с женой строили из себя евреев, а когда мы их поймали, они моментально сделали финт ушами и блестяще сыграли в раввинском суде спектакль: мол, вчера чудом нам стало известно, что мы не евреи! Судьи посмотрели на раввинское одеяние Курмана, его длинные бороду и пейсы, и очки по моде раввинов прошлых лет, - и поверили на слово. А может, и не только на слово. Не исключаю, что эти хитрые люди привезли с собой рекомендательные письма от каких-то ортодоксальных евреев - логично предположить, что эти артисты наскоро запаслись ими, прежде чем направиться в раввинский суд. А в этом суде очень любят подобные письма. Ну, и сделали там им гиюр, что называется, не отходя от кассы.

- А, интересно. Я не знал про то, что Курманы не евреи, - ответил Петя.

Семён был шокирован тем, что Петя не принял эту информацию в штыки.

- А как ты объясняешь их странное поведение? Почему они не проходили гиюр?

- Это ситра ахра, происки Сатаны, - ответил Петя.

- Ты хочешь сказать, что Курманы - посланцы Сатаны?

- Что-то вроде того.

- ??!

- Смотри, Семён, я слушаю по телефону организации "Шофар" лекции рава Дова Берковича. Если

я правильно их понял, то он говорит, что после Второй мировой войны, Всевышний как бы передал весь мир во власть Сатаны. В том числе и Тору. Это безобразие будет продолжаться вплоть до прихода Машиаха. Это значит, что приходится совершать дикие усилия, чтобы не попасть под влияние Сатаны. Сегодня даже те, кто соблюдает заповеди Торы, при этом могут извращать её суть. Это происходит потому, что они попали под влияние Сатаны. То же самое, очевидно, произошло и с Курманом. Приведу тебе другой пример. Не так давно была эпидемия "ковида-19". Зайди на сайт ООН: там чёрным по белому написано, что их целью является сократить население земного шара в несколько раз. Значит, вот для этой цели они и создали в лаборатории вирус и пустили его по всему миру. А тех, кто не умер, свели с ума своими карантинами. Вот ты, наверное, слышал про одного авреха, который с женой сидел дома в карантине во время "ковида", и сошёл с ума: в субботу зарезал свою жену, а сам выбросился из окна.

- Да, я слышал про эту жуткую историю. Но я не знал, что это произошло, когда они сидели в карантине. А что, до этого он был совершенно нормальным?

- По непроверенным слухам, он принимал психотропные таблетки. А так, я его помню вроде нормальным.

- Он ведь прозелит, а она - еврейка, к тому же израильтянка. Как же она вышла за него замуж?

- Есть такая русская пословица: "Любовь зла - полюбишь и козла", - ухмыльнулся Петя. - Да оставим их в покое. Лучше продолжим о Сатане. Наместники Сатаны на земле сегодня - протестантские церкви. Посмотри: некоторые из них не только легитимизировали гомосексуализм и лесбиянство, но даже разрешили однополые браки своим священникам! Это же полное извращение Библии!

- Петя, а что ближе к иудаизму - православие или католицизм? - спросил Семён.

- Я не знаю. И то, и другое - исчадие ада, - ответил Петя.

- Почему ты так говоришь? - возразил Семён. - Ведь и в православии, и в католицизме есть некое подобие, пусть и искажённое, семи заповедей сынов Ноя!

- Сегодня там никто ничего не соблюдает. Осталась только внешняя оболочка. Аналогичные процессы, которые происходят сегодня в иудаизме, происходят, конечно, в гораздо большей степени, и в православии, и в католицизме, не говоря уже о протестантизме. Рав Амнон Ицхак сказал, что сегодня почти не найти настоящего харедимного, ортодоксального еврея. О причинах я тебе уже говорил - всему бедой Сатана. А в христианство по этой же причине вообще не осталось ничего святого. На самом же деле, христианство - идолопоклонство. Я слушаю лекции рава Шломо Бревде по *Мегилат Эстер* (Свитку Эсфири), и он сказал, что Виленский Гаон сказал в своё время, что идолопоклонство всегда сопровождает разврат.

- Ты знаешь, у меня есть к этому иллюстрация, - отреагировал Семён, - У меня есть один знакомый еврей, который делал на Украине бизнес со священниками. Он с ужасом рассказывал, что эти попы без стеснения устраивают групповые педерастические оргии! Но мне как-то не очень в это верится. Ведь "чёрному" духовенству в православии разрешается вступать в брак. Так зачем им эти оргии? А "белое" духовенство, кому браки запрещены, сидит по монастырям и бизнесом не занимается.

- Нет, нет, - ответил Петя, - это очень вероятно. Где идолопоклонство - там и разврат.

«Почему Петя так обсессивно занят темой Сатаны? - подумал Семён. - Неужто потому, что, как пишет Лев Гумилёв, согласно православной концепции, Всевышний якобы дал Сатане определенную "автономию", свободу действий, а Петя ещё не до конца освободился от этого вздора? А вот что ещё интересно: почему прозелиты

Славик и Петя, в отличие от многих евреев от рождения, не пытаются защитить Курманов?»

Каков гиюр, таков и раввин

Семён собрался с духом и решил позвонить в Каунас Косте Усташеву - главному спонсору и официальному главе правления каунасской синагоги.

Костя был огромным амбалом, евреем по матери. Когда в 16 лет он получал паспорт, мать уговорила его, чтобы он записался русским - по национальности отца. В своё время Костя отслужил в армии, был на афганской войне. Когда демобилизовался, женился на татарке. В годы перестройки затеял бизнес по производству консервов, и разбогател. Потом сделал тшуву, стал религиозным евреем и обгюрил свою гойскую жену.

Семён уважал Усташева, потому что слышал о нём много хорошего. Во-первых, Костя - религиозный, соблюдающий заповеди еврей, не в пример сидящим в правлениях многих восточноевропейских ортодоксальных синагог светским евреям, чье "заседательство" в таких правлениях было Семёну совершенно не понятно. Во-вторых, Усташев жертвует собственные деньги, и немалые, - и на зарплату раввинам, и на проведение уроков Торы, и на ремонт синагоги. Да, он обгюрил свою гоюху - но это была, по сути, не его вина. Усташев был уже готов с ней развестись - но не тут-то было: злой ангел в лице молодого авреха, гостившего с месяц в каунасской синагоге, отговорил его от этого. Мол, не бойсь, гиюр, и всё будет хорошо... А в-третьих, Семёну импонировала история, которую про Усташева рассказывали. Идёт, значит, в субботу Костя в синагогу в сопровождении двух своих телохранителей-грузинов, а путь шел через городской парк. Им навстречу попался мужик, который, как бы невзначай, говорит: «Вот, посмотрите, жид идёт» (дело было летом, у Кости на голове была кипа). Усташев услышал это, что-то

сказал своим грузинам, те подошли к мужику, схватили его, и на виду у всех бросили в фонтан. Тот стоит по пояс в воде, а выбраться не может: вокруг фонтана высокие круглые стены. Стоит мужик и кричит жалобно: «Я ничего особенного не говорил! Помогите мне выбраться!»

Эта история напомнила Семёну эпизод из жизни довоенного президента Латвии Карлиса Ульманиса, когда тот, задолго до своего президентства, находился в эмиграции в США (Марис Рукс, "Государственная тайна Латвии", на лат. яз., стр. 304):

«Примерно в 1908 году Ульманис работал на молочной ферме Робертса в качестве обычного рабочего. Парочке других рабочих этого предприятия доставляло удовольствие дразнить серьезного и трудолюбивого иностранца. Это продолжалось в течение долгих недель, пока терпение Ульманиса не лопнуло. В один прекрасный день, когда два насмешника опять издевались над Ульманисом, тот, ни слова не говоря, обхватил каждого из них рукой и отвел к чану с водой, схватил каждого за шевелюру и засунул их головы под воду. Ульманис это делал с таким выражением лица, словно он должен был выполнить какое-то неприятное, но неизбежное задание. Момент спустя, когда ему показалось, что уже можно прекратить это неожиданное купание, он отпустил обоих и, не обращая на них никакого внимания, пошел продолжать прерванную работу. После этого инцидента все работники предприятия относились к Ульманису с уважением».

Семён набрал телефонный номер Усташева.

- Здравствуйте, говорит Семён Фрайман. Когда я был в каунасской синагоге несколько лет назад, мы с вами перекинулись парой-тройкой слов...

- Да, я вас помню. Только в данный момент я не могу говорить: у нас сейчас идет урок по книге "Вайоиль Моше". Позвоните примерно через час. Всего доброго!

«"Вайоиль Моше"?! - возбужденно думал Семён. - Ведь это же главная книга Сатмарского ребе, Библия религиозного антисионизма. Даже в Израиле нигде, кроме

сатмарских синагог, её не изучают. А в Каунасе по ней дают уроки?»

Через час Семён позвонил снова.

- Здравствуйте, теперь вы можете говорить?

- Да.

- Извините за любопытство, а кто у вас преподаёт "Вайоиль Моше"?

- Раввин Курман.

- Курман?! А как он у вас оказался?

- Его пригласил наш главный раввин Кремеров на две недели "гастролирующим" преподавателем Торы.

- А что, Кремеров допускает, чтобы у вас преподавали "Вайоиль Моше"?

- Рав Кремеров, хоть и не одевается, как сатмарский хасид, но придерживается сатмарской идеологии. То же самое - рав Курман.

- Интересно; а ведь они оба начинали как религиозные сионисты. Впрочем, я позвонил, чтобы говорить с вами о другом. Вы знаете, что Кремеров - прозелит?

- Да, я знаю.

- А вы знаете, что, по еврейскому Закону, прозелит не может занимать пост раввина еврейской общины?

- Послушайте, его направили сюда главный раввин Москвы и его люди. Они лучше знают, что можно, а что нельзя. Не суйте свой нос, куда не просят!

- А вы знаете, что гиюр Кремерова более чем сомнительный? А вы знаете, что его жена - гойка? - не отступал Семён.

Костя взорвался.

- Послушай, ты, б*... Да ты кровавое уё*... Да я задушу тебя, гон*... вонючий, фашист! Рав Кремеров разрешил тебе, падла, взять книги из нашей гнизы, и это твоя благодарность?!

Он ещё долго продолжал материться, и Семён положил трубку.

«Ну что ты от него хочешь? - мысленно сказал себе Семён. - Ведь он же бывший "афганец"! Каких жуткостей

они там натерпелись и насмотрелись! Наверно, с той войны ни один солдат не вернулся стопроцентно нормальным. Костя ещё легко отделался - ведь не сошёл же он с ума, а просто стал нервным и несдержанным. И вообще, ведь у него отец гой, и безумно трудно ему понять такие специфические еврейские нюансы, как-то: раввин, находящийся на высоком посту, которому доверено назначать раввинов на периферию - ошибся, а вроде бы интеллигентный и знающий Кремеров скрывает истинное происхождение своей жены. Ну, думает Костя: не может такого быть, и всё тут... Ну, и отцовские гены, наверное, тоже влияют...».

«Интересно, - подумал Семён, - почему все эти прозелиты и липовые евреи в конечном итоге оказываются в Сатмаре?»

Семён вспомнил ещё одного прозелита, Диму - невысокого паренька, бывшего художника, который проходил гиюр и учился в московской йешиве литваков, а в Израиле переметнулся в Сатмар. Из-за его низкого роста сатмарское субботнее одеяние: *штраймл*³⁶, позолоченный халат и белые чулки - выглядело на нём особенно комично. Когда Семён шёл с ним по Иерусалиму, Дима то и дело бросал реплики о проходивших мимо мужчинах: «Этот гомик!.. И этот гомик!.. И этот!» Найти себе невесту в Израиле Дима не смог; поехал в Бердичев, там женился на еврейской девушке, сделал ей ребенка, а через полтора года бросил её и возвратился в Израиль.

Семён однажды спросил своего друга Илью, который был более близко знаком с Димой:

- А почему Дима развелся?

- Ты что, не знаешь? Он же педик. Ну, чисто механически совершить половой акт с женщиной он может, но психологического влечения как такового он к ней не имеет. Женильба ему нужна была только для того,

³⁶ *Штраймл* - традиционная хасидская субботняя меховая шапка.

чтобы он имел право, как все женатые хасиды, надевать штраймл и позолоченный халат.

Семён вспомнил ещё одного сатмарского прозелита; тот с трибуны Интернета под видом большого раввина вещает всякую чушь: мол, что главное зло в мире – это Государство Израиль, что в иудаизме нет понятия "совесть", и тому подобное. Патологические антисемиты, вроде "академика" Левашова, используют его видеоролики для подтверждения своих бредовых жидоедских теорий. Интересно, что когда этот прозелит зачитывает отрывки из Торы, он делает это по русскому православному переводу. Может, ему этот перевод кажется более кашерным, чем современные, потому что последние сделаны сионистами?

- Нафтали, - спросил Семён своего друга, - Я заметил тенденцию: прозелиты нередко, в конце концов, переходят в Сатмар. Почему это происходит?

- Всё очень просто: в рамках какого направления ортодоксального иудаизма можно быть правоверным иудеем и в то же самое время антисемитом? Есть только одно такое направление - сатмарский хасидизм. Прозелиты там вместе со всеми в общем хоре кричат: "проклятые сионисты", а в глубине души подразумевают: "проклятые евреи". В других еврейских религиозных общинах у прозелитов отсутствует возможность реализовать свою подспудную ненависть к евреям.

Искусство принадлежит народу

- Семён, посмотри, что кто-то написал в Интернете об инциденте, который произошел в вильнюсской синагоге, - Нафтали протянул Семёну распечатку:

«Молитва была почти завершена, когда номинальный главный раввин рабби Кремеров из Каунаса, который был в этот уикенд в городе, начал свой рассказ о Ноахе и Великом Потопе на двух языках:

русском и английском. Его прервала глава еврейской общины, которая вошла в зал и вызвала раввина. Она была в очень нервном состоянии. После короткого разговора с ней рабби Кремеров смог вернуться закончить свой рассказ о Ное и потопе. Вскоре после этого хабадский раввин Крупник попытался что-то сказать на английском относительно обсуждаемого отрывка Торы, что именно – я не уловил, потому что рабби Кремеров схватил его и вытолкнул за дверь. Я был шокирован, увидев полицию в лобби и на входе в синагогу. Я покинул здание, был смущен и расстроен».

- А где же его рафинированная интеллигентность в поведении? Почему он не стесняется заниматься рукоприкладством, причём прямо в синагоге, посередине урока Торы, в качестве реакции на легитимную полемику? Он что, с ума сошёл? - удивлённо отреагировал Семён.

- Очевидно, его интеллигентность - чисто номинальная. В Талмуде написано, что именно евреи по природе своей стыдливы. Человек, обладающий элементарным чувством стыда, никогда не будет так себя вести.

- А если еврей - бесстыжий? О чём это говорит? Ведь задолго до Кремерова в той же вильнюсской синагоге один еврей-литвак "дал в дыню" еврею-хабаднику за то, что тот в предыдущий день поставил хулу еврейке, предварительно не окунувшейся в микву. Разве про такого можно сказать, что у него есть стыд?

- Конечно, хабадник поступил неправильно. Но заниматься мордобоем, да ещё в синагоге?! Кто это был?

- Шмуэль Серебрянский. Он был тогда местным раввином.

- Шмуэль Серебрянский?! Этот бааль-тшува - он ведь один из немногочисленных героев, которые, став религиозными, не обгинурили свою гойскую жену, а развелись с ней! Можно сказать - праведник... Хотя сегодня он заведует в России одним весьма странным учебным заведением, "Еврейским общежитием". Вот, посмотри, что про него пишут в Интернете:

«Еврейское общежитие», или, как я его называю, «секта Серебрянского» – более всего походила на смесь психиатрической больницы и комсомольской организации. И неудивительно, ведь всё руководство секты – бывшие комсомольцы и члены КПСС, которые после *алии* (репатриации в Израиль) сменили красные значки на черные кипы. [...] Когда я высказывал несогласие с «руководящей линией кампуса», меня обвиняли в «вольномудстве». На шабатах распевали субботние гимны на мотив советских песен: «утро красит нежным светом», «взвейтесь кострами», а гимн «лехадоди» исполнялся на мотив «Марсельезы».

От психиатрической клиники в «кампусе» было также много чего: мой сосед по комнате – Олег Шавелько явно обладал некоторыми «особенностями», проще говоря, был человеком нетрадиционной ориентации. Когда мне приходилось оставаться с ним в комнате наедине, он при первом же удобном случае раздевался и щеголял в костюме Адама. Также ему нравилось в таком же виде вести беседы, лёжа на своей постели, и при этом покуривать коноплю. Неоднократно он осведомлялся у меня, не хотел бы я воспользоваться услугами проститутки или купить «пых», предлагая свою помощь.

Ещё одним интересным кампусовцем был человек по имени Армен (сам он себя называл Амрамом) – армянин лет сорока, принявший иудаизм в США. Это персонаж с криминальным прошлым, который сидел в Бутырке за вымогательство (как он сам о себе с гордостью рассказывал). Впрочем, по его же словам, в США он тоже сидел... Армен также по вечерам покуривал ганжу и, выпадая в осадок, произносил длинные монологи по-английски, и отплясывал, аккомпанируя сам себе на пустых кастрюлях.

Пьянство в этой организации было страшное: пили обычно по вечерам, когда руководство уходило из квартиры. И рекордсменом по «живой воде» был Кирилл Дубских. Этот 26-летний парень из Орска выполнял функцию администратора – передаточного звена между руководством и рядовыми адептами. Он гордился своей профессией – «гранитчик-камнетёс» и образованием в 9 классов. А люди с «вышкой» для него были «лохами».

Один из “преподавателей” по имени Леонид Кофман лично несколько раз пытался завладеть моим паспортом. При этом он размахивал красной книжечкой дружинника и хвастался знакомством с генералами местной милиции.

Серебрянский заявляет, что миссия его организации – способствовать развитию самосознания личности через изучение Торы и соблюдение еврейской религиозной традиции как важнейших из инструментов достижения успеха (это написано на их официальном сайте). Его организация ориентирована на молодых людей, которые изначально не интересуются духовными исканиями, а стремятся сделать хорошую карьеру. Вам сообщают, что иудаизм, помимо всего прочего – хороший и эффективный метод добиваться успеха в бизнесе, общаться с людьми, владеть собой и т. д. И в подтверждение всего этого вам перечислят биографии знаменитостей еврейского происхождения: Эйнштейна, Ротшильда, Жванецкого и других. И причиной их успеха, конечно, назовут принадлежность к иудейской традиции. Вам скажут, что этот метод стать успешным очень надежен, так как проверен тысячелетиями.

Получается, что в “серебрянской” интерпретации иудаизма поклонение единому Богу подменяется поклонением успеху. И молитва, и изучение Священных Книг – это лишь хороший тренинг для достижения успеха в карьере и т. д. И не случайно богослужебные практики, молитву и традиции они называют РИТУАЛАМИ. Это действительно превращается в секте Серебрянского в ритуалы. Молитвы и *брахот* (благословения) превращаются в заклинания, а толкование смысла молитвы сводится к магическому пониманию, что через коллективную молитву можно влиять на успешность, привлекать благополучие и так далее».

- Жуть! Это же просто извращение какое-то! Трудно, конечно, себе представить, что директор этого заведения Серебрянский не в курсе того, что там творится. А Эйнштейн, Ротшильды и Жванецкий к иудаизму никакого отношения не имеют, скорее наоборот. Успех этих далеких от традиционных еврейских ценностей людей был, возможно, в какой-то

степени и связан с тем, что они были евреями: очевидно, Всевышний даровал им его в заслугу их богобоязненных предков. Но не более того. А в будущем мире – мире Истинного Воздаяния – их не ожидает ничего хорошего, ибо волю Бога, его заповеди, в нашем мире они не исполняли. Да и поклонение успеху в этом брэнном мире – это профанация иудаизма. Очевидно, мы столкнулись с очередным примером порочной разновидности *кирува*. К тому же, логично предположить, что существенная часть "жителей-посетителей" этого общежития – неевреи. Посмотри на их фамилии: Шавелько, Дубских... Ведь несомненно: основное, что интересует его "преподавательский состав" – это собственная зарплата. Ведь они же поклоняются успеху – такая у них современная форма идолопоклонства, а для любящих успех людей главное в жизни – деньги... И зарплату от своих американских спонсоров они не получают, если не будет соответствующего количества паствы. А ведь "нормативные" евреи в такой бордель не пойдут ни за какие коврижки. Вот, очевидно, и приходится руководителям "Серебрянской секты" привлекать неевреев. Фу, противно! - сказал Семён, поморщившись.

- Ну, наверное, сожительствование с гоюхой всё-таки оставило на личности Серебрянского какой-то отпечаток, - заметил Нафтали.

- История с мордобоем в синагоге указывает на то, что он потерял стыд. Из одного комментария к святой книге "Маалот а-Тора" можно заключить, что когда еврей сожительствует с гойкой, его душа как бы опустошается, значительная часть её святости улетучивается. Я понимаю это так: в этом мире остаётся как бы только "робот" - без души, без сердца, без совести. Безусловно, если человек серьёзно и искренне раскаивается, душа к нему возвращается. Да, Серебрянский сделал тшуву, раскаялся, но, видимо, не до конца искренне. Поэтому с чувством стыда всё ещё есть проблемы. - Семён на мгновение задумался. - Послушай, Нафтали! Ты мне всё время какие-то статьи подсовываешь. А теперь я тебе

тоже что-то покажу. Вот, посмотри, как образно выразился в одном из своих интервью Гавриэль (в прошлом Гавриил) - сын двух знаменитых режиссёров, народных артистов России, в прошлом - начинающий, подающий надежды сценарист, а сегодня - серьёзный аврех и отец восьмерых детей:

«Заниматься искусством – это похоже на разврат, а изучать Тору – подобно близости между двумя пожилыми любящими друг друга супругами».

Нафтали нервно рассмеялся.

Новая жизнь Гавриэля

Когда Гавриила на рубеже 80-90-х годов впервые привёл в московскую йешиву его троюродный брат, Семён приехал туда делать обрезание. Семён живо, как сегодня, помнил эту картину: невысокий, немного напоминающий колобка паренёк, на вид лет двадцати, сидит в бейт-мидраше, а кто-то из йешиботников что-то усердно ему объясняет. Было заметно, что Гавриил очень увлечён этой беседой, на его щеках даже выступил лёгкий румянец. Ребята вокруг шушукались; ведь приход каждого нового еврея в йешиву был своеобразным священнодействием, перед которым трепетало сердце, как перед первой брачной ночью: удастся ли "охмурить", выражаясь русским, нивелирующим святыне понятия, языком, а по сути - привлечь к Торе - духовным ценностям своего народа - ещё одну святую еврейскую душу?

Йешиботники с удивлением обсуждали пронёсшийся вихрем слух: оказывается, этот молоденький, низенький, неприметный вроде паренёк - студент-режиссёр, сын знаменитостей, женат, есть дочь-младенец. Последнее, однако, существенно осложняло процесс: ведь это означает, что надо будет "охмурять" и жену парня тоже, а это обычно сопряжено со сложностями. Если она, конечно, еврейка. А если, упаси

Господь, гойка? Тогда вообще пиши пропало. Но в случае Гавриила произошло что-то из ряда вон выходящее: одной беседы ему хватило, чтобы бросить Высшие режиссерские курсы за полгода до получения диплома, бросить жену-нееврейку с ребёнком, и вместо всего этого - засесть за серьезное изучение Талмуда в йешиве. Бросить всё и начать жизнь с нуля! Ну, скажем так: процесс диаметрально противоположный по сравнению с Гедальей; тот, как мы помним, к Торе пришел "из грязи в князи", а тут на тебе: сын великих родителей, подающий надежды молодой режиссёр и сценарист, более того, уже успевший создать семью, - такому человеку надо бы лишь покрепче вцепиться в руль, а дальше уже всё само пойдёт-поедет. Ан нет. Неисповедимы судьбы.

Семён уже было забыл о нём. Но однажды, лет через пятнадцать, увидел Гавриэля в автобусе. Они оба ехали к себе домой, в недавно построенный израильский городок.

- Гавриэль, это ты? Помнишь меня? Мы с тобой много лет назад пересеклись в московской йешиве!

- Нет, не припоминаю.

- Ну, да ладно. Твой троюродный брат - мой хороший друг. Как я помню, это он привёл тебя в йешиву. Ты представляешь, он приехал ко мне на свадьбу в Иерусалим аж из Офакима, а ведь это целых два часа езды! Как поживаешь? Что делаешь?

- Я - аврех, сейчас мы в колеле изучаем трактат Талмуда "Нида". Это про менструации и венерические заболевания.

- Ты что-то перепутал. *Зива* - это не связанные с каким-то заболеванием, с одной стороны, и не являющиеся истечением семени, с другой, выделения из мочеполовой системы, - возразил Семён.

- Не важно. Послушай, приходи ко мне на Пурим. У меня собирается "русская" компания; водочка настоящая, российская, не "Кеглевич" какой-то; закусываем горячей картошкой с селёдкой. Весело, здорово, в русском духе, не так как у скучных израильтян.

- Спасибо за приглашение, - ответил Семён.

Удивительный Пурим

В ближайший Пурим было всё как обычно: Семён разнёс *мишлохей-манот*³⁷, прочитал дома жене и детям *Мегилат Эстер*, в синагоге раздал *матанот лаэвйоним*³⁸, дома сделали праздничную трапезу с участием близких родственников. Закончилась трапеза, а до захода солнца оставался примерно час. Семён заметил, что один из заранее приготовленных мишлохей-манот остался никому не врученным.

«Ну-ка, - подумал Семён, - пойду-ка я к Гавриэлю, отнесу ему мишлоах».

Семён постучал в дверь. Открыл Гавриэль, одетый в брюки и белую майку. Можно было разглядеть, что телосложение у него совсем не тщедушное. Семён протянул свёрток.

- А это зачем? - спросил Гавриэль.

- Это мишлоах-манот, - ответил несколько удивлённый Семён. Неужели Гавриэль забыл, что сегодня Пурим?

- А-а-а, - как-то безучастно ответил Гавриэль, - а у нас трапеза уже подходит к концу, все мишлоахи мы уже съели за трапезой.

Семёну показалось, что хозяину не хочется принимать мишлоах: ведь в нём, по словам Гавриэля, уже не было насущной необходимости. Семён впервые в жизни столкнулся с тем, что на пуримской трапезе в качестве угощения активно используют принесенные гостями *мишлоахи*. «Московская экономность», - подумал Семен и вспомнил, как он с родителями, школьником,

³⁷ В праздник Пурим есть заповедь раздавать друзьям съестные подарки - *мишлохей-манот* (букв. "посылки с блюдами" – иврит; ед. ч. *мишлоах-манот*, или просто: *мишлоах*).

³⁸ Помимо заповеди давать милостыню в течение всего года (ивр. *цдака* - милостыня), в праздник Пурим есть отдельная заповедь раздавать милостыню бедным – *матанот лаэвйоним* (букв. "подарки бедным" - иврит).

поехал на зимние каникулы к родственникам в Москву. В конце ужина всем налили чай с лимоном. Мама Семена, Гертруда, выпила свой стакан, а ломтик лимона, по своему обычаю, съела. Через несколько минут хозяйка предложила: «Кому ещё чай?», и Гертруда протянула свой стакан. «А где твой лимон?» - спросила хозяйка. Гертруду внутренне передернуло, и она отчетливо ощутила, что она не в Риге: там такой вопрос сочли бы неприличным.

Семён, не церемонясь, сунул свёрток хозяину в руки.

- Заходи; жаль только, что поздно пришёл - основное веселье уже позади.

Гавриэль проводил Семёна в салон. Публика уже собиралась говорить *биркат-амазон* – послетрапезную молитву.

В салон зашла жена одного из гостей, Шарфмана, и раздала гостям десерт. Семён её пристально не разглядывал, но всё же её лицо показалось ему отталкивающе некрасивым. «Никакая другая девушка не согласилась выйти за Шарфмана замуж, потому что он - разведенный?» - промелькнула мысль.

За столом все были вдрызг пьяные, кроме Шарфмана, который казался, по сравнению с остальными, более трезвым. Ему и поручили *зимун* - вести благодарственную молитву после трапезы. Сравнительно трезвым голосом закончил он первое благословение словами «Барух Ато... азон эс аколь» («Благословен Ты, Всевышний, дающий пропитание всем»), и тут же - без паузы - изbleвал розоватого цвета рвоту прямо на стол.

«Да, интересно, - подумал Семён, - что-то удивительное есть, наверное, в этом "русском Пуриме": недаром в "Свитке Эстер" написано: «"Вэ-наафох у" ([И было] всё наоборот)». То есть в Пурим всё должно быть наоборот. Но с таким кардинальным уровнем "наоборот" Семён столкнулся впервые. Заключительное благословение после еды превратилось здесь в благословение "предшествующее" (т. н. *браха ришона*), за

одним лишь исключением – предшествующее не тому, что поступает в организм (еда), а тому, что выходит из него (рвота). Вот уж совсем настоящий "Вэ-наафох у"!»

Когда закончили молиться, Семён спросил Шарфмана:

- Ты здесь, как и я, в первый раз?

- Нет, мы с женой приходим сюда на Пурим уже несколько лет подряд. Лучшего Пурима не найти во всём городе!

Семён покинул это сборище и пошёл домой.

- Больше туда я не пойду! - сказал он жене.

- Почему же?

- Там была жена Шарфмана; эта пара там постоянные гости на Пурим. Она похожа на обезьяну.

- Неправда! Я её видела в супермаркете; она очень даже миловидная. И фигура у неё красивая. И вообще, какое твоё дело?

- Никакого. Просто противно. Или страшно стало. Или жалко его. Не знаю...

- Это, конечно, хорошо, что ты не нарушаешь Галаху – чужих женщин пристально не рассматриваешь. Но у тебя, видно, богатая фантазия. Или тебе что-то не понравилось в гостях у Гавриэля – так ты экстраполируешь свое негативное впечатление на жену Шарфмана, бедняжку. Она ничем такое не заслужила. А с выражениями типа "обезьяна" будь поосторожней. Ты что, забыл, что случилось с Колей Пономаренко?

Трагическую историю Пономаренко Семён помнил хорошо. Один из йешиботников, Стас, искал невесту. Хотя оба его родителя были евреи, Стас в детстве получил слишком советское воспитание - его отец был кадровым военным. Поэтому для Стаса было естественным, когда он оказался в йешиве, стремиться стать как можно более приближенным к её начальству. Как в армии: если командир - значит авторитет. Ему было трудно понять и принять, что между раввинами - духовным "начальством" йешивы - и её администрацией - существует принципиальная разница.

Стас был красивым, атлетически сложенным юношей доброго нрава. И он искал девушку, которая в первую очередь будет внешне привлекательной в его глазах. С шидухами, однако, в йешиве, как мы уже знаем, было не густо. Стасу предложили девушку, совсем не уродину, но обычной, ничем не выделяющейся внешности. При этом еврейкой у неё была только бабушка - мама мамы. После первой встречи Стас сказал свахе, что продолжать встречаться с ней не будет. Девушка же, напротив, пламенно настаивала на продолжении встреч. То же самое повторилось и после второй, и после третьей встречи. Свахе было ясно, что девушка хочет выйти за Стаса замуж, а он - нет. И она решила эту проблему так: позвонила в администрацию йешивы, а они уж знали, как действовать дальше...

На следующее утро, когда Стас вошел в бейт-мидраш на утреннюю молитву, у входа с широкой улыбкой ему протянул руку завхоз, а вслед за ним и сам глава йешивы.

- *Мазаль тов*³⁹! Мы слышали, что ты заключил помолвку!

И Стас сломался. Сыграли свадьбу; всё вроде бы хорошо, но счастливым он себя не чувствовал. Масло в огонь подлил Коля Пономаренко, который, прослышав краем уха про эту историю, выпалил в глаза Стасу, когда не поладил с ним из-за какого-то пустяка:

- Ты дурак! Женился на обезьяне!

Этими словами Коля ударил Стаса в его самое болезненное и уязвимое место.

Через два года женился и Коля. Полтора года спустя после свадьбы у него обнаружили рак. После операции он прожил полноценной жизнью примерно год - и умер, оставив в этом брэнном мире молодую вдову с младенцем на руках. А Стас вместе с ещё одним бывшим йешиботником каждый год в годовщину его смерти едут

³⁹ *Мазаль тов* (иврит) - еврейское традиционное поздравление.

на его могилу и читают там псалмы Давида за возвышение Колиной души.

- Ты права, Инна. Я постараюсь исправиться, больше не буду никого называть "обезьяной". А ты знаешь, что отец Гавриэля - известный режиссёр? Вот, почитай, у него есть интересные интервью, там глубокие мысли, - сказал Семён.

- У меня нет на это времени, есть дела поважнее.

- Хорошо, я тебе перескажу вкратце. Он говорит, что его потрясла повесть Даниэля, в которой тот описывает трагедию человека, про которого пустили ложный слух, что он якобы доносчик. Трагедия человека, от которого отвернулись все, в том числе любимая женщина. А еще режиссёр критикует роман Улицкой, в которой та в совсем невыгодном свете показывает общество советских диссидентов. Оказывается, это были люди со всеми присущими человеку слабостями. Отец Гавриэля считает, что как бы там ни было, диссидентам был присущ героизм, и поэтому они не заслужили, чтобы кто-то ворошил их грязное бельё.

- Но ведь литература существует для того, чтобы писать правду! Только правда может научить последующие поколения не совершать ошибок предшественников, стать лучше! - возразила Инна.

- Это сложный вопрос. Вот, например, возьмём Шиндлера. Он спас многих евреев и по праву считается одним из самых великих героев, носящих присваиваемый музеем "Яд-Ва-Шем" титул Праведника Мира. Наряду с Валленбергом, Липке и другими. Но Шиндлер, по свидетельству его жены и других близко его знавших людей, был, с другой стороны, патологическим бабником. Диагноз есть такой: нимфомания; врачи утверждают, что это болезнь, моралисты - что просто распущенность. Как в одном человеке может одновременно уживаться большой порок с великой добродетелью, - это, конечно, трудно понять, но разве одно покрывает другое? Это в христианстве есть такое понятие "индальгенция". А с еврейской точки зрения, за добрые дела человек получит

награду, а за дурные – наказание. Одно не противоречит другому. Правомерно ли замалчивать или оправдывать дурные дела героя, когда мы хотим, чтобы потомки повторяли только его добродетели, но ни в коем случае не думали, что через героизм человек получает легитимное право грешить?

- Но ведь, с другой стороны, если мы будем в полный голос критиковать недостатки героя, это может нивелировать в глазах людей его героизм, - заметила Инна.

- Да. С точки зрения тактики, надо хорошо продумывать, как правильней писать, чтобы наилучшим образом повлиять на последующие поколения. Но режиссёр имел в виду не это. Как я понял из его слов, он считает, что через героизм диссидентов им прощаются все их человеческие пороки и слабости. И хотя его логика понятна, тут он кардинально противоречит традиционному еврейскому подходу.

- Но ведь он родился и вырос не в какой-нибудь Москве, где евреи уже в течение нескольких поколений в плане культуры ассимилированы, а в Литве, где еврейские традиционные ценности были известны даже светским, нерелигиозным евреям. Откуда же у режиссера такое мировоззрение?

- У меня есть предположение. Он родился незадолго до Второй мировой войны, и первый год своей жизни провёл в гетто. Потом семья сумела покинуть гетто и скрывалась у знакомых литовцев до самого конца войны. Мне неизвестно, сделал ли какой-то социопсихолог исследование на тему: "Комплекс неисполнимого долга спасенных по отношению к своим спасителям", но логично предположить, что евреи, которые выжили в Холокосте благодаря праведным неевреям, в той или иной степени страдали от чувства невозможности по заслугам вознаградить своих спасителей. Ведь даже самое большое вознаграждение, по сути, здесь будет ничтожным. Ибо неевреи, которые жертвовали своей жизнью, спасая евреев, ни с какой точки зрения не были

обязаны это делать. Когда человек это отчетливо осознаёт и при этом понимает, что наверняка сам он был бы не способен на такое ради людей из другого народа, то неминуемо впадет во внутренний конфликт. Чтобы выйти из него, он должен совершить поступок, который ему самому будет казаться идентичным подвигу, совершённого ради него. Например, усыновит сироту из того народа, представители которого его спасли. Это и сделали родители Гавриэля: они усыновили литовского мальчика по имени Йуозас, и он стал сводным братом их родного сына - Гавриила. А Йуозас тоже стал впоследствии режиссёром.

Другой пример: отец Гавриэля ставит в основном классику. Одно из редких исключений - пьеса по мотивам повести "Республика", в которой до боли натуралистично повествуется о трагедии русских в Таджикистане, которую они пережили с распадом Союза: прежде привилегированная группа населения внезапно превращается в изгоев, объект резни, физических и моральных издевательств. Более того, и в России, куда они бегут, их принимают холодно. В выборе пьесы режиссёром, я думаю, сыграл роль тот же самый стимул: доказать прежде всего себе самому, что ты – на стороне униженных и оскорблённых. Хотя бы на сцене. Такое вот "человеколюбие", как мне кажется, – оно следствие глубокой душевной травмы, пережитой режиссёром в связи с Холокостом. Я думаю, что именно поэтому отец Гавриэля смотрит на любых людей, проявивших героизм, через призму "презумпции святости", и не допускает ни малейшей критики в их адрес.

- Это единственная пьеса современного автора, которую он поставил? - спросила Инна.

- Нет, ещё он поставил пьесу своего сына - Гавриэля, - по мотивам "Катерины Измайловой" Лескова.

- А, поставил, значит, по блату! Ох, выгодно же всё-таки молодому сценаристу иметь папу-режиссёра с собственным театром!

- Ну почему же, Инна?! Постановка имела огромный успех в четырнадцати странах мира. Очевидно, и сама пьеса тоже выдающаяся.

- А почему Гавриэль выбрал "Катерину"? Конечно, это одна из вершин русской литературы, но всё-таки порнография какая-то? - спросила Инна.

- А почему в интервью он допустил такую вульгарность и сравнил изучение Торы с интимной жизнью? - ответил Семён вопросом на вопрос.

Семинар в Иерусалиме

- Семён, говорит Нафтали! Нас пригласили на раввинский семинар, посвященный теме липовых гиюров. Это будет в Иерусалиме. Мы должны поехать и там выступить.

- Хорошо, - ответил Семён.

Первый "круглый стол", в котором они участвовали, был посвящён приближению евреев к Торе (так называемый *кирув рехоким*). Какое отношение это тема имеет к гиюру, Нафтали с Семёном пока не поняли. На сцену поднялся ведущий – известный *кирувицик* по фамилии Помпелиус. Это был мужчина лет шестидесяти, с чрезвычайно массивной бородой, которая делала его облик отдалённо напоминающим православного священника. Но двубортный костюм при этом выглядел на нём как-то "водевильно". В Союзе он был комсомольским работником и деятелем культуры, но потом отсидел в лагерях за сионизм.

В Израиле как общественный деятель Помпелиус стал почему-то чрезмерно рьяно, без чувства меры, плясать под дудку религиозного истеблишмента, и так совсем потерял себя как личность. Это не повредило его ореолу героя, "борца против советской химеры".

Первым делом Помпелиус предоставил слово баалтшуве, возглавляющему русскоязычную еврейскую религиозную общину в одном из израильских городов.

Это был невзрачный, тщедушный мужичок, женатый на обгиюреной гоюхе. Он начал рассказывать, какая у них замечательная община, что состоит она чуть ли не наполовину из прозелиток-неевреек, которые оказались замужем за евреями. И когда мужья стали приближаться к еврейскому религиозному образу жизни, их жёны были "обгиюрены". Мужичок всячески расхваливал этих прозелиток:

- Посмотрите, какие они набожные, как тщательно исполняют заповеди...

Нафтали с места спросил оратора:

- А прежде чем гиюрить этих нееврейских жён, была ли в каждом отдельном случае предпринята попытка, чтобы супруги разошлись? Ведь именно это еврейский Закон требует сделать в первую очередь!

Выступающий потерял дар речи – эта информация была ему совершенно неизвестной. Наступило тягостное молчание. На выручку поспешил Помпелиус, который резким движением взял микрофон и произнес напористо, с трудом скрывая гнев:

- Мы действуем сообразно с *псаком*⁴⁰ рава Эльяшива...

Помпелиус не смог закончить фразу, потому что Семён его перебил:

- У рава Эльяшива нет такого псака, это псак рава Зильберштейна.

Помпелиус побагровел.

- Вы хотите сказать, что я лгу?! После "круглого стола" вы должны будете попросить у меня прощения, а сейчас продолжим...

Семён не выдержал и стал, повысив голос, цитировать, что и где на эту тему написал рав Эльяшив, а что – рав Зильберштейн и другие известные раввины. Ведь он на этой теме, как говорится, "собаку съел". А Помпелиус оказался не подготовлен, и ему нечем было

⁴⁰ *Псак* - раввинское решение.

крыть навстречу. По его лицу было видно, что он в отчаянии; его глаза налились кровью. Вслед за выступавшим мужичком и Помпелиус тоже был вынужден замолчать. Выступление оратора было сорвано.

На помощь пришел раввин Костанда и взял микрофон.

- Вы правы; с точки зрения Галахи, изложенной в общепринятом кодексе еврейских законов "Шулхан Арух", не разрешено делать гиюр нееврейке, которая состоит в браке, а выражаясь иудейской терминологией - сожительствует - с евреем. Однако сегодняшняя ситуация, когда большинство еврейского народа не придерживается заповедей Торы, требует более гибкого подхода...

И всё в таком духе, политкорректно - и вашим, и нашим. Все успокоились, и Семён с Нафтали Костанду не перебивали, хотя и не были с ним согласны: он защищал гиюры совсем в другом ключе и не в ультимативной форме, а в извиняющейся. В воздухе, однако, продолжал неслышно звенеть голос Семёна, который незадолго до этого эпатировал присутствующих информацией, которую немодно сегодня так открыто и публично излагать, и её правильность отстаивать.

"Круглый стол" закончился, и практически без перерыва в другом зале начался следующий. Он был посвящён теме проверки еврейского происхождения. Внезапно посередине дискуссии в зал вошел главный раввин Ашдода, прибывший на семинар с опозданием, и попросил предоставить ему слово. Как одному из самых известных и немногих раввинов-борцов, которые отстаивают позиции "неиспорченного" ортодоксального иудаизма, при этом оставаясь на официальном посту в казённом израильском раввинате, ему немедленно предоставили микрофон. Рав Шейнин начал с того, насколько важно в наше время раввинам в раввинатах и раввинских судах заниматься - с помощью профессиональных экспертов - проверкой еврейского происхождения тех, кто желает заключить законный с

точки зрения еврейского Закона брак, а также и в других ситуациях; например, когда человек хочет сделать обрезание. Тут раввин сделал плавный переход и стал на все лады расхваливать книгу, в которой подробно излагаются законы и правила проверки еврейского происхождения, приводятся необходимые статистические данные и описываются плачевные ситуации из опыта экспертов, зафиксировавших случаи, когда неевреи, которые успешно скрыли своё происхождение, становились студентами йешив и даже стояли под хупой. Эту книгу за полтора года до данного «круглого стола» написал Семён, а издал Нафтали.

Семён с Нафтали вошли в состояние, близкое к трансу: ведь ни перепалка с Помпелиусом, ни речь рава Шейнина не были никем заранее спланированы или инсценированы. А лица Помпелиуса и его компании приверженцев осунулись и приобрели такой вид, будто они хотели провалиться сквозь землю. Но из зала они не вышли.

Семинар закончился, и Семён поехал домой. После возвращения он должен был отвести сынишку в поликлинику на анализ крови. Когда они сидели в очереди, в поликлинику зашёл Гавриэль и взвесился на общественных весах - очевидно, в тот момент он соблюдал диету и хотел проверить, насколько сбавил в весе. Семён его не видел уже несколько лет. У Гавриэля стал сильно отвисать живот, а борода значительно удлинилась, приобретя лопатообразную форму.

«Ну, прямо как Дед Мороз, только в миниатюре, - подумал Семён. - А вообще, он - бедняга; ведь не случайно же он стал так плохо выглядеть».

Семён слышал, что у Гавриэля родилась дочь с синдромом Дауна. «Воистину, неисповедимы пути Всевышнего: ведь если кто настоящий герой – так это Гавриэль! Он бросил гоюху, ушел из вуза на последнем курсе – и всё это ради Торы и Всевышнего! Кто на такое способен? Единицы. За что ему такое наказание?»

Семён поздоровался с Гавриэлем, но тот не ответил.

Через несколько дней Семён встретил на улице прозелита Славика.

- Привет, Семен, хорошо, что я тебя встретил. "Русские" авреши послали меня к тебе с миссией. Они хотят, чтобы ты публично извинился и отрёкся от того, что написано в твоей книге.

- Не понял!! - Семён с изумлением уставился на Славика.

- Ты написал, что все баалей-тшува из бывшего Союза должны пройти проверку еврейского происхождения. Ты представляешь, что сейчас начнётся? Все будут смотреть на нас, то есть на них, как на гоев! Хотя меня лично это не касается - у меня есть свидетельство о прохождении гиюра. Один уважаемый аврех сказал, что всем русскоязычным аврехам запрещено с тобой здороваться. Вот, мне уже несколько аврехов рассказали, что когда они тебя видят, то плюются и переходят дорогу. А другой аврех во всеуслышание заявил, что мы все должны публичной клятвой объявить тебе бойкот.

Семён рассмеялся:

- А это забавно. Как в театре. Кто эти умники - авторы столь гениальных идей?

- Тебе смешно?! - Славик был явно ошарашен такой реакцией. - Ты не боишься?! Гавриэль и Вальденкрацер - имена этих двух всеми уважаемых аврехов тебе ни о чём не говорят?!

«И Гавриэль, и Вальденкрацер - оба москвичи, - подумал Семён, но решил, что не надо делать обобщений. - Ведь среди моих друзей-единомышленников есть и бывшие москвичи тоже. Видимо, многое всё-таки зависит и от воспитания, которое человек получил в семье. Да к тому же, Гавриэль ведь давным-давно был женат на гоюхе...»

И обратился к Славику:

- Я уверен в том, что делаю богоугодное дело. И не прекращу его из-за своих шкурных интересов.

Так сказал Семён и пошёл восвояси. Теперь он знал, почему Гавриэль не ответил на его приветствие в поликлинике.

Заложники менталитета

Семён вспомнил пересказанную отцом Гавриэля повесть Даниэля о человеке, заподозренном в доносительстве. «Да, для русского менталитета бойкот и остракизм кажутся наихудшим наказанием из существующих в этом брэнном мире. Странно всё-таки, но почему же Гавриэль и его товарищ не придают значения тому, что я не жил в России, и не понимают, что я сделан из другого теста. Придумали бы что-то поизощрённее, было бы хоть интересно испытать свой характер на стойкость», - вертелось в голове Семёна.

В одном из своих интервью Гавриэль рассказывал, что первые свои кроссовки, которые были куплены со вторых рук, - он отдал другу, у которого вообще не было обуви. То же самое он сделал и со второй в его жизни парой кроссовок - уже не поношенных, а новых.

«Странно, но ведь с еврейской точки зрения не подобает себя публично хвалить! - удивлялся Семён, прочитав интервью. - Но теперь, кажется, я понимаю, в чём дело. Гавриэль в плане своих глубинных нравственных ориентиров продолжает быть русским человеком. Это то, что он впитал с детства. Как бойкот воспринимается им как наихудшее зло, так и "быть рубахой-парнем" для него - самая великая добродетель. Гавриэлю надо было продемонстрировать, что он, хоть и еврей, но обладает этим важным качеством исконно великорусского менталитета. Очевидно, в такой публичной декларации Гавриэль усматривает *Кидуш Ашем* – освящение Имени Всевышнего. Мол, мы, евреи, не хуже русских, мы тоже - "рубаха-парни". Только, видно, невдомек Гавриэлю, что качество это для русских - всего лишь декларативное...».

Семён увлеченно рассказал Нафтали про все эти перипетии и в конце воскликнул:

- *Мааксла пиздэр таутай!*

- Ты что ругаешься?

- Я не ругаюсь. Я сказал по-латышски: "Искусство принадлежит народу"!

- Нет, я думаю, что и в этой истории, и вообще по жизни больше подходит другое крылатое выражение: "Искусство требует жертв"!

Чудеса Торы

- Послушай, Нафтали, я тебе рассказывал про Диму, сатмарского прозелита? Он был геем, а после того, как приобщился к иудаизму и прошел гиюр, "завязал" - и раз и навсегда прекратил однополые контакты. Разве это не чудо, которое с ним сделала Тора? Ведь врачи сегодня утверждают, что гомосексуализм якобы не лечится. А тут вот смотри: Тора человека вроде вылечила. Хотя создать прочную семью он так и не смог, - сказал Семён.

- Ну, может быть. У меня в йешиве был другой случай. Привезли туда двух парней в рамках программы "Чернобыль". По ней было задумано спасти еврейских детей из зоны радиации и привозить в Израиль, в религиозные учебные заведения. Потом оказалось, что большинство приехавших по этой программе было неевреями: в основном, ребята с поддельными документами. А ответственные за этот проект знали об этом, но сознательно закрывали на проблему глаза. Очевидно, потому, что реализация проекта и его финансирование зависело от количества поставляемых детей, а на одних евреях потянуть программу было невозможно. Маловато было еврейских родителей, которые могли бы оторвать от семьи своё чадо и отправить его непонятно куда. Вот и пошёл раввин Киева, - а с ним остальные исполнители этого проекта, - на

делку с совестью. Но «вернёмся к нашим баранам». У обоих этих чернобыльских парней были явно выраженные славянские лица. Но не этим они отличались от большинства остальных "чернобыльцев". Эта сладкая парочка всё время держалась вместе: учили Тору в хевруте, в столовой сидели рядом, жили в одной комнате. Одно было странно: один из них, даже летом, всё время носил шарфик. Долго люди не обращали на это внимание, но в конце концов кто-то не выдержал и стал назойливо выспрашивать: «Почему в шарфе ходишь?» И тот раскололся: оказывается, эти два парня регулярно жили друг с другом половой жизнью, при этом "активный" при возбуждении кусал "пассивного" в шею. Когда руководство йешивы обо всём этом узнало, их сразу выгнали.

- Знаешь, - ответил Семен, - а ведь я тоже помню подобный случай. В московской йешиве проходил гиюр один поляк из Вильнюса. Очень хороший парень, отзывчивый, приятный. Я его однажды спросил: «А как ты пришел к иудаизму?» Тот ответил: «Я с детства лучше всего чувствовал себя с евреями. Старался дружить с еврейскими детьми, ходил в кружок еврейских танцев при Обществе еврейской культуры. Всё еврейское мне нравилось». Парень благополучно прошёл гиюр, женился на еврейке, но вскоре развёлся. Уехал в Париж, и там стал заниматься педерастией. Хотя интересно: во всём остальном он продолжает соблюдать заповеди иудаизма.

А вот в израильской йешиве, где я учился, был противоположный случай. Учились там два брата – баалей-тшува из бывшего Союза, чистокровные евреи. Старший - нервный такой, всё время норовил кого-то оскорбить. А младший постоянно стремился быть в центре внимания. Однажды в шабат, за трапезой в йешиве, он, уже не помню по какому поводу, стал надо мной прикалываться. Так я ему: «Закрой свой красный ротик». Тот побагровел и полез со мной драться. Потом мне объяснили: «Ты что, не знаешь, что его брат до тшувы был педиком? А младший очень этого стыдится!

Ты задел его за живое!» Я же, как иногда со мной бывает, словно в воду глядел. Младший теперь стал известным специалистом по внутрисемейным отношениям, а старший тоже создал семью, нарожал детей, и живёт счастливой супружеской жизнью. Воистину, чудеса Торы!

- Семён, а не кажется ли тебе, что эти чудеса Тора делает в основном с евреями, а с прозелитами получается как-то послабее? Ведь прозелит Дима, хотя и перестал заниматься педерастикой, тем не менее, создать прочную семью не смог всё-таки!

- Ты знаешь, что-то в этом есть. Да и чудеса, которые Тора делает с евреями, - они разные. Взять того же Гедалью, например. Ведь без Торы это был бы конченный человек. Без образования, без навыков в жизни, без моральных устоев, наконец. Озлобившийся на окружающий, страшный в своей несправедливости и жестокости гойский мир. Чтобы хоть минимально прокормиться и помочь несчастным родителям, он устроился продавцом в мясной магазин и обвешивал там покупателей. Ну, какую-то усладу получал в том, что иногда подцеплял бабу. Ведь, чтобы переспать с таким красивым парнем, гоюха не будет долго ломаться. В общем, жизнь - бессмыслица. А что Тора с ним сделала? Ушёл из магазина, перестал спать с бабами, зажёгся духовным огнём! Хотя легко ему это не далось, усилие воли там было не детское: он мне рассказывал, как однажды, в начале своей тшувы, увидев на улице красивую девушку, рысцой побежал от искушения подальше. И всё же, одной только волей его успех не объяснишь. Гедаля стал тщательно соблюдать заповеди, серьёзно изучать Тору, женился. Его дети нигде не шлятся, ведут, как и он, праведный образ жизни. Разве это не настоящее чудо? Да, он оступился, но, опять же, по своей доверчивости. Небеса его наказали за то, что он по душевной слабости не захотел даже попытаться объяснить своим детям необходимость разорвать помолвку, чтобы не снизить уровень семейного

генеалогического древа. Но это скорее его трагедия, чем вина.

А вот ещё такой пример чудес Торы: учился со мной в йешиве один еврей, больной шизофренией. У него периодически, раз в несколько месяцев, возникали приступы, но в промежутках между ними он был абсолютно нормален. У нас в йешиве учился один аврех, в прошлом врач-невропатолог, так он был просто поражён этим клиническим случаем. По его словам, шизофрения у парня была той формы, которая на врачебном жаргоне называется "шуба". С каждым новым приступом она накладывает отпечаток на личность больного, каждый новый приступ оставляет за собой новый виток в психической деградации человека. А тут - никакой вам деградации, закончился приступ - и человек возвращается к тому же состоянию, которое у него было прежде, без изменений личности. Нормальный, и всё тут! Учит Тору, соблюдает заповеди. А вот нашего рижского преподавателя прозелита Ицхака Тора почему-то не вылечила от хронического алкоголизма.

- Наверное, всё-таки Тора предназначена в первую очередь для того, чтобы совершенствовать евреев, а уж прозелитов – так тех постольку-поскольку, – сказал Нафтали.

Семён возразил:

- Даже не надо лезть в эти метафизические дебри. Тут налицо простое и явное объяснение: прозелиты вышли из неевреев, а святая книга "Тания" пишет, что духовный источник душ неевреев - высшие миры духовной нечистоты. Да и Талмуд говорит: «Большинство неевреев погрязло в разврате». То есть для неевреев разврат - как бы привычная среда обитания. И прозелиту нелегко от всей этой нечистоты оторваться.

- Да, звучит логично. Вот, например, социологи ломают себе голову: почему изнасилование женщин солдатами израильской армии на войне - явление исключительно редкое? Ведь, как пишут те же социологи, для всех других армий изнасилование на войне – явление

обыденное. По иронии судьбы, этот злой рок не обошёл и армию-освободительницу: на освобождённых от гитлеровцев территориях были зафиксированы многочисленные случаи изнасилования местных женщин солдатами Красной армии. Я думаю, это яркий пример, иллюстрирующий слова Талмуда.

Семён раскрыл мемуары Зиедониса Силиньша "Записки латышского легионера" и протянул книгу Нафтали. На 107-й и 108-й страницах этой книги описана вечеринка в стройбате советской армии, где автор служил после нескольких лет лагерей ГУЛАГа, куда он попал за то, что воевал на стороне нацистов.

«Наступила осень, и наш батальон перевели в Силламяэ. В Таллинне осталась только одна рота. Перед переездом майор Литвиненко приказал мне организовать прощальный вечер. Открыли ящики с водкой, коньяком и вином. У Швейницаса я взял колбасу, масло, хлеб – одним словом, всё, что было нужно для хорошего праздника. Повара тоже были на высоте, а Розитис подготовил новую программу. Позвали всех офицеров, из наших ребят – так называемых “придурков” и командиров части.

Вначале всё было очень чинно. Жены офицеров вели себя, как настоящие дамы, и казались совершенно недосыгаемыми. Но потом началось... Когда дело дошло до танцев, все уже были в хорошем подпитии, и настоящих танцев не получилось. Женщины были получили полностью пьяные. И наши парни были в цене. Сначала у меня попросил ключ от комнаты наш фельдшер, который ушел туда с женой нашего заведующего мастерской, которую звали, по-моему, Эста. Муж Эсты к этому времени был уже вдребезги пьян. Потом захотел пойти домой наш майор, который тоже был довольно пьян, но его жена никак не хотела уходить. "Ну, потанцуй, если хочешь, а я пойду спать", – объявил майор. Через некоторое время ушла и супруга майора, но потом вернулась, подозвала к себе Швейницаса. И они ушли вдвоём. Это мне показалось невозможным – Швейницаса никак нельзя было считать интеллигентным

или красивым, а жена майора была очень красивая женщина...

К этому времени вернулся ветеринар с Эстой. К ним подошла жена офицера Тамма и сказала, что не знает, что делать: Хейно настолько пьян, что до дома не дойдет, может быть, его можно уложить в лазарете? Общими силами мы потащили эстонца в кровать. К этому времени большая часть офицеров уже ушла, а их жёны, не скрываясь, целовались по углам с нашими ребятами. Ветеринар опять попросил у меня ключ, на этот раз совершенно открыто перед женой Тамма. "А как же Хейно?" "Ему было плохо, и я дал ему таблетку, он не проснётся до завтрашнего дня", – ответил ветеринар. Жена Тамма повернулась ко мне и сказала, чтобы я не думал о ней слишком плохо. Хейно коммунист, ей это трудно вытерпеть, а разводиться она тоже не может, ведь у них есть дети. Она была совершенно трезвая. Я тоже был трезвый, так как должен был отвечать за клуб. Наши ребята за это время переругались из-за женщин. Мне пришлось их разнимать. В углу спала совершенно пьяная и полуголая Эста. Немного подальше одна парочка без стеснения предавалась любви. Я взял бутылку коньяка, налил коньяк в стакан, выпил залпом и пошёл к Хелене».

Прочитав, Нафтали протянул Семену книгу обратно и заметил:

- То, что здесь описано, - не показатель. Всё это происходило, когда люди были вдрызг пьяные.

- Хорошо, тогда посмотри, что Силиньш пишет в другом месте – на странице сто девяносто пять.

«Жизнь в батальоне шла своим чередом. У нас был хороший оркестр, Розитис проделал хорошую работу. В субботу и воскресенье мы проводили вечера танцев. Вначале боялись, придут ли девушки. Их пришло много, в основном, – как эстонки, так и русские – с находящейся неподалеку целлюлозной фабрики. Они жили там же в общежитии, которое представляло собой длинный барак с 50 кроватями. Наши ребята ходили туда часто. Ну да, наши ребята больше интересовались русскими. С ними было легче. Было достаточно протанцевать один вечер с девушкой, потом проводить её, и дело было в шляпе.

Один раз я пошёл на танцы, но я был не особенно ловким танцором. Во время последнего танца всегда выбирали дамы. Это была такая вежливость, если какая-то из них всё же не хотела своего партнера, то не звала его на последний танец. [..]

Меня пригласила на последний танец одна миловидная невысокая русская девушка. Кое-как справился с танцем. А когда спросил, можно ли мне проводить её домой, девушка ответила, что из-за этого она меня и позвала танцевать – подруга уже ушла с каким-то парнем, и теперь она боится идти одна. Я спросил, где она живёт. В ответ услышал, что близко - в общежитии целлюлозной фабрики, то есть в этом знаменитом бараке. Когда мы вошли в барак, там было темно. Около входа был маленький светильник, который давал очень мало света. Девушка взяла меня за руку и довела до своей кровати. Глаза привыкли к темноте, и я увидел и услышал, что кроме меня тут были ещё посетители мужского пола. Где-то ритмично скрипела кровать, где-то были слышны взволнованные женские вздохи. Так что работа шла практически по всему фронту. К этому времени моя новая подруга уже разделась и приглашала меня в постель. У меня было какое-то очень странное чувство, я даже не знал её имени, и эти звуки вокруг... Девушка взяла меня за руку, у неё была очень мягкая кожа. Но и я был во многих отношениях "мягкий", и меня почему-то стало вдруг тошнить. Я выбежал за дверь. Это было в первый и последний раз, когда я был в этом общежитии».

- Н-да... тут люди, вроде, были трезвые... Но ведь евреи тоже бывают похотливы! Более того, полностью извращённые морально. Вот, посмотри, что написала в своих мемуарах "Прощай, Атлантида!" известный латвийский кинокритик, еврейка Валентина Фреймане (речь идёт о довоенной Латвии).

«Однажды, когда мне было пятнадцать лет, мы с мамой некоторое время провели в новой гостинице (санатории) в Кемери. Не помню, какие лечебные процедуры были ей назначены, но главной оказалась светская жизнь в шикарном ресторане и баре. И для меня нашлись там кавалеры – троица молодых шведов. Как-то

вечером я нечаянно застала мать в весьма недвусмысленной ситуации с одним из многолетних друзей дома. Позже у нас состоялся откровенный разговор двух взрослых женщин. Мать пояснила мне своё представление о верности и неделимой любви, которое никак не соответствовало общепринятому. Она говорила: настоящий муж - это на всю жизнь, почти как отец или брат, часть её самой. Независимо от того, что временно может случиться по причине разных импульсов и прихотей. Супруг - всегда на первом месте. Настоящая верность, по её мнению, это в первую очередь верность человеку, а не мужчине в узком эротическом смысле этого слова».

- Это же полное нравственное вырождение! - воскликнул Семён.

- Да, именно. И чем же это лучше мерзостей, описанных Силиньшем? Это хуже! - заметил Нафтали.

- Да, верно. Но еврей или еврейка, даже когда они так отвратительно развратничают, всё же подспудно ощущают чувство вины. Ведь недаром же мать Фреймане придумала себе целую оправдательную теорию. Персонажи же Силиньша даже не задумываются над своим скотским поведением, более того - они совокупляются прилюдно.

- Ты знаешь, как ни парадоксально, но мне кажется, что эти гадкие истории являются яркой иллюстрацией сказанного в Талмуде: «Евреи по природе своей стыдливы». Даже потеряв стыд, как мать Фреймане - они всё же, как правило, не способны заниматься развратом прилюдно. Это не значит, что неевреи не бывают стыдливы - вот, мы видим, например, что у Силиньша чувство стыда было развито сильно. Но, в пропорции, стыдливых больше именно среди евреев.

Еврей-полукровка Алексей

Алексей рос русским парнем. Про то, что его мама – еврейка, в школе не знал никто, да и сам Алексей над

этим особо не задумывался. Зато генеалогией со стороны отца-украинца он увлекался страстно. Казачество – это звучит гордо, увлекает, пьянит...

Мама не мешала ему в этом увлечении, хотя краем ухом и слышала когда-то, что казаки на Украине несколько сот лет назад садистски убивали евреев. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало... Резкий поворот в жизни Алексея произошел неожиданно.

- Еврейством я начал интересоваться летом 1981-го, - начал свой рассказ Алексей, когда Семён почтил его своим визитом в Израиле. - До этого моё воображение практически безраздельно было захвачено романтикой казачества. А тут переключился. Как это произошло?

Летом в городе Минске я впервые столкнулся с практическим проявлением еврейского "мелкобуржуазного национализма", круто замешанного на традициях "клерикализма и великоеврейского шовинизма". Короче. Мама, чтоб она была здорова, потеряла ремешок от босоножки. Какого-то экзотического цвета ещё. Полное ни туда, ни сюда. А это же восемьдесят первый, Минск, лето. Не пойдёшь в обувной и не купишь новые босоножки. И вот, скорее от безысходности, чем от избытка надежды, пошли мы в первый попавшийся "Дом быта". К сапожнику. Мелкий такой был сапожник. Старичок. На артиста Зиновия Гердта похожий. Выслушал маму безразлично. Так же безразлично объяснил, что поделывать ничего нельзя. Даже в прейскуранте подобной услуги нет. Очень жаль и так далее. Всё это, не поднимая глаза от босоножки. А потом поднял глаза. Посмотрел на маму, посмотрел на меня. И буркнул под нос, почти неслышно: «Еврей?» Быстрый мамин кивок. Сапожник неожиданно заявил: «Приходите через полчаса». Полчаса мы сидели в сквере и читали книжки. А потом вернулись в "Дом быта", за босоножками. Новый ремешок был неотличим от оригинального. Деньги сапожник взять отказался.

Естественно, эта история вызвала у меня массу вопросов. Состоялся долгий разговор с мамой. А потом

ещё сорок лет добросовестных, надеюсь, попыток разобраться в этом вопросе. И что я тебе хочу сказать: чем старше становлюсь, тем больше мне нравится очаровавшая меня с первого взгляда традиция еврейской солидарности.

Так Алексей зажёгся еврейством. Тем временем началась перестройка, самоорганизовались молодёжные еврейские тусовки, и возникло Общество еврейской культуры, которое в первый период своего существования щедро одаривало евреев зарубежными поездками. Активно тусовался там и Алексей, который, в конце концов, тоже попал в бесплатную поездку в Израиль. В одну из экскурсий туристов повезли к хабадникам, и это в очередной раз перевернуло душу Алексея - он сразу стал религиозным.

По приезде домой Алексей первым делом сменил одежду: надел чёрный костюм, шляпу, цицит кистями наружу - всё, как полагается. В таком виде он гордо ходил по Риге - в тот период он был там единственным евреем, носящим традиционную еврейскую одежду. Бабушка Семёна, впервые увидев Алексея, многозначительно хмыкнув, изрекла:

- А, это я видела: это *сранэр штэтл*⁴¹.

Но, к сожалению, он был всего лишь начинающим и не знал многих элементарных законов иудаизма. Так, например, он продолжал посещать дискотеки. Не обычные, а "еврейские" – те, которые устраивало светское Общество еврейской культуры.

Брат Семёна, тогда ещё не религиозный, пригласил Алексея на свой день рождения. В качестве подарка Алексей принёс бутылку водки, которую сам и выдул во время трапезы. Опьянев, он стал красным, как варёный рак, и начал наставлять присутствующих: «Вы тут курочку *неихитованную*⁴² кушаете!» Семёна – тогда ещё

⁴¹ "Обделанное" еврейское местечко (идиш).

⁴² Т.е. не резанную с соблюдением еврейских религиозных законов (от ивр. *ихита* – ритуальный убой скота).

нерелигиозного дерзкого юнца – это взбесило, и он подумал: «Ты же знал, что идёшь туда, где кушают некашерное, так зачем же ты пришёл? И вообще, какое ты имеешь право наставлять, сам напившись, как свинья?» И Семён обратился к Алексею спокойным голосом:

- Скажи, пожалуйста, какая национальность записана в твоём паспорте?

Реакция была моментальной и неопишуемой: Алексей стал рыдать как белуга, его невозможно было успокоить; потом, продолжая рыдать, он пошёл в туалет блевать.

И в летнем молодёжном еврейском лагере, который организовал брат Семёна, Алексей тоже вел себя непонятно: облаченный в своё ортодоксальное одеяние, он, в состоянии подпития, во время небольших (сугубо мужских) пирушек, которые устраивал обслуживающий персонал лагеря, не стеснялся на виду у окружающих предложить девушке посадить её себе на колени, - если такая случайно заглядывала в автофургон, где происходила трапеза. Присутствующие недоумевали: да, он, наверное, начинающий в религиозной жизни, но настолько ли не понимает, что делает?

Алексей уехал в Израиль, учился там в йешиве несколько лет, женился на чистокровной еврейке, и стал известным хабадским раввином, отвечающим через Интернет на вопросы о практическом исполнении еврейского Закона. Через много лет он, оставаясь религиозным, всё же во многом разочаровался. Он был ещё в расцвете лет, но стало серьёзно сдавать здоровье, отказывали сердце и почки; так что, в конце концов, жена не выдержала - и они развелись. Раввинство осталось достоянием прошлого, а основным местом пребывания стала постель.

- Покупал я сейчас хлеб, - продолжил свой рассказ Семёну Алексей. - Девочка-кассир готовилась к закрытию магазина, суетилась и тормозила. Благодаря этому пришлось стать невольным слушателем разговора двух молодых хабадников, пригревшихся у меня за спиной. Не

тузы и не короли. Рядовые работники культа. С трудом сводят концы с концами. Облизываются, как и все, на фонды, выделенные на работу с "русскими". «Но те - что твои ханукальные свечи: смотреть можно, а пользоваться нельзя. А то чеченцы навестят и ещё раз всё объяснят. Можно было бы сунуться туда, пока его преосвященство на зоне... Но, говорят, он там ещё злее стал. И откидывается скоро. Лучше не рисковать». А другой задумал было один издательский проект, но вовремя узнал, что тема крышуется братьями Х. Я помню их папу по *фарбренгенам*⁴³ в Нахле. Не мог на него без слёз смотреть, такой удивительный был человек... И развернул оглобли».

И т.д., и т.п. И ни интонации возмущения. Ни вздоха. Максимум – хмыкают. И ручками так делают. Какой я умница, что инкогнито живу в провинции у моря. И местный *шалиах*⁴⁴ не знает ни номера удостоверения личности, ни адреса. И в толпе меня не узнает, если солнечные очки нацепить.

- Алексей, - отреагировал Семён, - ну неужели всё так плохо? Вокруг - и в Хабаде, и не в Хабаде - один сплошной "порочный" *кирув*⁴⁵. Неужели нет никакой надежды?

- Смотри, Семён, - ответил Алексей. - Мои дети, чтоб они были здоровы, с малых лет воспитывались в хабадских учебных заведениях. А некоторые из них и до сих пор там учатся. За годы учёбы они и их одноклассники видели всё, что только можно себе представить: интриги, скандалы, расследования, смены руководства, отвратительные увольнения лучших педагогов по нелепым поводам, введение возмутительных ограничений, несправедливость, кумовство, расизм,

⁴³ *Фарбренген* (идиш) – трапеза, которую периодически устраивают в Хабаде с целью духовного совершенствования.

⁴⁴ Представитель религиозной организации Хабада, занимающийся общественной работой.

⁴⁵ Порочным *кирувом* автор называет такой *кирув*, который совершается без соблюдения законов иудаизма и в корыстных целях.

подтасовки, двурушничество и чёрт знает что ещё. Их несправедливо наказывали. И справедливо тоже. Не брали туда, куда они хотели попасть, под оскорбительными предложениями. Чего только не было! И ничего. Я смотрю на них. На их друзей и подруг. Слава Богу, это весёлые, жизнерадостные, набожные молодые люди, знающие жизнь, знающие себя и знающие, кем они хотят быть.

В классе каждого из них был один... Или два. Или даже три переставших - пока - соблюдать заповеди. Совсем или по большей части. Если их поминают, то медленно и печально. Лучше так, чем с горящими от азарта глазами. За прошедшие годы у меня была масса претензий к учебным заведениям, в которых учились мои дети, и к конкретным педагогам и администраторам. Но, в общем и целом, я очень, очень благодарен за то, что система дала моим детям. Хотя у меня есть мечта: самому открыть религиозную школу, в которой не будет многих из тех недостатков, которые я перечислил!

- Значит, не всё потеряно? - спросил Семён.

- Ну, может быть, - ответил Алексей.

«Великий мечтатель! - подумал Семён, покинув своего собеседника. - Большая, святая душа в чужом, нееврейском теле... Ах да, совсем забыл: чудеса Торы... Ну да, и здесь, наверное, тоже... в какой-то степени». Но, в отличие от Гедадьи, который первым делом взял себя в руки и завязал со всеми своими дурными привычками, и лишь спустя несколько лет после этого надел одежду ультраортодокса, - Алексей пошёл противоположным путём: сперва одежда, и только через несколько лет - жёсткая самодисциплина. Вначале его привлекали прежде всего внешние формы, а сутью он проникался медленно. Да, ему очень мешало его нееврейское тело. И в этом не его вина.

«Счастлив Алексей или несчастен? - думал Семен. - Его судьбу можно считать трагичной или удачной? Конечно, если смотреть глазами Торы, его судьба - великое чудо. Ибо естественным стечением обстоятельств

он, как и тысячи ему подобных полукровок, евреев по матери, вырос бы неевреем, и всё тут. Можно сказать, Всевышний схватил его за воротник, и почти насильно вытащил из гойского болота, и привёл его к Торе. Душой Алексей сразу воспринял её свет, и хотя его тело нещадно этому сопротивлялось, в конце концов, стал в полной мере религиозным евреем и заслужил удел в Будущем Мире. Конечно, он заплатил за это нелёгкой ценой. Но чувствует ли он себя счастливым в этом, бренном мире?»

Ну, наверное, и не столь это важно. И всё же... Алексей потерял почти всё: здоровье, семью, любимое дело, общество, в котором его уважали. Да, он женился во второй раз и не потерял контакта с детьми от первого брака, но это всё равно, что осколки от хрустальной вазы, которыми временами любишься, но которые не могут заглушить боль великой утраты... На людях Алексей по-прежнему хорохорится, острит, но те, кто знал его раньше, чувствуют в нём глубоко спрятанный надлом.

Семён вспомнил описанные в книгах Оливера Сакса случаи страшной нейромышечной патологии, которую больные поначалу даже не осознавали. С большим трудом и изобретательностью доводил врач до их сознания понимание их состояния. И с этого начинался тяжелейший, но удивительнейший путь коррекции, в результате которой к больным возвращались, хотя бы частично, утраченные функции. Очевидно, Алексей интуитивно чувствует, что что-то не так, что он ещё недостаточно изменил себя, и что, может, все эти напасти – язык Всевышнего, который говорит ему: «Алексей! Ты ещё не всё исправил! Держись и не падай духом!» И раз так, значит, есть шанс, что Алексей и в этом мире, подобно библейскому Иову, вновь обретёт счастье и покой!

Прозелитка Скайдрите

Скайдрите родилась в тихом провинциальном латвийском городке, недалеко от границы с Эстонией.

Быт был небогатым: водопровода дома не было, воду носили вёдрами из колодца во дворе, там же был и туалет – деревенский, тоже без воды. В плане быта жизнь простых тружеников с обретением Латвией независимости, к сожалению, никак не изменилась к лучшему. Но, тем не менее, у Скайдрите и её брата Гундарса было, можно сказать, счастливое детство. Любящая и заботливая мать не давала детей в обиду.

Перелом наступил, когда Скайдрите было 8 лет – родители развелись. Сэлга, мать двоих детей, сжала в кулак всю свою волю и сделала всё, чтобы дети не почувствовали себя обделёнными или ущербными. Хотя дома редко бывало достаточно еды – иногда ели вообще лишь картошку с хлебом - Сэлга в поте лица работала, чтобы одеть детей по моде и оплачивать кружки: в школе не должны почувствовать, что их семья с трудом сводит концы с концами. В тяжёлых буднях Сэлге очень помогала вера в Бога. Она никогда не кричала на своих детей; и даже тогда, когда в доме из припасов оставалась только старая картошка, мать, будто лучась внутренним светом, уверенно внушала детям: «Будет хорошо, обязательно Бог поможет!» Ей было несвойственно, - в отличие от многих других латышей, - постоянно жаловаться и сетовать на тяжкую судьбу, и винить во всех своих бедах окружающий мир.

Однажды, в канун дня рождения Сэлги, Скайдрите и Гундарс были очень опечалены: у них не было ни сантима денег, чтобы купить подарок матери! Скайдрите в отчаянии, со слезами помолилась Богу, чтобы Он послал ей деньги на подарок. И - о, чудо! - когда она вышла на улицу, на тротуаре лежала пятилатовая купюра! Скайдрите отдала половину брату, и они оба смогли купить свои подарки маме.

Когда дети немного подросли, Сэлга, эта удивительная женщина, стала водить их в баптистскую церковь. Лютеранство - традиционная религия латышей - сильно сдаёт свои позиции и мало что может сегодня предложить людям для обретения смысла жизни. Среди

латышей, ищущих духовности, всё больше набирали популярность "перекрещенские" протестантские секты – баптисты, адвентисты и прочие.

Когда Скайдрите было 17 лет, священник в баптистской церкви во время проповеди сказал: «Мы - ветви, а наши корни - евреи, иудаизм. Евреев надо любить и уважать». «Евреи?! - с недоумением подумала Скайдрите. - Остались ли ещё евреи на белом свете? Ведь я же думала, что евреи - это лишь библейские персонажи, которые уже давным-давно канули в Лету истории!» Невдомёк было Скайдрите, что до Второй мировой войны в её городке тоже жили евреи, только вот местные жители под руководством немцев их всех уничтожили.

У латышей не принято разговаривать на эту тему - это как бы табу такое. Свидетельство о подлости, о душевной слабости своего народа. К евреям до войны латыши, за исключением членов антисемитской организации "Перконкрусте" и им сочувствующим, относились, по большей части, неплохо. Как же могло случиться, что свои же парни, нанявшись в местную, подчинявшуюся немцам, латышскую вспомогательную полицию, превратились в хладнокровных убийц своих соседей? А большинство не участвовавших в этом злодеянии латышей превратились в равнодушных, пассивных свидетелей? Латыши старшего поколения хотели бы забыть об этом позоре, и чтобы вместе с ними об этом забыли и их потомки, и весь окружающий мир. Как страшный сон.

До войны слово "еврей" в латышском языке употреблялось редко; в основном, в ходу было литературное слово "жидс", которое, так же, как в польском и литовском, не имело тогда в латышском даже минимально оскорбительного оттенка. В латышской классической литературе встречается образ этого "жида", который в большинстве произведений описывается или с трудно скрываемой симпатией или с теплым, незлобивым юмором. Только у одного писателя, пронемецки настроенного антисемита Андриевса Ниедры жид - это

исчадь ада, чудовище и кровопийца. До революции еврей был постоянным и желанным компонентом латышского деревенского ландшафта - ибо только евреи занимались в Латвии коробейной торговлей в разнос, и приносили, как правило, проходя пешком десятки километров, сельчанам необходимые им галантерейные товары. Ночевали эти евреи у гостеприимных латышей, их непосредственных клиентов. С приходом советской власти слово "жидс" заменило слово "эбрейс". Когда на уроках литературы проходили произведения, в которых как персонажи фигурировали жида-коробейники, Скайдрите думала, что речь идёт о латышах-разносчиках, а "жиды" - это такое вот название их профессии.

Слова пастора произвели на Скайдрите глубокое впечатление. «Я не хочу быть веткой, я хочу принадлежать к корням! - думала Скайдрите, и это было криком её души. - Всевышний, помоги мне встретить еврея, который мне всё объяснит; который скажет, что мне делать, как мне жить!» - взмолилась она.

Проповедь Скайдрите услышала в воскресенье, а в понедельник она должна была возвращаться в Ригу. Эта красивая, скромная, добрая и воспитанная девушка обнаружила также и большие способности к рисованию, и потому её мама настояла, чтобы Скайдрите поступила в Риге в Художественное училище. Наступил понедельник. Рано утром Скайдрите взяла свой рюкзак и пакеты с провизией, которой её снабдила Сэлга на неделю, и поспешила на автовокзал. Приехав в Ригу, она зашла в киоск, чтобы купить билет на городской транспорт.

- У меня нет сдачи с твоей двадцатилатовой купюры! Я не могу продать тебе билет! - заявила пожилая продавщица.

«Так что, я теперь не смогу доехать до училища?» - мысленно недоумевала Скайдрите, но вслух ничего не сказала; ведь перечить в Латвии считается дурным тоном, а культура поведения для латышей – высшая добродетель.

Скайдрите вышла из киоска, и её ухо уловило какой-то непривычный галдёж. «Что тут за бескультурье

такое?» - подумала она и стала осматриваться. Увидев вдалеке весёлое сборище молодёжи - источник шума - она из любопытства направилась в ту сторону. Приблизившись, она обратила внимание на огромный плакат с изображением бородатого старика в шляпе, и какой-то шалаш. «И это всё - в центре города! Никогда ничего подобного не видела!» - с удивлением подумала Скайдрите.

На большом дворе собралось много нелатышской молодежи, а какой-то бородатый мужик, напоминающий священника, сновал туда-сюда и объяснял что-то на непонятном языке. По периметру были расставлены стулья. Скайдрите сложила на них свою поклажу, а сама тоже села - и заплакала. Тут к ней подбежала девочка лет двенадцати и спросила по-русски:

- Что ты плачешь? Ведь сейчас праздник! Надо веселиться! Ты уже сегодня выполнила заповедь *арба-миним*?

- А, что?.. Нет... - от неожиданности Скайдрите как будто впала в состояние транса. Русским она владела слабо, но ей показалось, что и девочка тоже говорит по-русски с акцентом. Не церемонясь, девочка схватила Скайдрите за руку и повела её в шалаш. Скайдрите следовала за ней, как загипнотизированная. Когда они зашли в шалаш, девочка протянула ей какие-то растения и фрукт, похожий на лимон, и сказала:

- Повторяй за мной: *Барух Ата... ашер кидшану бэмицвотав вэцивану ал нэтилат лулав!* Теперь трясись вперёд, направо, налево, назад, вверх, вниз. Ну всё, теперь можешь мне отдать арба-миним. Приходи завтра, а после праздников заходи к нам в синагогу! Пстой, не уходи ещё, возьми вот это, - девочка протянула Скайдрите брошюрку.

- Спасибо. А кто на этом плакате? - набравшись смелости, спросила Скайдрите.

- Это Любавический ребе, глава нашего поколения, глава всех евреев!

«Евреев!» - это слово будто пронзило мозг Скайдрите. «Очевидно, слово "евреи" переводится на латышский как "эбрейи" - народ, о котором говорил на вчерашней проповеди пастор. Всевышний услышал мою молитву!» - от этих мыслей и от возбуждения Скайдрите чуть не потеряла сознание. Она собрала свою поклажу и на ватных ногах поплелась в сторону, противоположную вокзалу.

«Поищу-ка я какой-нибудь другой киоск, может, там мне всё-таки продадут билет. А если нет - куплю что-нибудь съестное, а билет куплю на сдачу. Как хорошо, что эта идея не пришла ко мне сразу! И ещё: как хорошо, что евреи так громко галдят! Ведь если бы они вели себя культурно - как латыши - я бы их не заметила!» - рассуждала Скайдрите.

Приехав в общежитие, первым делом она схватила брошюру, которую ей дала девочка, и стала жадно вчитываться в текст, судорожно открывая её на разных страницах. Но её познаний в русском языке оказалось явно недостаточно, чтобы толком понять, что там написано.

- Лигита! Ты хорошо знаешь русский? - спросила Скайдрите свою соседку по комнате.

- Да, прекрасно. У нас в Риге без русского до недавнего времени было не прожить. Слава Богу, эти времена уже позади. А ты что, в своей деревне не выучила русский?

- Во-первых, я не из деревни, а из районного центра. А русских у нас жило мало, и волей-неволей они у нас, даже в советское время, хотя бы мало-мальски говорили по-латышски. Ты бы мне не могла помочь перевести, что тут написано?

Скайдрите протянула Лигите брошюру. Лигита стала листать, и на её лице всё больше проступало выражение омерзения.

- Откуда у тебя эта гадость? Это же пособие по иудейской вере! Кто тебе дал это дерьмо?

- А о какой жидовской вере ты говоришь? Ведь жидаы - это латыши-коробейники из произведений латышских классиков! Разве у них была какая-то особая религия? - с недоумением спросила Скайдрите.

- Ты дура, ослиха деревенская! Жидаы - это евреи! Ух, как я их ненавижу!

- Ведь евреи - персонажи Библии, почему ты их ненавидишь?

- Евреи распяли Христа, и вообще они мерзкие обманщики, насильники и убийцы! Ленин и Сталин тоже были жидами. Посмотри, какие они противные, даже вести себя в общественных местах не умеют!

Лигита швырнула брошюру на пол. Скайдрите заплакала.

- Если тебе хочется швыряться, бросай свои, а не чужие вещи. Это ты не умеешь себя вести, а не евреи. Я не знала, что в Риге можно встретить таких нахалок. Постыдись!

Назавтра Скайдрите пошла в книжный магазин и купила русско-латышский словарь. Она очень хотела ещё раз пойти в еврейский шалаш, но стеснялась идти к этим открытым, шумным, гостеприимным, но таким чужим и непонятым людям. «Пастор говорил, что Библия написана на древнееврейском языке. В первую очередь я должна выучить этот язык, чтобы прочитать Библию в оригинале. Латышский перевод Библии какой-то тяжеловесный; трудно понять вообще, что там говорится. Да и кто сказал, что он точный?» На душе у Скайдрите полегчало: ведь она придумала цель, с которой пойдёт в шалаш, а когда есть цель, легче справиться со стеснением.

- Шалом! - едва Скайдрите переступила порог "еврейского двора", как вчерашняя девочка её заметила и побежала навстречу, приветствуя. - Пришла потрясти арба-миним?

- Да, но я хочу ещё что-то спросить, - ответила Скайдрите.

- Что? - девочка вытаращила глаза.

- Где можно выучить еврейский язык?

- Иврит? Это в Сохнуте, на улице Элизабетес. У нас, в Хабаде, сейчас нет уроков иврита, только уроки Торы. Приходи к нам на уроки Торы. А, извини, я забыла представиться. Меня зовут Ривка. А как тебя?

- Скайдрите.

- А, у тебя, наверное, папа латыш? А мама еврейка, верно? - в глазах Ривки появилась слабая тень недоверия.

- Нет, у меня и папа, и мама - латыши.

В глазах Ривки появилось выражение страха, и она будто онемела. Так они молча простояли несколько мгновений. Скайдрите поняла, что она чем-то очень смутила Ривку - это доброе существо, этого маленького ангела.

- Евреи - народ Бога, и я тоже хочу быть дочерью Бога, - выпалила Скайдрите. Ей было трудно подбирать слова на своём убогом русском языке, но какая-то неведомая сила помогла ей уверенно произнести эту фразу.

- Ты должна поговорить с моим папой, он раввин. Сейчас его нет, приходи завтра. Всего доброго!

- Спасибо тебе! Только скажи мне номер дома на Элизабетес, где этот ... как ты сказала... Сохнут!

- Я не помню. Это недалеко от Бривибас, внизу есть вывеска.

- Спасибо, до свидания!

Скайдрите, не дожидаясь арба-миним, уверенной походкой направилась к выходу. Через минут двадцать она уже была на пересечении улиц Элизабетес и Бривибас, и начала ходить туда-сюда по обеим сторонам улицы в поисках вывески. Ещё через минут пятнадцать долгожданная вывеска, наконец, обнаружилась, и Скайдрите зашла внутрь.

- Здравствуйте, здесь можно записаться на курсы еврейского языка? - по-латышски спросила Скайдрите дежурную, сидящую у входа.

- Пройдите по коридору налево и постучите в шестую комнату, - ответила дежурная.

«Мои любимые латыши...»

- Семён! Посмотри, какое безобразие творится в нашей родной Латвии! - Григорий, приятель и земляк Семёна, протянул ему свой смартфон.

Встречались они редко, в основном на *бар-мицвах* и свадьбах общих знакомых, но когда виделись, были взаимно очень рады и всегда использовали встречу, чтобы поговорить по-латышски. Выглядело это как-то неестественно, вычурно и театрально: они говорили чересчур громко, чеканя слова и как бы упиваясь своим произношением - манера разговора, не свойственная латышам. Хотя говорили Семён и Григорий без акцента. Вдоволь насладившись, через минут пятнадцать они обычно переходили на русский, смешанный с ивритом, и тогда их манера речи становилась нормальной.

Семён взял в руки Гришин смартфон, стал читать, и лицо его выразило изумление.

- Не может быть! - перешёл он на русский. - В Латвии поставили мюзикл, прославляющий Герберта Цукурса, нацистского преступника, которого после войны укокошил «Моссад». В моей любимой Латвии!.. Мои любимые латыши!.. Абсурд какой-то!

Семён впал в крайнее возбуждение. В книге Давида Зильбермана "И ты это видел" он совсем недавно прочитал помещённые в ней воспоминания Эллы Медалье, одной из двух женщин, спасшихся от смерти, когда евреев из рижского гетто привезли на уничтожение в Румбульский лес. О Цукурсе Медалье написала так:

«Вместо убитых девушек вскоре в подвал привели других. По жестокой иронии судьбы, мы должны были готовить еду для убийц наших родных и близких – Арайса, Цукурса, Какиса и других главарей "Перконкруста". Я не запомнила все их имена, но навсегда запечатлела в памяти их мерзкие, самодовольные, гадкие лица.

Цукурс в те редкие часы, когда он бывал относительно трезв, старался казаться таким европейским интеллигентом. До войны – знаменитый латышский летчик, участник нашумевшего рекордного перелета из Риги в Гамбию – он был любимцем толпы, его портрет не сходил со страниц латышских газет. Его почему-то особенно интересовала Франция, и он всегда спрашивал, говорит ли кто-то из вновь прибывших по-французски. Узнав однажды, что среди нас есть молодая учительница, жившая когда-то во Франции, он частенько приходил к ней поговорить по-французски, шлифовал своё произношение. Это, впрочем, не помешало ему позже отправить свою собеседницу на смерть – в яму с остальными. [..]

Однажды я увидела из окна Цукурса, прибывшего на машине в гетто. Он был пьян и еле держался на ногах. Выхватив пистолет, он понёсся по улочкам гетто, заливаясь пьяным хохотом и стреляя по перепуганным, затравленным людям, будто охотился на диких зверей. Безумный мир!»

Семён судорожно стал искать интернет-комментарии к статье о мюзикле, и наткнулся на вежливое, но обоснованное и твёрдое письмо-протест известного латвийского историка, еврея Маргера Вестермана. На душе у Семёна немного отлегло. «Ну, - подумал он, - сейчас я найду комментарии латышей в поддержку Вестермана». Нажал на отсылку "комментарии" и стал жадно читать. Постепенно его лицо потемнело.

- Гриша! Посмотри, что они пишут! - и Семён вслух начал читать по-латышски:

«Был или не был Цукурс военным преступником – об этом нельзя публично дискутировать, ибо нет *ни одного* доказательства, которому можно верить, но есть факт, что его *убили*. Исследовать это можно и спорить. Ясно, что Цукурс был герой, выдающийся летчик, которого надо перезахоронить на Братском кладбище⁴⁶,

⁴⁶ Братское кладбище - кладбище в Риге, на котором похоронены выдающиеся представители латышского народа.

кому надо воздвигать памятники, о котором надо ставить пьесы и сочинять мюзиклы, ибо противоположных фактов *нет*, а эти *есть!*»

«Всё, что было хорошее у латышей, цель жидов – уничтожить! Такой умной и интеллигентной нации, как латыши, другой такой нет! Настало последнее время! Расследовать и найти в мешках ЧК, кто дал приказ 400 зверствам в Литене⁴⁷ в 1940!!!»

«Жидов надо свезти в Бикерниекский лес⁴⁸!!! Чтобы знали своё место!!!»

«Ты уже представил себе Цукурса, как русские – *ленина*: всюду присутствовал, всем помогал, всех любил, а в конце оказалось, что *ленин* – убийца! У тебя настоящее мышление жидов-чекистов: чужие (жидовские и русские) преступления приписать латышам! Благодаря таким "профессорам" как *кангарс*⁴⁹, многие не знают, что, когда в Латвию вошли жидовские и русские убийцы, пострадали многие семьи, которых русские и жида расстреляли или выслали, чтобы добраться до вещей замученных! И Арайс, и Цукурс отомстили за жестокости жидов и русских, жаль только, что так мало этих убийц застрелили! Ты, навозный русак, вспомни Катынь и теперь события у Смоленска!»

«Уваж. соплеменники, как вы думаете, разве фактов, упомянутых г-ном Кангерисом, достаточно, чтобы человека без суда садистски убить и еще этим гордиться, написав книгу? Что в таком случае делать со всеми остальными, которые сотрудничали с обоими оккупационными режимами? Охотиться и убивать?»

⁴⁷ Место массового расстрела офицеров латвийской армии представителями советских оккупационных властей в 1940-м году. В тот период руководителем НКВД Латвийской ССР был Шустерман, еврей по национальности.

⁴⁸ Бикерниекский лес – лес в Риге, одно из мест массового уничтожения евреев во время Второй мировой войны.

⁴⁹ Здесь комментатор издевательски изменил фамилию своего интернет-оппонента с "Кангерис" на "Кангарс". Кангарс – персонаж латышской мифологии: злой дух, сеющий раздоры. Это слово в латышском языке стало символом предательства.

- А что ты хочешь? - возразил Григорий. - Цукурс – это их герой, всемирно известный летчик-конструктор. А евреи хотят их лишить своего единственного героя.

- Почему единственного? Вот, например, у них есть Жанис Липке, который выделяется даже на фоне Валленберга, самого прославленного спасителя евреев в Холокост. Валленберг был дипломатом, а Липке – простым рабочим. Причём идея о миссии по спасению евреев принадлежала не самому Валленбергу, а комитету американских евреев по спасению своих собратьев. Они же снабжали Валленберга деньгами, необходимыми для этой работы. Липке же с женой и детьми - материально бедно обеспеченные люди - во время войны по исключительно собственной инициативе создали фантастическое, немыслимое в условиях нацистской оккупации Латвии предприятие по спасению евреев. В течение всей войны они всецело посвятили себя этому делу, невзирая на ежедневно поджидавшую их смертельную опасность. Система Липке была такая: он заходил в гетто и делал предложение еврею о побеге. Не все соглашались: некоторые думали, что он провокатор. Липке договаривался с евреем о том, что когда тот назавтра покинет пределы гетто в составе рабочей команды узников, он незаметно исчезнет с места работы, а Липке заранее оставит для него поблизости одежду, в которую еврей сможет переодеться и будет ждать в условленном месте, откуда сам Липке заберет его к себе домой. Липке старался брать таких, у которых не было ярко выраженной еврейской внешности - чтобы прохожие ничего не заподозрили. У Липке во дворе был вырыт бункер, в который он даже провел электричество. Там он держал евреев до тех пор, пока не переправлял их в сельскую местность к знакомым латышам. Тогда бункер наполнялся новыми спасенными евреями. Жена Липке Иоганна каждый день, ни свет ни заря, вместе с сыном на катере переплывали на другой берег Даугавы и забирали бидоны со съестными отходами – ведь всю эту компанию в бункере надо было чем-то кормить...

- Да брось ты! Посмотри, что в том же Интернете латыши пишут о Липке, - возразил Григорий и показал Семёну:

«Липке был портовый контрабандист и никаких жидов не спасал. Это была советская жидовская пропаганда и ничего более. Такое количество людей никогда не было возможно незамеченно "спасти". Всем ведь надо было кушать и какать. Это не то же самое, что один мешок с камнями спрятать. Всё это жидовское действие, которое направлено против латышей, оно лживо и преступно, его поддерживают местные коммунисты, которые являются представителями сионистского авангарда».

- Разве для рядового латыша Липке - герой? - спросил Григорий. - Разве тот, кто спасал тараканов, - герой? Просто сумасшедший. Давай оставим эту тему. Послушай лучше другое, экзотика какая: я две недели назад прилетел из Риги, так в аэропорту в Лоде вдруг услышал латышскую речь! Смотрю, а это религиозные евреи – правда, арийской внешности. Чуть не обалдел. В обход латвийских правил вежливости я к ним подошёл. Они тоже удивились, что к ним в Израиле кто-то обращается по-латышски. Оказалось, что это прозелиты, она была Скайдрите, а стала Рахелью, а он был Кристапсом, а теперь – Бенцион. Их фамилия Лауберт.

- Вау! Потрясающе! - воскликнул Семён. - Прозелитов из русских вокруг - как собак нерезаных, а из латышей я не знаю почти ни одного. Поищу-ка я их в Фейсбуке.

Семён начал копаться в Гришином смартфоне и через несколько минут, довольный, заявил:

- Вот, нашёл его. Сейчас напишу ему письмо,

Семён с увлечением нажимал на виртуальную клавиатуру:

«Здравствуйте, уважаемый р. Бенцион! О Вас я узнал случайно. Я, как и Вы, латышскоязычный религиозный еврей, и мне в Израиле не хватает общения на латышском языке. Был бы рад, если между нами завяжется дружба. Посылаю Вам ссылки на статьи о

Герберте Цукурсе и на комментарии к ним. Буду Вам очень благодарен, если бы Вы смогли мне написать о том, что Вы думаете по поводу этих статей и комментариев».

Через несколько дней пришел вежливый, но холодный ответ:

«Здравствуйте, спасибо за письмо. Да, мы можем переписываться. По поводу статей и комментариев, я очень занят, и у меня совершенно нет времени их читать. Извините».

Лекция Скайдрите

Прошёл год. В один прекрасный день Семёну из Риги позвонил раввин Бергман.

- Послушай, Семён, я хочу организовать через Интернет лекции для латышей по семи заповедям, которые дал Всевышний всему человечеству. Ты единственный человек, кто может давать эти лекции: ты и в материале, и языком хорошо владеешь. У моего латышского не тот уровень.

- Послушайте, рав Бергман, оставьте меня, пожалуйста, со своими проектами. Есть ещё Лауберты, пусть они и дадут эти лекции.

- О, это идея! Как я сам не подумал? Лаубертов я знаю лично.

- А я только заочно. Всего доброго, рав Бергман. Когда будете в Израиле, позвоните, встретимся.

Ещё через неделю Семён получил электронное письмо:

«Здравствуйте. Вам пишет Рахель Лауберт. Пишу Вам по рекомендации раввина Бергмана. Через неделю я буду давать первую лекцию о семи заповедях на латышском языке. Я хотела бы попросить Вас поучаствовать в этой лекции, а потом высказать мне свои замечания».

«С удовольствием. Передавайте привет Бенциону», - ответил Семён.

Через несколько часов Семён получил новое письмо:

«Здравствуйте, пишет Бенцион Лауберт, муж Рахели. Напомните мне, пожалуйста, откуда мы знакомы?»

Семён ответил: «Я Вам писал год назад на Фейсбук по поводу Цукурса. Если у Вас нет времени, так может у Вашей супруги найдется свободная минутка, чтобы ознакомиться с этими материалами и прокомментировать их?»

Через несколько дней пришел ответ от Рахели:

«Вы знаете, я в детстве вообще не знала, кто такие евреи. Когда повзрослела, я услышала о Холокосте и о том, что латыши были очень жестоки по отношению к евреям. Извините за краткий ответ, и я надеюсь, что Вы сможете уделить время и прослушать мою лекцию через два дня».

- Когда я родилась, родители назвали меня Скайдрите, а сейчас меня зовут Рахель, - так начала она свою лекцию. И описала всю свою предыдущую жизнь: тяжелые материальные условия в детстве, любящая мать, баптистские проповеди, горячее желание стать частью "корней", чудесную встречу с евреями в праздник Суккот, чтение брошюры о еврейском образе жизни с помощью русско-латышского словаря, уроки иврита в Сохнута...

- На курсах иврита ко мне относились очень хорошо, хотя все знали, что я не еврейка. А впервые слово "гиюр" я услышала там же, когда руководительница курсов вычеркнула меня из списка учеников, направляющихся от Сохнута в бесплатную поездку в Польшу, в Освенцим. Я тогда очень обиделась, а руководительница мне сказала: «Пройдешь гиюр, и тогда будешь вместе с нами ездить в зарубежные экскурсии». «А что такое гиюр?» - спросила я. «Это акт перехода в еврейскую веру. Пройдешь гиюр - станешь такой же еврейкой, как мы!».

- Вы не можете себе представить, - продолжила свой рассказ Скайдрите, - сколько мытарств я прошла, пока

через три года в израильском кибуце на севере страны не прошла гиюр. До этого мне всюду отказывали. А приехала я в Израиль, по совету бывшего рижанина Давида Флюхта, в качестве волонтера на неоплачиваемую работу. Но это всё уже позади. Сейчас я счастлива. Я выполняю еврейские заповеди, я изучаю Тору, у нас прекрасная семья. Кстати, с моим будущим мужем Кристасом (теперь его зовут Бенцион) я познакомилась на уроках иврита в Риге. У него похожая история на мою - он тоже ходил в баптистскую церковь. Но с гиюром ему повезло больше: он прошёл его в йешиве в Иерусалиме. Заповеди Торы дают мне ощущение внутренней свободы, связи со Всевышним, смысла жизни. Я счастлива.

Подключилась одна слушательница:

- Я хочу задать один вопрос. А вы в Израиле не считаетесь ли евреями второго сорта?

- Я принадлежу к сионистскому направлению ортодоксального иудаизма, и у нас в этом смысле всё окей, - так начала свой ответ Скайдрите-Рахель. - Как там у остальных - это другой вопрос. Есть такие, которые чуждаются жениться на прозелитах. Но у нас, сионистов, всё чудесно. Раввин Исраэль Розен нам просто фантастически помогал после свадьбы, даже мебель привёз. И не только нам, а вообще ещё многим прозелитам. Да, я отвыкла в Израиле от хороших манер, к которым привыкла в Латвии - тут совсем другая культура, - но я привыкла к ней, и мне очень хорошо.

Семён прослушал лекцию и написал Скайдрите-Рахели:

«Ваша лекция была очень впечатляющей и успешной. Ваш рассказ – живое свидетельство о Божественном провидении. Позвольте мне, однако, задать несколько вопросов: Мне показалось, что Вы, как, впрочем, и я, немного сожалеете о потерянной Вами в Латвии атмосфере, в которой была высокая культура поведения. Но Вы терпите еврейский "балаган" из любви к Всевышнему, верно? И ещё: почему на вопрос о том, не являетесь ли Вы в Израиле еврейкой второго сорта, Вы не

ответили, что пришли в иудаизм не для того, чтобы найти там уважающее Вас общество, а из любви к Всевышнему – и поэтому Вас совершенно не интересует, первого сорта Вы или десятого? И последний вопрос: в одном из своих романов известная латышская писательница Анна Бригадере повествует о бедной еврейской сиротке и инвалидке, которая решила принять христианство, ибо среди латышей она надеялась получить покой, душевное и материальное пристанище для своей исстрадавшейся души. И она осуществила свой замысел. Вывод же писательницы неумолим в своей жестокой правдивости: не стоило сиротке менять религию и народ, к которому она принадлежала! – ибо дальше кухни её всё равно не стали пускать. Мне кажется, Бригадере очень ярко выразила подход, характерный для латышского менталитета вообще: не меняй своей идентичности, не ищи счастья на чужом берегу, *оставайся со своими, не иди к чужим, беги к своим!* – даже если у "своих" самих – масса недостатков... Я думаю, что Вашей ошибкой в лекции было то, что Вы слишком заострили внимание на гиуре и слишком подробно о нём рассказывали. Латышам это могло не понравиться – ведь логично предположить, что в их глазах гиюр – это квинтэссенция, высшее проявление Вашего "предательства" по отношению к латышскому народу. Интересно, а Ваша мама восприняла Ваш гиюр позитивно?»

Гневный ответ от Скайдрите-Рахели пришёл в тот же день:

«Я не понимаю, какая цель у Вашей критики. Тора не скрывает грехи евреев: о золотом тельце, о наложнице в Гиве и о том, что никто, кроме Боаза, не хотел жениться на Рут-моавитянке. А насчет латышской культуры, так в гробу я её видела: это культура удушает, ты не можешь пошевеливать пальцем, предварительно не подумав, что об этом подумают окружающие, ты не имеешь права иметь свои чувства... А еврейская культура раскрепощает, даёт свободу! Я счастлива! И слушатели лекции тоже мне сказали, что хорошо видно, что я

счастлива! А что касается моей мамы, так Вы бестактно задали болезненный для моей души вопрос. Я не знаю, господин Фрайман, что Вы от меня хотите со своей критикой!»

Трагедия прозелитов

("Такого не может быть!")

- Нафтали, - обратился Семён к своему другу, предварительно рассказав ему всю историю Скайдрите-Рахели, - нехорошо как-то получилось. Я обидел прозелитку, нарушил заповедь Торы. Что теперь делать?

- Она сказала, что прошла гиюр в кибуце на севере. Я знаю, что раввинский суд, который занимается там гиюрами, - некашерный, и все его гиюры - некашерны, не имеют законной силы. Так постановили великие раввины-законоучители - главы нашего поколения. Само собой разумеется, что раввины-сионисты оспаривают это постановление.

- Так что же получается: Скайдрите осталась нееврейкой?! Этого не может быть! Ведь зачем тогда Всевышний сделал для неё все эти чудеса? И ведь, в отличие от многих других, которые получили гиюр на тарелочке с голубой каёмочкой, Скайдрите заслужила свой гиюр, образно выражаясь, плотью и кровью.

- Семён, никогда не говори: "Этого не может быть". Быть может всё, что угодно. Ты мне сам говорил, что один латышский журналист по поводу того, что Элла Медалье написала о Цукурсе, высказался лаконично: "Этого просто не может быть!" Почему ты так уверен в том, что Всевышний привел Скайдрите к религиозным евреям в Риге для того, чтобы она сделала гиюр? Может, Он сделал это для того, чтобы она стала праведной нееврейкой и соблюдала семь заповедей сынов Ноя, общих для всего человечества? Ни двенадцатилетняя Ривка, ни работник в Сохнуте, - никто вообще не объяснил Скайдрите, что дети Бога - не только евреи, но и

любой праведный нееврей, соблюдающий семь заповедей! И что эти неевреи тоже имеют долю в Будущем Мире!

- Послушай, но ведь здесь получается настоящая трагедия, - заметил Семён. - Скайдрите даже не догадывается, что с её гиюром что-то не в порядке. И если я попытаюсь ей это объяснить – даже вежливо и осторожно – она не поймёт и только страшно обидится. Её общество – религиозные сионисты – отрицает такое понятие как "аннулирование гиюра", а на то, что постановили главы нашего поколения, им, мягко выражаясь, наплевать. Тут выходит ситуация хуже, чем у Алексея. Тот смутно понимает, что нужно что-то исправлять, а у Скайдрите начисто отсутствует "радиоприёмник", который способен воспринять эту информацию!

- Интересно, - отреагировал Нафтали, - хоть она и хочет сказать, будто избавилась от латышского менталитета, - тем не менее, для неё всё-таки важно, что окружающие видят, что она счастлива! Одного лишь внутреннего ощущения счастья ей недостаточно. И, вообще, Семён, тут как-то интересно получается: ты рассказываешь о латышах положительных, чутких, самоотверженных: Липке, Сэлга, Скайдрите. Персонажи же Силиньша диаметрально противоположны.

- Смотри, у Силиньша латыши тоже разные. Например, сам Силиньш, его мать, бабушка и дедушка – персонажи положительные. И вообще, в каждом народе есть свои праведники, свои негодяи и своя серая масса. Но, кроме языка, их объединяет как минимум одно общее качество. Для латышей это исключительная вежливость. Но порой она чисто внешняя. Бывает, что заденешь латыша за живое - и тогда берегись!

Отец

- Семён! Ты рассказывал, что когда твоя бабушка впервые увидела Алексея в его ультраортодоксальном облачении, она сказала, что такую одежду уже видела в "странном *штетле*". Она ненавидела всё традиционно еврейское? Это странно, ведь ты же говорил, что она родилась в религиозной семье, - спросил Нафтали.

- Смотри, ситуация в независимой Латвии между двумя мировыми войнами была своеобразной. Она в корне отличалась от того, что тогда происходило в молодом советском государстве. Хотя евреи стали отходить от религии в России - в том числе и в Латвии, которая была до Первой мировой войны российской губернией - ещё до большевистского переворота, думаю всё же, что как минимум половина российских евреев до революции оставались верными Торе. Репрессивные и воспитательные меры, которые предпринял советский режим в борьбе с религией, привели к тому, что к концу 1930-х годов подавляющее большинство советских евреев оказалось полностью отрезанным от своих духовных корней. В отличие же от Советской России, в демократической свободной Латвии молодое поколение евреев - поколение моих бабушек - стало массово порывать с религией добровольно. Быть религиозным оказывалось немодно. Модными стали всякие другие новые еврейские "игрушки": «Бейтар», левый сионизм, правый сионизм, "автономизм-идишизм", Бунд, ну и, конечно, коммунизм. Замечу, что среди всех этих пёстрых "истов" коммунисты были в явном меньшинстве: незаконная коммунистическая партия в свободной Латвии насчитывала едва ли тысячу членов, среди которых половина - да, были евреями. Важно и то, что ещё с дореволюционных времен в Латвии были сильны еврейские ассимиляторские круги, приверженцы которых ратовали за культурную ассимиляцию евреев в господствовавшую тогда в этом регионе немецкую

культуру. Довольно многие рижские евреи дома разговаривали не на идише и даже не на онемеченном курземском (северозападно-латвийском) диалекте этого языка, а на ординарном языке местных балтийских немцев. Всё это способствовало тому, что межвоенная еврейская молодежь Латвии в массовом порядке переметнулась в светский лагерь. Не так повально, конечно, как в Советской России, но всё же очень и очень ошутимо.

Приведу пример: у моей бабушки, о которой мы говорим, было шесть братьев и сестёр, и никто из них не остался религиозным. Каждый из них ударился в свой "изм" – из вышеперечисленных; и между ними постоянно происходили жаркие споры, в которых каждый отстаивал правильность именно своего "изма". Все они, однако, сходились в одном: религия предков, по их мнению, являла собой отжившее и никчемное наследие. На улицах Риги иногда даже происходили драки между идеологически враждебными еврейскими молодежными группировками: настолько горячо они прониклись новыми еврейскими антирелигиозными лжеидеологиями. Бабушка же стала коммунисткой. Теперь тебе понятно, почему моя бабушка ненавидела еврейский штетл?

- И да, и нет. Может, её родители как-то не так воспитывали своих детей, силой пичкали их религией, и поэтому дети взбунтовались?

- Нет, ты путаешь ту эпоху с современностью. Моя бабушка и её братья и сёстры очень любили своих родителей и были сердечно к ним привязаны. Дело в другом. В Риге было много еврейских школ и гимназий с разными языками обучения: идишем, довоенным ивритом-ашкеназитом, немецким, русским, латышским. Но только одна из них была религиозной – "Тора вэ-Дэрэх Эрэц". Религиозные родители не отдавали себе отчёта в том, что не семья сегодня формирует мировоззрение ребенка, а школа. И нередко не понимали, насколько важно не допустить, чтобы ребенок учился в нерелигиозной школе. Исходили из прагматических

интересов: для кого-то было важно, чтобы обучение было бесплатным, для другого - чтобы школа была престижной, для третьего - чтобы в ней можно было приобрести хорошие профессиональные навыки. Бабушка поняла, что "Бога нет" ещё в начальной школе, когда учитель им объяснил, что человек якобы произошел от обезьяны, и что придерживающиеся религии люди находятся на уровне развития примитивных африканских племён. Детская психика впитывала весь этот вздор, как губка.

- А твоего папу бабушка воспитала тоже в коммунистическом духе? - спросил Нафтали.

Внезапно зазвонил мобильный телефон. Семен взял трубку.

- Вы Семён Фрайман? Вам звонят из больницы "Адаса". Наблюдается резкое ухудшение в состоянии вашего отца. Приезжайте срочно.

Неделю назад Максим, отец Семёна, внезапно перестал реагировать на внешние раздражители. В больнице поставили диагноз: резкое снижение функции почек и инфекционное заражение организма. Через несколько дней врачи, согласно результатам анализов, констатировали общее улучшение состояния, но в сознание Максим не приходил. Если в первые дни после госпитализации Семёну с большим трудом, но всё-таки удавалось накормить папу простоквашей, то ещё через несколько дней он перестал реагировать на пищу. С середины пятницы до исхода субботы у постели Максима дежурил Семён, а в воскресенье сидел его старший брат Ариэль.

Семён немедленно позвонил Ариэлю.

- Где ты? Только что звонили из больницы, сказали срочно приходить!

- Я пошёл оформлять документы для перевода папы в гериатрическую больницу. Скоро буду на месте.

Горестное предчувствие не покидало Семёна в течение долгих пятнадцати минут, и когда, наконец,

позвонил Ариэль и сообщил, что отец умер, Семён был к этому в какой-то степени морально готов.

- Папа умер, мне надо срочно ехать в больницу, - сказал Семён Нафтали со стеклянным выражением в глазах.

- Хочешь, я подвезу тебя в Иерусалим? - предложил Нафтали.

- Да, спасибо.

По дороге Семён вспоминал и мысленно прокручивал прошедшие годы. И вдруг он понял, казалось бы, очевидную истину, над которой раньше никогда не задумывался.

До этого ему казалось, что своим еврейским самосознанием он в первую очередь обязан сестре своей бабушки, Хае-Соре. Это она научила Семёна еврейской азбуке, когда он учился во втором классе советской школы; она же рассказывала ему с ностальгией про еврейскую жизнь в довоенной Латвии, про еврейскую (идишистскую) школу, в которой она училась, про две эвакуации: в Оренбург во время Первой мировой войны и в село Галухино Молотовской области во время Второй мировой. Сестра Хаи-Соры, Фейга - бабушка Семёна - не любила рассказывать о прошлом: так сильно на неё повлияла её личная трагедия, связанная с войной, во время которой она потеряла мужа, австро-чешского еврея, нашедшего временное пристанище в Латвии. В начале войны, не получив официальную "броню" на советский эшелон, в котором эвакуировались Фейга и Хая-Сора с детьми и матерью, он решил не пытаться "зайцем" сесть на этот поезд вместе с ними, а собственными силами бежал в Среднюю Азию, где его след исчез.

Хая-Сора до войны сочувствовала левым настроениям, но попав в Советский Союз, она быстро в них разочаровалась, и после войны стала "диванной" антисоветчицей и сионисткой. Дома Хая-Сора любила рассказывать анекдоты про Брежнева, ругала советский строй, пыталась учить Семёна говорить на идише, вслух зачитывала всей семье письма от подруги и

родственников из Израиля, с которыми она переписывалась. Максиму всё это не очень нравилось: он был членом партии и, воспитанный матерью-коммунисткой, не слепо, как она, но всё же верил в коммунистический идеал. Но активно Максим с Хаей-Сорой не спорил. Лишь когда Семён начал, по примеру Хаи-Соры, тоже писать письма её двоюродному брату Герцу в Израиль - только тогда Максим вежливо высказал своё недовольство, и переписка Семёна с Герцем прекратилась.

Семён решил поделиться своими воспоминаниями с Нафтали.

- Однажды летом, когда мне было лет девять, папа гулял со мной и братом по Юрмале. Вдруг навстречу нам идут двое высоких молодых парней. Я расслышал, как один из них сказал другому по-латышски: «*Луук, эбрэйи наак*» («Вот, евреи идут»). Сказано это было без злобы. Едва услышал папа эти слова, он будто сорвался с цепи и заорал на всю ивановскую: «*Латвийу сууду муша*» («Латышская навозная муха»). Затем последовал шквал других не менее сочных латышских ругательств. Улица была пустынна, но из окон окружающих домов повысовывались лица. Ни словесно, ни тем более при помощи рукоприкладства, однако, никто не реагировал на папину ругань, а сами латышские парни, казалось, были сильно смущены.

- А если бы это происходило в России, - спросил Нафтали, - он бы себя вёл так же?

- Трудно сказать. Латыш, если он трезвый, как правило, ведёт себя гораздо более сдержанно, чем русский. Поэтому в России такое поведение чревато дурными, даже трагическими последствиями. Но папа с детства занимался силовыми видами спорта, именно для этой цели - чтобы защищать честь слабых вообще и евреев в частности. Ребёнком он болел туберкулёзом, и заниматься спортом ему было противопоказано по состоянию здоровья. Поэтому он ходил на тренировки втайне от своей мамы. В один прекрасный день она всё-

таки об этом узнала; неожиданно для папы, собственной персоной явилась в спортивный зал и на виду у всех ребят его опозорила. «Вы видите вот этого? - она показала пальцем на своего сына. - Чтобы его ноги здесь не было! Если увидите его здесь ещё раз, гоните его отсюда поганой метлой!» И повела сына домой. Папа же просто перешёл в другую спортивную секцию.

Я помню: он никогда не проходил мимо, если на улице дети кого-то били. Хотя папа был невысокого роста, он был физически сильным – занятия спортом в детстве не прошли даром. Одна черта характера в нём сильно доминировала: он не мог терпеть, когда обижали или унижали слабого, даже совершенно не знакомого ему человека.

- Смотри, Семён: а ведь на историю про латышских парней можно посмотреть совсем другими глазами. Ведь они не обозвали вас "жидами", и вообще они к вам не обращались, а разговаривали между собой. Кажется, твой папа был просто нервным и невыдержанным человеком, не умевшим владеть собой.

- Ты знаешь, да, он иногда проявлял гнев; но когда считал нужным и правильным, умел сдерживаться тоже. Однако, когда оскорбляли евреев, он всегда реагировал очень остро, даже слишком остро. И бесстрашно. Вязываться в баталию, когда рядом с тобой двое твоих детей? Это же безумно! Но нет: почитай биографию Зигмунда Фрейда. Там описывается, как однажды ребёнком Фрейд шёл по улице со своим отцом, религиозным евреем. Очевидно, дело было в субботу, потому что на голове у папы Фрейда был штраймл, традиционная хасидская субботняя меховая шапка. Проходившая мимо компания молодых антисемитов стала над ними насмехаться и оскорблять их, преградив им дорогу. Отец Фрейда не ответил им ни единым словом. Тогда один из молодчиков скинул штраймл с его головы на тротуар. Отец Фрейда схватил сына за руку и побежал. Они добежали до какой-то подворотни и стали там выжидать. Отец Фрейда периодически из неё

выглядывал, пока не удостоверился, что этих молодчиков больше нет в обозримом пространстве. Тогда они вышли из укрытия, папа Фрейда подобрал свой штраймл, и они пошли дальше. На Фрейда-ребёнка этот случай произвёл неизгладимое впечатление: принадлежность к еврейству с тех пор неизменно ассоциировалась у него с трусостью, ущербностью, униженностью. Немудрено поэтому, что он стал *атикоресом* (еретиком), порвал с еврейством. Признаюсь честно: в момент, когда папа на чём свет стоит ругал на улице антисемитов, мне было очень стыдно и боязно. Но в моей душе он посеял семена того, что со временем стало моей сутью. Своим поведением, в несметное количество раз ярче, чем можно бы было сделать это посредством слов, папа вложил в меня и моего брата простую в своей гениальности идею: быть евреем – гордость! Ибо, чтобы защитить честь еврейского народа, папа был готов не только преодолеть стыд, но и подвергнуть себя опасности. Детская душа подсознательно сделала из этого однозначный вывод: если за еврейскую честь стоит заплатить такую высокую цену, значит, быть евреем – великое достоинство.

- Всё это звучит очень красиво, - возразил Нафтали, - но мне кажется, что, тем не менее, твой папа поступал не по-еврейски. Хаим Граде в своём знаменитом романе "Цемах Атлас" описывает случай из своей жизни, процитирую его приблизительно. Однажды, будучи подростком, он вместе с Хазон-Ишем, - одним из величайших еврейских мудрецов, - шёл по лесной тропинке. Навстречу им шла расфуфыренная молодая еврейка с поляком. Она говорила с ним по-польски без акцента. Увидев религиозных евреев, девушка с отвращением бросила поляку: «Нет спасения от этих черножопых, даже в лесу спокойно погулять нельзя». Граде вспыхнул и ответил ей на идише как следует; она не ожидала, что он понимает польский. По возвращении домой Хазон-Иш сделал Хаиму выговор: еврей, а тем более студент йешивы, должен быть совершенно равнодушен к оскорблениям со стороны окружающих. Он

даже должен им радоваться: ведь оскорбления и унижения смывают с человека грехи лучше и быстрее, чем муки ада. Мне кажется, Семён, что понятие чести, которым ты оперируешь – понятие нееврейское. Пушкин и иже с ним стрелялись на дуэлях, и абсурдность подобных действий сегодня очевидна даже дураку.

- Я думаю, что всё зависит от ситуации, - возразил Семён. - Часто, действительно, не надо отвечать на оскорбления. Но когда ты своим реагированием можешь воспитать в своих детях любовь к еврейству, справедливости, участию, смелости и благородству, - тогда надо - и ещё как надо - реагировать! Чтобы не получилось так, как с Фрейдом!

Машина подъехала к больнице. Семён попрощался с Нафтали и пошел в направлении морга, где его ждал брат. А назавтра Максима хоронили на кладбище поселения, где живёт Ариэль. Тамошние жители хорошо знали Максима и помнили его общительный нрав: когда родители Семёна там гостили, Максим любил заговаривать на улице с местными жителями, несмотря на свой скудный запас ивритских слов.

В своей поминальной речи Семён кратко, но ярко пересказал то, что он рассказал о своем отце Нафтали. Люди плакали. Они поняли, чем заслужил Максим то, что двое его сыновей идут по пути Всевышнего и будут произносить в его память *кадиш* – поминальную молитву. А ведь этой великой чести и заслуги не суждено было удостоиться многим другим, даже намного более религиозным, чем Максим, евреям.

Первому на похоронах дали слово главному раввину поселения, раву Ронену. Ариэль предварительно написал ему шпаргалку с тезисами из жизни отца, и раввин говорил с характерным для него пафосом:

- Усопший! Ты самоотверженно боролся с антисемитизмом в Советском Союзе! Честь еврейского народа была главным в твоей жизни!

Голос рава Ронена как будто высекал сталью по граниту. Внезапно Семён очнулся от оцепенения – рав Ронен начал говорить нечто странное:

- Ты был потомком кантонистов, еврейских солдат, которых царь Николай Первый, будь проклято имя злодея, детьми силой забирал на службу в российскую армию. В течение долгих двадцати пяти лет их там нещадно мучили побоями и унижениями, заставляя принимать православие. Вместе со всеми потомками кантонистов ты будешь в ряду первых, кто будет встречать Машиаха, нашего избавителя! Ружинский ребе обещал, что потомки кантонистов, даже если они уже станут неевреями, будут встречать Машиаха первыми!

«Что-то тут не так, - подумал Семён. - Действительно, прапрадед папы со стороны его отца был николаевским солдатом. Но какое отношение неевреи имеют к Машиаху? Пусть они даже трижды являются биологическими потомками какого-то еврея, но ведь, по Торе, между ними и этим евреем не существует никакой связи - ни в плане статуса, ни в аспекте наследственном, ни в метафизическом, ни в каком! Надо обязательно проверить эти слова!»

Искры еврейской святости

В один из семи дней траура рав Ронен, как принято, навестил братьев. Семён решил использовать удобный случай и спросил раввина:

- Скажите, пожалуйста, а где Ружинский ребе написал, что неевреи - потомки кантонистов будут встречать Машиаха первыми?

- Очевидно, он имел в виду, что они пройдут гиюр и станут евреями. А написано это в его биографии. Не зря ведь я с моими соратниками так стремимся к тому, чтобы все те репатрианты из бывшего Советского Союза, которые по еврейскому Закону считаются неевреями, прошли гиюр! В каждом из них – искра святости,

которую они унаследовали от предка-еврея, пусть он даже далёкий.

- Насчёт искры святости я не знаю, но хочу своими глазами увидеть то, что, по-вашему, сказал Ружинский ребе. А в каждом ли еврее есть искра святости? - спросил Семён.

- Безусловно. Так написано в книге "Тания", - ответил рав Ронен.

- Да, я помню. А вы читали книгу "Евреи в Вильно" - дневниковые записи Григория Шура, узника вильнюсского гетто? - спросил Семён.

- Нет, я не слышал про эту книгу.

- А, наверное, её ещё не перевели на иврит. Ариэль, это же ты мне в своё время дал её почитать, - обратился Семён к брату. - Не мог бы ты её принести сейчас?

Ариэль поднялся с места и направился в соседнюю комнату. Через некоторое время он вернулся с книгой в руках.

- Я вам переведу отсюда отрывок, - сказал Семён и стал зачитывать:

«19 октября 1942 года. После "чистки" стариков, увезенных на "поправку" в Пospешки и там погибших, в Вильно было до сего дня спокойно. И вот 19 октября 1942 года, в понедельник, из Вильно выехала карательная экспедиция в Ошмяны. Эта экспедиция была назначена для "чистки" евреев в Ошмянах. К великому стыду и позору, экспедиция состояла из евреев, которые должны были сами произвести эту "чистку" своих несчастных собратьев. Цинизм или, вернее, садизм немцев в том и состоял, чтобы сами евреи провели это ужасное дело. Ещё на день раньше, в воскресенье 18 октября, пришёл в гетто г. Вайс, представитель гестапо и принёс форменные фуражки литовских солдат, только с металлическими значками Звезды Давида. В тот же день еврейские полицейские стали снимать у проходящих по улицам гетто евреев кожаные пальто. Это нужно было для экипировки карательной экспедиции еврейских полицейских. Мало им было участвовать в омерзительной миссии, они желали для пущей важности

иметь солидную внешность. Всего было одето в форменные солдатские фуражки 22 полицейских. Утром 19 октября они, возглавляемые Деслером, заместителем представителя гетто по полицейской части, и под начальством г. Вайса поехали в Ошмяны "чистить" евреев.

"Работа" свелась к тому, что участники экспедиции выбрали 406 евреев и застрелили самым циничным и холодным образом. И нечего спрашивать – почему? Очень просто. Первоначально гестапо требовало 1500 молодых женщин и детей, жён и детей 1000 молодых мужчин, которых в прошлом году "ликвидировали" в Ошмянах. Но благодаря стараниям представителя гетто г. Генса удалось "отделаться дешевле": выбрали 404 человека старшего возраста и двух малых детей, и их-то отдали в руки палачей. Это считалось за удачу...

Вид вернувшихся еврейских полицейских в форменных литовских фуражках являл собой картину низкого падения людей, служающих своим убийцам. Они – еврейские полицейские – вошли в роль, стали дерзки, нахальны, грубы, жестоки, и воображали себя истинными владыками над жизнью и смертью прочих несчастных своих братьев в беде. Они воображали себя почти немцами из гестапо и думали, что гарантируют себе жизнь своей низостью и послушанием. Но, как тут теперь стало известно, немецкое гестапо в Барановичах вырезало всё еврейское гетто в числе 9000 человек, в том числе всех полицейских во главе с комендантом и советом гетто».

- Уважаемый раввин, у этих еврейских подонков тоже были в душе искры святости?! - спросил Семён.

Рав Ронен не успел собраться с духом, как Ариэль его опередил:

- Был такой польский писатель Тадеуш Боровский, узник Освенцима. Он документально описал житье-бытье в этом страшном месте. Вообще-то, от откровенного натурализма в его рассказах меня почти тошнит. В одном из них он описывает подвиг еврейки, которая до войны была танцовщицей. Когда она вместе с партией других евреев стояли раздетыми перед входом в газовую камеру,

один ээсовец, отъявленный садюга, не выдержал и схватил эту божественной красоты женщину за руку. Она наклонилась, зачерпнула рукой горсть земли, бросила ему эту землю в лицо, выхватила у него пистолет и выстрелила ээсовцу в живот. Началась суматоха, немцы разбежались. Что же произошло дальше? Капо (заключенные прислужники нацистов) по собственной инициативе стали дубинками загонять евреев в душегубку, затворили засов и крикнули немцу, "сидящему на кране", команду пускать газ - а в "обычной" ситуации это была прерогатива ээсовцев, - рассказал Ариэль.

- Я не знаю, что ответить. Это выше моего понимания. Я думаю, что на эту тему лучше всего молчать. Всевышний утешит вас вместе с остальными скорбящими Сиона и Иерусалима, - произнёс рав Ронен фразу, которой по еврейской традиции заканчивают посещение скорбящих, и вышел.

В семь дней траура к Ариэлю приходили многие посетители: соседи, друзья, родственники со стороны жены, сослуживцы. На похороны приехали и немногочисленные родственники самих Семёна и Ариэля, хотя и жили они далеко.

Ариэль жил, если можно так выразиться, "у рогатого на куличках": в религиозно-сионистском поселении Иудеи, окружённом множеством палестинских деревень. По статистике, в сравнении с другими поселениями на так называемых "территориях", этот *йишув* (поселение) прославился тем, что в нём произошло наибольшее количество терактов с трагическим исходом.

Максим зажег еврейскую искру не только в Семёне, но и в своём старшем сыне, хотя осознание того, что это – заслуга отца, к Ариэлю, так же, как и к Семёну, пришло только после смерти Максима.

Ариэль в начале перестройки вместе с однокурсником по фамилии Кодашевский создал в Риге молодежный сионистский союз. А уже через полгода после этого Ариэль совместно с посланцем организации

"Бней-Акива" в Швеции Моти Изаком организовал на латвийском курорте Энгуре первый в Советском Союзе детский религиозно-сионистский еврейский летний лагерь отдыха. Немало ребят после этого лагеря стали религиозными, в том числе и сам Ариэль.

На первых этапах этого движения Ариэлю позвонил один вежливый человек, который представился желающим стать спонсором молодых сионистов. Мужчина предложил встретиться в гостинице "Ридзене" в старом городе, и предупредил: чтобы пройти в гостиницу, Ариэль должен будет назвать вахтёру своё имя и фамилию. Ариэль согласился и, уже положив трубку, вдруг сообразил, что гостиница "Ридзене" - она ведь для интуристов! - а мужик говорил по-русски без акцента...

«Да, интересно!» - подумал Ариэль.

В назначенный день и час Ариэль вошёл в гостиницу и представился вахтёру, а тот протянул ему какой-то документ.

- Это пропуск! - сказал вахтёр.

Ариэль зашёл в холл, а там его уже ждал молодой подтянутый мужчина в сером костюме.

- Здравствуйте, давайте поднимемся ко мне в номер!
- предложил он сразу.

Войдя в номер, они сели по обе стороны стола, и хозяин не стал церемониться.

- Ещё раз здравствуйте, я офицер КГБ, - мужик вынул из кармана удостоверение, несколько секунд подержал его в руках в закрытом виде, как бы демонстрируя Ариэлю, и положил в карман.

- Пожалуйста, возвратите мне пропуск, который вам дал вахтёр, - попросил гэбист.

- Нет, не возвращу, это мой пропуск, - ответил Ариэль. Ариэль до этого держал пропуск в руках, а теперь положил его во внутренний карман пиджака. Мужик поморщился.

- Мне очень нужен этот пропуск. Он вам больше не пригодится.

- Хорошо. Предъявите мне своё удостоверение, я спишу с него все данные, а после этого отдам вам пропуск.

Гэбист нехотя протянул Ариэлю свою "корочку". Ариэль вынул ручку и листок бумаги, и стал тщательно переписывать. Закончив, он сложил лист, положил его во внутренний карман, вынул пропуск и протянул его мужику.

- Спасибо. Я пригласил вас, чтобы рассказать вам о том, что мы очень положительно оцениваем ваши усилия на ниве возрождения еврейской культуры. И мы хотим вам помогать. Мы будем финансировать ваши начинания. Но вы будете должны периодически писать нам отчёты.

- Отчёты о чём?

- Ну, нас интересуют настроения в обществе. Будете нам писать, о чём у вас говорили на собраниях, и тому подобное.

- Нет, спасибо, – Ариэль поднялся. Гэбист тоже встал.

- Будьте осторожны, никому не рассказывайте об этой встрече. Вы ведь студент университета...

Гэбист не успел закончить: внезапно зазвенел будильник. Мужик в ужасе отскочил и с искаженным лицом заорал:

- Что это?!

- Это бомба! - спокойным голосом ответил Ариэль. - Ваше время истекло!

Эти слова Штирлица, как нельзя больше подходящие к данной ситуации и к новому времени, которое пока ещё робко, но уже всё более и более настойчиво стало заявлять о себе, Ариэль произнёс, вне всякого сомнения, по божественному наитию. В "дипломате" Ариэля оказался будильник, который он забыл вынуть после ночного дежурства на заводе ВЭФ, где подрабатывал сторожем. И будильник прозвенел в самый подходящий момент. Ну, разве не рука Всевышнего?

Семён в общих чертах знал эту историю уже больше тридцати лет, но в деталях Ариэль рассказал ему её только теперь.

- Ну, папа, конечно, пошел в КГБ, подал жалобу на этого гэбиста. Потом его туда вызвали, и солидный работник извинился: «Произошла ошибка. Мы хотели сотрудничать, а ваш сын оказался худосочным!»

- Ариэль! - обратился Семён к брату. - До папиного бесстрашия нам далеко. Но мы, как выскочки, пытаемся наперегонки его копировать и постоянно в этом друг с другом соревнуемся.

- Ну, может быть, что-то в этом есть...

Отцовские уроки

В семь дней траура принято, что скорбящие кровные родственники собираются вместе в доме усопшего и вместе принимают гостей, приходящих утешать семью. По техническим причинам Ариэль с Семёном решили, что они вместе с мамой будут справлять траур не в квартире родителей, а у Ариэля. Семёну же там было не совсем по себе, потому что к Ариэлю каждый день приходило много гостей, а к Семёну - ни одного. В принципе, он и не ожидал, что к нему кто-то приедет - ведь Семён жил в трёх часах езды оттуда, да к тому же люди из его окружения боялись ехать в такое опасное место.

Посоветовавшись с раввином, Семён решил в пятницу поехать домой, принимать утешающих на исходе субботы, после чего взять такси и возвратиться к Ариэлю.

На исходе субботы к Семёну пришли большинство соседей из его дома, многие из прихожан его синагоги, студенты посещаемых им колледжей. Народу было достаточно. Как правило, каждой новой партии гостей Семен начинал рассказ об отце с истории, как Максим позорил антисемитов.

- В папе удивительным образом сочеталось бесстрашие и благородство с исключительным состраданием и чувствованием другого человека, даже совершенно чужого. Как минимум, целый год его мама, то есть моя бабушка, - а перед этим её сестра, - были прикованы к постели. Папа самоотверженно их обслуживал, делал для них всё; никто из родственников, в том числе и мы с братом, ему не помогали. В моих глазах это - немыслимый подвиг. Я вам расскажу только один эпизод, который иллюстрирует одновременно все его уникальные качества.

Стоит папа в поликлинике, в очереди к врачу, а за ним - пожилая женщина, тоже ожидая, облокотилась о перила. Вдруг одна баба заорала по-латышски: «Что вы тут облокотились?! Вы же прямо висите на мне! Понаехало тут всяких, возвращайтесь в свою Россию!» Бедная старушка поняла, что кричат на неё, но никак ответить не могла - латышским она, на своё горе, не владела. Но за неё вступился папа, и на чистом латышском языке обратился к женщине, обидевшей старушку: «Постыдитесь, вы, молодая женщина! Вы что, не видите, что перед вами пожилой человек? Ей же надо за что-то держаться! А вы можете и отойти! У кого вы научились такому хамству?» Баба осеклась и заткнулась.

Прошёл примерно час, Максим вышел от врача и уже был на улице, как вдруг услышал пронзительный вопль на чистейшем русском языке: «Эй, жидяра, живо пиздуй в свой Израиль!» Максим поднял глаза – это была опять та самая "латышка", оравшая на старушку. Максим улыбнулся и спокойным голосом, как бы удивлённо, обратился к нахалке: «Ах, так ты, милочка, оказывается, русская? Так что ж ты из себя латышку-то строишь?» Баба побледнела и молча побрела восвояси.

Такой был мой папа; в нём сочетались все эти качества: активное сострадание, благородство, умение моментально поставить обидчика на место. Но он обладал ещё более удивительным качеством: давая совет, умел

полностью абстрагироваться от своих личных интересов и предвидеть развитие событий.

Однажды он таким образом повернул мою жизнь в кардинально новое русло. Мой брат первым сделал тшуву, стал религиозным. Я, можно так сказать, шёл по его следам, и примерно через год после него тоже, как и он, стал "мизрахистом" – последователем сионистского направления в ортодоксальном иудаизме. Когда я учился на третьем курсе музыкального училища, в преддверии зимних каникул мне позвонили из московской религиозно-сионистской йешивы в Кунцево, и пригласили приехать к ним на каникулы. Через неделю я, однако, получил новый неожиданный звонок: звонил рав Смит из Лондона, которого теперь "двадцатка" вильнюсской синагоги избрала своим главным раввином. Он пригласил меня в свою йешиву, которую организовал в Вильнюсе. С ним я познакомился за полгода до этого, когда сопровождал посланника организации "Бней-Акива" Илана Йинона в его поездке по Литве. Рав Смит был известным ультраортодоксом и непримиримым врагом мизрахистов.

Я спросил папу:

- Папа, куда мне ехать на каникулы: в Москву к мизрахистам или в Вильнюс к ультраортодоксам?

- А чего ты хочешь в жизни - там, где дружно и весело, или там, где солидно и серьёзно?

- Конечно, там, где солидно и серьёзно, - ответил я.

- Тогда езжай в Вильнюс! - сказал папа. Он был нерелигиозным человеком и прекрасно понимал, что убеждения сына-мизрахиста ему понять будет гораздо легче и приятнее, чем ультраортодокса. Но он полностью отвлекся от своих личных интересов и препарировал ситуацию, представив её в абсолютно точном, истинном свете, и предоставив решать мне самому.

После приезда из Литвы, через месяц, я уже носил чёрную кипу ультраортодоксов, а не цветную, как раньше – кипу религиозных сионистов.

- Если твой папа был таким мудрым и выдающимся, почему он сам не сделал тшуву? - спросил кто-то из присутствующих.

- Когда родители переехали в Израиль, папа был на пороге тшувы. Первые несколько месяцев они жили у нас. Тогда он каждый день произносил *шахарит* (утреннюю молитву), надевал тфилин, говорил *биркат-амазон* (молитву после еды), всё время ходил в кипе. В один злосчастный канун субботы я отправил папу с моим старшим сыном в синагогу первыми, сказав, что приду через четверть часа. Когда они вошли в синагогу, в ней никого не было, кроме ещё одного еврея с сыном. Тот спросил своего папу: «А кто эти люди?» Мой папа, конечно, выглядел для местных жителей не вполне обычно: без бороды, без шляпы. Вот ребёнок и стал любопытствовать. «Это микки-маус, репатриант из России», - ответил мальчику его отец. Мой папа услышал эти слова, но ничего не ответил.

Вечером у папы подскочило давление. Чувства его раздирали. Моей жене с большим трудом удалось его успокоить. Но после этого инцидента родители переехали в другой город. Так оборвалась папина тшува.

В комнате, где Семён сидел с посетителями, почувствовался какой-то шорох, атмосфера словно наэлектризовалась.

- Надо всем рассказывать эту историю! Это наш позор! Чтобы больше никогда такое не повторилось! - воскликнул один из присутствующих в сердцах.

- А почему твой папа ничего не сказал этому хаму? Ведь мы из твоих рассказов знаем, что язык у него был подвешен хорошо! - спросил приехавший издалека Нафтали.

- Во-первых, у папы был очень скудный иврит, ему не хватало слов, чтобы ответом попасть в точку. А во-вторых, это был период его душевных исканий, своеобразного раздвоения личности, во время которого он искал знаки, стимулирующие тот или иной выбор. Слова бессердечного человека он, очевидно, воспринял, как

знак, что из этого гиблого места, то бишь нашего города, надо уезжать.

- А чем этот бездушный сосед лучше тех евреев, которые становились капо в Освенциме? - спросил другой посетитель.

- Возможно, по сути - ничем. Не исключено, что, окажись этот тип в Освенциме, он бы стал там капо, - сказал Семён.

Возвращение в колель

Закончились семь дней траура, и Семён возвратился в колель.

- Добро пожаловать! - приветствовал Семёна по-английски один из студентов, родом из Лондона. - Ты проверил, что твой папа похоронен рядом с евреем, а не гоем? - пошутил он над профессией Семёна, эксперта по еврейской генеалогии.

- Это твой первый вопрос, который ты задаешь человеку, у которого неделю назад умер отец? Мало того, что ты не пришёл ко мне на *нихум авелим* - утешение скорбящих! У тебя что, совершенно нет сердца? - выпалил Семён.

Студент смутился:

- Извини, я не подумал. Я не хотел тебя обидеть.

«Интересно, - подумал Семён. - он тоже, подобно капо или мужику-миккимаусу, принадлежит к подвиду людей бессердечных, *homo improbus*? Или же его бестактность - нечто несущностное, наносное, просто следствие влияние английского менталитета, юмора и этикета, влияние народа, среди которого он жил до восемнадцати лет? Вот ещё один вопрос: подлость - это тоже признак бессердечия? Вот, например, Абраша, который подделал моё письмо, он тоже принадлежит к разряду *homo improbus*, или нет?»

Лекция для пенсионеров

- Не исполняя заповеди Торы, еврей в той или иной степени деградирует. Тот, кто деградировал "слабо", мог бы, при благоприятном стечении обстоятельств, стать великим праведником. А тот, кто мог быть просто нормальным человеком, превратился в чудовище, - сказал Семён однажды на лекции, которую он давал в городе Модиин для пенсионеров из бывшего СССР. - Имена таких подонков и убийц, как Троцкий, Ягода и создатель системы ГУЛАГа Френкель всем хорошо известны. Но порой не соблюдающие евреи, наделенные Всевышним великими талантами и внесшие выдающийся вклад в мировую светскую культуру, тоже являют собой пример нравственного вырождения. Про Мандельшам и Пастернака рассказывали, что в повседневной жизни они могли вести себя низко. Например, Пастернак увёл жену у пианиста Нейгауза. А дочь великого артиста Михоэlsa Наталья Вовси в биографии своего отца пишет, что тот имел роман с женой одного из своих артистов, Чечика, и этим практически разрушил свою семью. Талмуд говорит, что в период, когда не действует Сангедрин (Синедрион), убийцы, прелюбодеи и прочие свершители смертных грехов не могут получить своё наказание, и тогда Всевышний посылает им смерть собственноручно. Тот, кто заслужил смерть побиением камнями, - тот падает с обрыва или попадает в автокатастрофу, и тому подобное. Смерть Михоэlsa - яркий тому пример...

- Скажите, пожалуйста, - обратилась к Семёну Мария Троцкая, пожилая еврейка из Ленинграда, в прошлом художница, - но прошу вас: говорите искренне. Ведь это же правда, что люди из потомственно ортодоксальных семей с такими, как вы, баалей-тшува - не женятся? То есть они считают вас людьми второго сорта? Так зачем же вообще делать тшуву, становиться религиозным?

- Вам не надо было меня специально просить, чтобы я вам говорил правду. Да, так оно и есть; они с нами, как

правило, не женятся. Но бывают и исключения. Однако я не советовал бы вам туда соваться. Если баал-тшуве предлагают девушку из такой семьи, то с большой долей вероятности можно предположить, что она больна серьёзным заболеванием, например, сахарным диабетом, или... ну, извините, - Семён откашлялся, - была в детстве изнасилована. Но это ещё ничего. Самое плохое - если она психически ненормальная. Но мы не делали тшуву, чтобы искать себе невест. Мы стали религиозными из любви к Всевышнему, потому что мы поняли, что Он создал мир и управляет миром, и хотим исполнять Его волю. То, что религиозное общество сегодня, в той или иной мере, деградировало - никак не должно на это повлиять. Бессердечных людей сегодня полно среди всех слоёв населения, среди евреев и неевреев, среди религиозных и нерелигиозных. Мы искали Всевышнего, а не приятное общество. Того, кто ищет в этом бренном мире приятное общество, ожидает разочарование. Помните роман Джека Лондона «Мартин Иден»? Он, будучи простолюдином, мечтал попасть в высший свет, и в итоге, через невероятные усилия, попал-таки туда. И понял: здесь тоже люди пустые. И покончил с собой. Но вы знаете, чисто по-человечески я понимаю ощущение конфуза, которое чувствуют религиозные родители невесты, стоящие под хупой вместе с нерелигиозными родителями жениха. Я вот, например, ни в какую не был бы согласен жениться на прозелитке. Это выглядело бы оскорблением моей семьи. Среди моих предков нет ни гоев, ни прозелитов. Так что же, именно я, который возвратился к вере предков, стану нарушать семейную традицию и понижать статус своего семейного генеалогического древа? Это же было бы абсурдом!

- Это фашизм! - закричала Мария. - Не хочу я эту дрянь слушать!

Она стукнула по деревянному подлокотнику стула, на котором сидела, встала и демонстративно вышла из зала.

- С иудаизмом, господин Фрайман, вы не имеете ничего общего! - заявил другой слушатель, Александр, пенсионер из того же Ленинграда, в прошлом доцент. - Вы черпаете свои идеи не из Торы, а из опусов Гитлера!

Во время лекций Александр систематически требовал к себе повышенного внимания, не давал другим высказаться, один и тот же вопрос в разных вариациях задавал по десять раз, причём вопросы у него были потрясающие, например: «А почему курение не считается в иудаизме идолопоклонством?»

- Давайте немного разрядим обстановку, - предложил Семён. - Я вам прочитаю один забавный стишок, который мне кто-то прислал на этой неделе на электронную почту.

Стих этот, который называется "России верные жидаы", прислала ему Белла, заведующая клубом для пожилых репатриантов, в прошлом - диссидентка и "отказница". Её уже порядком огорчало отсутствие хотя бы минимального национального чувства у своих подопечных. В стихотворении довольно едко высмеивается холуйское стремление некоторых российских евреев принести как можно больше пользы России, и даже пожертвовать собой ради неё - стремление, за которое от самих русских такие евреи неизменно получают плевки и унижения.

Семен принялся читать с театральным выражением:

Эдуард Кукуй. «России верные жидаы»

*России верные жидаы
Растили русские сады,
Пахали русские поля,
Лизали тем, кто у руля,
Руководящие зады.
России верные жидаы!*

*России верные жидаы
Вливались в партии ряды,
Чтоб дружно строить коммунизм
И верить в этот онанизм
За миску сталинской бурды.
России верные жидаы!*

*России верные жида,
Что вы имели за труды?
Паёк, звезда «Герой труда»
И званье верного жида,
Которым до сих пор горды
России верные жида.*

*России верные жида,
Вы разбежались кто куды:
В Нью-Йорк, Берлин, Мельбурн, Сидней...
Но память подлюю о ней
Готовы взять с собой в гробы -
России верные рабы.*

- Какая мерзость! Да вы просто шизофреник!
Сгиньте с глаз моих долой!

Александр резко поднялся, плюнул на пол и покинул помещение.

- Смотрите, Семён, - слово взял Владимир, пожилой, тихий еврей из Харькова, - на лекциях вы постоянно возвращаетесь к одной и той же теме: смешанные браки, смешанные браки, смешанные браки. Ну, неприятно нам это слышать: у нас у всех дети ведь женились на гоях. Да, можно обвинить в этом и нас, родителей: не воспитали как следует, недосмотрели, не настояли. Ну, а что мы могли сделать? Мы жили в Советском Союзе, боялись своей тени, всё время терпели унижения. Разве можно нас в чём-то винить?

- Я с вами не совсем согласен, - возразил Семён. - Вот, к примеру, моя бабушка, мать моего отца. Она была убеждённой коммунисткой до конца своей жизни. Но даже будучи таким низко падшим человеком, она неоднократно говорила моему папе в юности: «На нееврейке ты не женишься! Я не хочу, чтобы мои внуки называли меня "грязная жидовка"». Вот видите: даже она понимала, что смешанный брак - это последняя черта, которую нельзя переступать.

- А я, кажется, что-то поняла, - неожиданно с места заговорила Светлана, молдаванка. Она была единственной нееврейкой, посещавшей уроки Семёна. Светлана сожительствовала с неевреем и проходила гиюр.

Она почти всегда молчала, никогда не задавала вопросы, и даже когда Семён пытался её о чём-то спросить, в лучшем случае ограничивалась односложными ответами. - Я в Кишинёве ходила на баптистские собрания. Мы называли друг друга братьями и сестрами; мне было там хорошо. Ведь я верю в Иисуса, так зачем мне гиюр? Из ваших лекций я поняла, что этим гиюром я обманываю и людей, и Бога! Будет лучше, если я возвращусь в Кишинёв.

- Да, вы совершенно правы, - ответил Семён, и подумал: «Столько времени я давал им лекции и, кажется, ничего не добился. Но всё это имело смысл – разве что только для того, чтобы эта нееврейка не закончила свой липовый гиюр!»

В ожидании Машиаха

- Нафтали, - обратился Семён к своему другу, - на похоронах рав Ронен сказал, что все потомки кантонистов пройдут гиюр, и первыми будут встречать Машиаха. Что что-то в таком духе якобы написал Ружинский ребе, рабби Исроэл из Ружина.

- Как-то не верится. Давай проверим. Он указал источник?

- Да. Я нашёл и распечатал.

Они стали читать вместе:

«"Мои дорогие! - сказал Ружинский ребе, обращаясь к двум дезертировавшим из николаевской армии кантонистам, нелегально перешедшим российско-австрийскую границу и пришедшим к ребе в Садигору, - Я вам обещаю, что когда придёт избавитель, вы и подобные вам будете идти первыми перед всеми, перед всеми праведниками встречать Машиаха"».

- Почему рав Ронен бессовестно извратил слова великого раввина? Ведь он сказал только о самих кантонистах, но ни единым словом не обмолвился об их

потомках, и тем более о тех их потомках, которые, упаси Господь, окажутся неевреями! - спросил Семён.

- Потому что он охвачен обсессивной манией гиюрить. Это болезнь такая, что-то вроде мании. Он хочет массово обгиюрить всех несовершеннолетних неевреев – детей репатриантов из СССР. Все великие мудрецы поколения считают, что подобный гиюр не будет иметь силу. А ему всё пофиг, он открыто пишет о своих планах. Но ему надо показать обществу, что его стремления богоугодны, вот он и искажает святые источники.

- Как ты думаешь: кто хуже: бессердечные капоубийцы или сердобольный рав Ронен?

- Хуже рав Ронен. Искажая слова нашей святой Торы, он вводит многих людей в грех. И этим разрушает и духовный, и материальный миры. То есть тут получается деструкция глобальная, в отличие от капо, которые хотя и совершали тяжелейшие преступления, но при этом не вводили окружающий мир в повальный грех. Извини за сравнение, но есть на Западе один протестантский священник, который открыто ратует за гомосексуализм. А был ещё один - глава одной из протестантских церквей Канады, которого уличили в педофилии. Я однажды задал вопрос на уроке Торы, который веду для русскоязычных евреев: кто из этих двух хуже? Все ответили, что второй. На самом же деле, хуже первый. Если второй совершает страшное преступление по отношению к конкретным людям, то первый легитимизирует смертный грех и вводит в него массы.

Трагедия Максима, и не только его

- Умер Максим Вормзер, тёзка твоего папы, - сказал Нафтали Семёну.

- Не может быть! Он же наш ровесник!

- У него были какие-то серьёзные проблемы с сердцем, а врачам он не верил, лечился альтернативной медициной. Долечился...

- Я его знал больше тридцати лет, - начал свой рассказ Семён. - Чем-то он был похож на моего папу. Оба самородки; непохожие на окружающих люди, - в хорошем смысле. А познакомился я с ним в Вильнюсе, в йешиве рава Смита. Та ещё йешива... Рав Смит пригласил в неё в качестве преподавателя одного баалтшува из Америки, - но родом из Молдавии, по фамилии Гольдштейн. Отъявленный придурок. Обращался к нам не иначе, как "скотина", "сволочь", постоянно рассказывал анекдоты про негров, про молдаван, играл в бильярд. Морил нас голодом, а у самого холодильник был наполнен едой.

- Секунду, я чего-то не догоняю, - прервал Семёна Нафтали. - Ты рассказывал, что поездка в Вильнюс так сильно на тебя повлияла, что ты превратился из мизрахиста в харедима - поменял свою приверженность из одного направления в ортодоксальном иудаизме к другому! Не могу понять, как это могло произойти, если там был такой беспредел?

- В Вильнюсе я пробыл всего два-три дня. А потом мы всей йешивой поехали в Виршужиглис под Каунасом, где был организован религиозный семинар. Туда съехались многие ребята со всего Союза, а также раввины и лекторы из Израиля, и баалей-тшува в возрасте. Я встретился там со многими достойными и глубоко интеллигентными религиозными евреями, и в первую очередь - с равом Шейниным, главным раввином Ашдода, одним из удивительнейших людей нашего поколения. А Гольдштейн на их фоне выглядел жалким нонсенсом, отбросом общества, исключением из правила. Всё, что я увидел и услышал на этом семинаре, было действительно серьёзно и солидно, - в точности так, как предсказывал мой папа, и убедительно. После семинара я, конечно, не вернулся в Вильнюс, а поехал сразу в Ригу.

Но мы отвлеклись, возвратимся к Вормзеру. Максим тогда скитался по Союзу - скрывался от призыва в советскую армию. Йешива рава Смита, понятно, вскоре развалилась, и тогда Максим приехал в Ригу и жил у нас почти месяц. С моим папой он нашел общий язык. Ведь папа был очень образованным человеком, знал досконально не только русскую литературу, но и многое из зарубежной, очень увлекался историей, у него была феноменальная память на стихи. А Вормзер знал в совершенстве французский язык, увлекался всяким необычным: эзотерикой, пикантными страницами мировой истории и литературы.

Но судьба у Вормзера сложилась неудачно. Мой папа считал, что это из-за того, что родители Максима были чёрствыми, безразличными советскими евреями. Его обижали в школе за то, что он еврей, - настолько, что он был вынужден залезать на дерево, чтобы спастись от преследователей. А когда он обращался за помощью к родителям, они ему говорили: «И нам приходится терпеть, и ты терпи!» Мать Вормзера была воспитательницей в детском саду, имела грамоту "отличника народного просвещения", а отец был преподавателем музучилища, трудоголиком. Когда сестра Вормзера поступила в музыкальное училище, её отец сказал: «Ты бездарность. Забери свои документы, не занимай чужое место». Ужас!

- Расскажи мне про его первый брак. Дело там какое-то тёмное было, - попросил Нафтали.

- Вообще, его первый шидух был с религиозной девушкой из России. Но его приятель, Юра Чернов, сказал родителям невесты Вормзера, что тот якобы наркоман. Они поверили в эту ложь, и невеста разорвала помолвку. В итоге на ней женился сам Юра, но жить с ним было невозможно, и потому она, спустя всего несколько месяцев после свадьбы, потребовала развод. В ответ Юра потребовал в раввинском суде, чтобы после развода их общая квартира перешла в его единоличное владение. На квартиру им собрали деньги ребята из

йешивы, где он учился. В раввинский суд Юра принёс фотографии из их интимной жизни и пригрозил, что если ему не отдадут квартиру, то он расклеит эти фотографии в религиозной школе, где училась его жена.

С этим придурком я познакомился в Юрмале, на семинаре йешивы "Атерет Исраэль". Помню, однажды в комнате, где мы жили, он в одном нижнем белье в экстазе исполнял песню Цоя. После развода Юра снял кипу, уехал в Россию и женился там на гоюхе по имени Ксюша. В итоге он стал наркоманом. Я думаю, что этот Юра - из той же серии, что и капо. Я почти уверен, что именно таких людей имел в виду Аризаль, величайший из каббалистов, когда писал, что бывают евреи, чья душа - реинкарнация души *эрев-рав* - прозелитов, которые вышли из Египта вместе с евреями под предводительством Моисея.

- Это логично, - перебил Семёна Нафтали. - Виленский Гаон в книге "Эвен Шлема" написал, что еврея, у которого душа *эрев-рав*, можно отличить по низменным душевным качествам.

- Да, мой папа не учил Талмуд, и он не знал, что там написано: стыд - это специфически еврейское качество. Но он не раз меня убеждал не иметь дела с людьми, у которых нет стыда. Он имел в виду не только и не столько стыд внешний, но в первую очередь стыд внутренний - чувство, не позволяющее человеку сделать подлость, гадость. Обычно это чувство называют совестью, но на самом деле это стыд, внутренний стыд. Я думаю, что слова Талмуда надо понимать так: всем евреям, потомкам Авраама, даровано это чувство, но если еврей родился не со специфически еврейской душой, а с душой *эрев-рав*, это чувство может отсутствовать.

Но мы опять отвлеклись от темы; возвратимся же к Максиму. Вормзер, в конце концов, таки женился на девушке, по версии которой оба её родителя были якобы чистокровными евреями, чьи предки в царской России приняли православие. Мне эта версия кажется более чем сомнительной. Артистка ещё та, на людях строила из себя

великую праведницу, а в повседневной жизни заставляла Вормзера ехать с ней загорать на смешанный некашерный пляж. А в период менструаций, когда интимная близость запрещена еврейским Законом, надевала красную пижаму, чтобы соблазнить его. После свадьбы она попросила его отнести фотоплёнку на проявку. Когда он пришёл забирать фотографии, приёмщик фотоателье как-то странно на него посмотрел. Максим взял фотографии и понял взгляд приёмщика: эти фотографии были не вполне пристойны. Придя домой, он бросил ей эти фотографии в лицо.

Через полгода после того, как у них родился сын, этот младенец умер в постели, якобы по неизвестной причине. Вормзеру, однако, показалось, что он обнаружил на его шее следы колец. Но сделать вскрытие он не разрешил, так как *Галаха* - иудейский Закон - это запрещает, а законы Государства Израиль, как правило, не позволяют делать вскрытие без согласия прямых ближайших родственников. Он ушёл из дома и подал на развод.

Знаменательно, что после этого Вормзеру позвонил уважаемый русскоязычный раввин и попросил его ещё полгода пожить с женой (которая в это время будет, по предложению того же раввина, принимать противозачаточные таблетки), чтобы попробовать сохранить брак. Вормзер послал его на х*... и бросил трубку.

- Ну, после такого немудрено, что у него стало барахлить сердце! - заметил Нафтали. - Мне же Максим рассказывал, что после развода он стал скитаться по миру - работал посланником разных еврейских организаций. Когда он занимал должность раввина в Иркутске, Зеэв Черняк, известный поэт и переводчик с идиша, а также этнограф и историк, был там представителем Сохнута. Он попросил Вормзера поехать в город Зима и засвидетельствовать, что тамошние потомки «субботников» - евреи. Максим поехал в эту даль, встретился с ними, но не пошёл на сделку с совестью и не

стал лжесвидетельствовать, чем не на шутку разозлил Черняка.

- Я тоже однажды столкнулся с этим поэтом по поводу «субботников», - отреагировал Семён. – Меня, с одной стороны, и его, а также Биньямина Фиша и ещё нескольких заинтересованных в "откашеривании" лиц, с другой, пригласили в одну известную общественную организацию на обсуждение галахического статуса «субботников» из сёл Ильинка и Высокий Воронежской области. Черняк утверждал, что их предки каким-то неведомым образом прошли в царской России массовый гиюр. Для него было совершенно очевидным, что раввины тогда настолько горели желанием гиюрить русских вопреки строжайшему запрету со стороны законов Российской империи, - что были готовы и сами навлечь на себя этим смертельную опасность, и осложнить и так плачевное с юридической точки зрения положение российских евреев. В общем, Черняк уверен в том, что раввины в царской России были больны той же самой болезнью, которой страдает и он сам - обсессивной манией массового гиюренья... На мои конкретные исторические вопросы по данной теме он ничего, по сути, ответить не мог. Когда он и его компания поняли, что их позиция на этом "круглом столе" потерпела фиаско, Черняк с Фишем многозначительно переглянулись, и Черняк саркастически спросил Фиша: «Это КГБ?» Он имел в виду меня, их единственного оппозиционера на этом обсуждении. «Нет, это хуже», - ответил Фиш. В Союзе Фиш работал прокурором.

- Ты знаешь, Семён, - сказал Нафтали, - я слышал, что про «субботников» села Высокий сняли документальный фильм. Там самого пожилого деда из этой деревни спросили: «А вы водку пьете?», на что старик ответил: «Нет, только самогон. Яурэйская душа просить!»

- Да, забавно, - ответил Семён. - А Черняк рассказал другую забавную историю. Идёт он однажды с «субботником» по посёлку Высокий. А навстречу им –

мужик, очевидно, православный, потому что у него на шее был крестик. Подходит к нему «субботник» почти вплотную, выпятил грудь, напряг шею и как прохрипит с перекосившимся лицом: «Что, блять, не жжёт?!»

Ответ свыше

Семён задумался: «Почему вокруг сплошные беды?

Раввин, сказавший Булату, что его гойская дочь, прошедшая липовый гиюр – теперь уже якобы настоящая еврейка, - тот раввин в 65 лет заболел страшным неврологическим заболеванием и оказался прикованным к инвалидной коляске. Его речь стала совершенно непонятна окружающим; каким-то чудом жена его всё же понимает.

Воспитательница в религиозной школе для русскоязычных, всячески способствовавшая бракам между еврейскими парнями и прозелитками, в расцвете лет умерла от рака.

У раввина, написавшего в своей книге, что гиюры без настоящего принятия ига заповедей, якобы кашерны, - у него мошенники украли квартиру, и десять лет судебных тяжб не привели ни к какому положительному результату.

За что все эти напасти?»

Ответ пришел, как говорится, свыше.

В тот день Семён, как обычно, утром пошёл в синагогу. Когда закончилась молитва, он обратил внимание, что кто-то оставил в синагоге стопку цветных газеток. Семен взял одну из них в руки, пробежал по ней глазами и обнаружил, что, среди всего прочего, там напечатан один очень интересный и поучительный рассказ:

«Из воспоминаний известного иерусалимского типографа раби Йеуды-Аарона Сэгаля-Вайса. Это произошло в 5665 году (по еврейскому календарю), когда усилилась волна эмиграции христиан в Святую Землю. У

каждой местной церкви были тесные связи со страной исхода. Сбор христианских пожертвований сыграл большую роль в увеличении количества церквей в Иерусалиме. У каждой страны были здесь свои эмиссары, и каждая церковь стремилась усилить свое влияние в Иерусалиме. Для этой цели из-за рубежа к ним поступали огромные средства. В Иерусалиме у них были специальные магазины, в которых паломники могли купить открытки и сувениры на память о монастырях и церквях. Свои типографии были у французской, армянской и греческой церквей, а в сезон массивного паломничества они делали заказы и в еврейских типографиях. Церкви, у которых не было своих типографий, делали свои заказы у евреев [и в остальное время года]. Цены, которые они платили, были высокими, и за счёт этого можно было хорошо заработать.

Грузинский еврей по фамилии Швили, несметный богач, принёс к нам в типографию пятьдесят тысяч конвертов, он не торговался и заплатил не скупясь. На этих конвертах мы должны были напечатать название и адрес православной церкви. Мы это выполнили. После этого тот же еврей принёс нам письма, на которых было изображена церковь на Русском подворье в Иерусалиме, а на церкви – крест. Мы отказались печатать эти письма, ни в коем случае мы не были согласны печатать крест. Этот еврей пристал к нам и стал предъявлять неопровержимые доказательства того, что другие еврейские типографии печатают кресты, но мы стояли на своём. В конце концов, он предложил нам, чтобы мы спросили раби Шмуэля Саланта, великого раввина и праведника.

Когда я зашел к раввину, он, как обычно, приветливо меня принял, не зная, кто я - ведь он был слепым. После того, как я представился, он попросил меня, чтобы я рассказал ему о своём отце. В середине разговора я ему объяснил, какой вопрос привёл меня к нему. Вместо ответа раби Шмуэль соединил свои руки и сказал:

- Я тебе кое-что расскажу. Ты, конечно, был знаком с переплётчиком таким-то и с типографом таким-то; а про этого не слыхал?

Он назвал имена их всех и объяснил: все они позарились на огромный гонорар, который обещали им церкви, и они не сделали ничего особенного, а только переплели или напечатали заказ с изображением христианской символики. В конце концов, деньги, которые они на этом заработали, ушли в небытие, а сами они – один из них ослеп, другой умер в течение года, третий – тоже умер раньше времени.

Раввин добавил, выражаясь намёками:

- Запрет печатать кресты нигде буквально не написан, поэтому согласно букве Закона... (Он сделал паузу) Но имейте в виду...

Раввин не закончил предложение, но было понятно, что он хочет предупредить о тех последствиях, о которых он рассказал прежде.

Я передал слова рава Шмуэля Саланта моему компаньону. И, что само собой разумеется, принять заказ мы отказались. Посредник (грузинский еврей) был вынужден обратиться в другие типографии.

Сегодня, после многих лет я перевариваю в мозгу информацию и вижу, что никто из тех, кто принял тогда заказ, не дожил до старости...

Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, я решил спросить нашего великого раввина рабби Цви Песаха Франка: «Почему все типографы получили такое страшное наказание?» Ведь запрет печатать христианскую символику в наших святых книгах нигде буквальным образом не написан! Рав Франк ответил мне так:

- Нигде в Торе, когда говорится о запретах, нет и намёка на выражение "ревнивый Бог". Только в отношении идолопоклонства говорит Тора "ревнивый Бог, воздающий за грех". Всякий, кто даже лишь слегка дотронулся, - пусть хоть только до "запаха" греха идолопоклонства, - даже того не минует Божья кара».

Семён задумался: да, великий раввин, конечно, не ошибся, выражение "ревнивый Бог" мы встречаем в Торе только в отношении идолопоклонства. Но есть ещё один грех, в связи с которым Тора (в начале недельной главы "Пинхас") говорит "ревность Бога" - объясняя при этом,

что он приравнивается к идолопоклонству: половая связь с нееврейкой. Даже те, кто лишь косвенно способствовали этому греху - и тех, как мы видим, не миновало страшное наказание.

Дорогие братья, евреи! Ещё не поздно предотвратить новую Катастрофу! В преддверии предыдущей - страшного Холокоста - в некоторых государствах Западной Европы процент смешанных браков среди евреев превысил половину! Давайте же всем сердцем, искренне возвратимся к Всевышнему - чувствами, помыслами и делом!

Иллюстрации

Семён читает лекцию
(Рига, 2000-е, фото из архива автора)

Семён и Ариэль в детстве
(Рига, рубеж 1980-х – 1990-х годов)

Титульный лист книги «Еврейские погромы»

Пуримский карнавал в иерусалимской йешиве

Еврейская семья принимает гостей. В центре – Максим, отец Семёна

Глоссарий

Аврех - женатый студент йешивы (точнее, колеля - йешивы для женатых студентов).

Апикорес/апикойрес - человек, отрицающий любую из основ ортодоксального иудаизма.

Арба-миним - "4 вида": плод цедрата, 3 ветви мирта, пальмовая ветвь, 2 ветви ивы. Соединяя вместе эти 4 вида в руках, в праздник Суккот выполняют заповедь "арба-миним".

Будущий Мир

1) В "промежуточный Будущий Мир" (= рай) попадает душа праведника после смерти, где она получает воздаяние за заповеди и добрые дела, которые он совершал в земном мире. "Средние" люди - не праведники и не злодеи - могут попасть в рай после получения исправления (через наказание) их души в аду.

2) "Истинный" ("конечный") Будущий Мир - мир Воздаяния, вечная жизнь, которая начнется для заслуживших её после Воскрешения из мёртвых. Там не только душа, но и тело достигнет небывалых духовных уровней (у каждого человека - различных, в соответствии с усилиями, затраченными им в этом мире).

Галаха, еврейский Закон - свод законов ортодоксального иудаизма. Эти законы были получены Моисеем на горе Синай, и в полном виде изложены в Талмуде, а в сжатом - в книге «Шулхан Арух».

Гет - разводное письмо, написанное специальным образом и врученное женщине в соответствии с законами Торы. Еврейская замужняя женщина может приобрести статус незамужней или посредством получения гета от мужа, или после его смерти.

Гиюр - акт перехода нееврея в иудаизм. Обязательным его условием является вера нееврея во все основы еврейской религии, и принятие им ига всех заповедей ортодоксального иудаизма.

Гиюр над неевреем/нееврейкой производит раввинский суд в составе трёх человек. Процедура гиюра включает в себя несколько этапов. Если хотя бы один из судей, произведших конкретный гиюр, был уличён в нарушении еврейского Закона, этот и другие гиюры, в которых он участвовал, могут быть признаны недействительными. То же самое произойдёт, если выяснится, что любой из этапов гиюра был выполнен без скрупулёзного выполнения требований Галахи, или в случае, когда выяснится, что нееврей/ка обманул/а раввинский суд.

Главы поколения - выдающиеся раввины, глубокие знатоки Торы и праведники, признанные значительной частью ортодоксальных евреев поколения в качестве своих духовных наставников.

Гниза (гениза) - помещение/хранилище, куда складывают вышедшие из употребления святыне еврейские книги и тексты.

Евреи - народ, избранный Всевышним служить Ему. Происходит от потомков Якова (внука Авраама и Сары), которые получили Тору от Всевышнего на горе Синай. Принадлежность к еврейскому народу передаётся генетически по материнской линии. Люди, родившиеся от матери-нееврейки и отца-еврея, евреями не являются. Нееврей может присоединиться к еврейскому народу посредством гиюра.

Иго 613 заповедей - обязанность исполнять 613 заповедей Торы, возложенная Всевышним на евреев. Поскольку одна из 613 заповедей Торы обязывает евреев выполнять также постановления Мудрецов Торы, иго заповедей, помимо собственно заповедей Торы, включает в себя также заповеди и предписания, постановленные Мудрецами. Некоторые заповеди, например, те, которые связаны с Иерусалимским Храмом, в наше время нет возможности выполнять. Посредством исполнения заповедей еврей совершенствует, исправляет и облагораживает не только себя - свою душу и тело, - но и окружающий материальный мир, а также высшие

духовные миры. В конечном итоге, соблюдением заповедей еврей заслуживает себе долю в Будущем Мире.

Иудаизм - учение, которое получили евреи от Всевышнего на горе Синай после их исхода из Египта. Исход из Египта и получение Торы (Синайское Откровение) сопровождались великими чудесами. Учение Торы делится на две части: Письменная Тора и Устная Тора. В разные эпохи от иудаизма отпочковывались еретические учения, отрицающие те или иные основы иудаизма (например, караимизм). В наше время такими учениями являются консервативный и реформистский "иудаизм". Как в караимизме, так и в реформизме и консерватизме отрицают святость Талмуда и всей Устной Торы. В этих течениях полагают, что Устная Тора не была дана евреям Всевышним на горе Синай, а была придумана раввинами, и поэтому, по их мнению, предписания Устной Торы не обязательны и могут меняться в зависимости от конъюнктуры. С точки зрения ортодоксального иудаизма, караимизм, реформизм и консерватизм не являются легитимными формами иудаизма. Ультраортодоксальным иудаизмом называются такие направления ортодоксального иудаизма (например, сатмарский хасидизм), которые ставят между верующими евреями и безбожным окружением гораздо большую стену, чем это принято в "классическом" ортодоксальном иудаизме. Различие между направлениями в ортодоксальном иудаизме заключается не в решении принципиальных вопросов, а в различной расстановке акцентов (например, в "литовском" направлении принято считать, что следует уделять большее внимание изучению Торы, чем молитве; а в хасидском направлении полагают наоборот).

Несколько особняком стоят в ортодоксальном иудаизме мизрахистское (религиозно-сионистское) и модерн-ортодоксальное направления. Наряду с соблюдением всех иудейских заповедей в их среде наблюдается тенденция абсорбировать, пусть и в адаптированной форме, некоторые чуждые иудаизму

ценности современной западной цивилизации. В этих двух последних направлениях стена между ними и безбожным окружением весьма условна. Иногда эти два направления называют ортодоксальными, а остальные - ультраортодоксальными. Автор в этой книге, в зависимости от контекста, использует оба эти термина.

Йешива - учебное заведение, где всесторонне изучают Устную и Письменную Тору, и в первую очередь Талмуд.

Кашерный - соответствующий нормам еврейского Закона, то есть Галахи.

Кипа - маленькая шапочка, которую носят религиозные евреи.

Кирув, кирув рехоким - приближение нерелигиозных евреев к иудаизму, Торе, соблюдению заповедей; иными словами, миссионерская деятельность в среде евреев с целью их приближения к религии своих предков. Заниматься миссионерством в среде неевреев евреям запрещает Галаха - иудейский Закон.

Колель - йешива для женатых студентов.

Литвак - представитель так называемого "литовского", наиболее ординарного и "усреднённого" направления в ортодоксальном иудаизме.

Любавический ребе - руководитель хасидов Хабада.

Миква - бассейн для ритуальных окупаний.

Раввин - условно это слово можно перевести как "иудейский священник", хотя такой перевод неточен, ибо в иудаизме священник - это коэн, который служит в Иерусалимском Храме. По сути, раввин - это глубоко знающий и разбирающийся в Торе праведный еврей, который достаточно подготовлен и способен решать вопросы, связанные с практическим исполнением еврейского Закона.

Псак - решение раввина (или раввинов) в связи с конкретным галахическим вопросом (вопросом, связанным с практическим исполнением Галахи). Для еврея, который поставил конкретный галахический

вопрос конкретному раввину, это решение будет, как правило, обязательным к исполнению.

Сатмар, сатмарский хасидизм - направление в ортодоксальном иудаизме, которое отличается крайним, воинственным антисиионизмом и неприятием Государства Израиль (в отличие от большинства других ортодоксальных направлений, у которых отношение к светскому Государству Израиль более спокойное, умеренно-негативное). В мизрахистском направлении относятся к Государству Израиль положительно, иногда пламенно-положительно.

Синагога - помещение, предназначенное в иудаизме для молитвы и изучения Торы.

Синайское Откровение - акт получения еврейским народом Торы на горе Синай. После выхода евреев из Египта, еврейский народ принял на себя иго 613 заповедей, когда Шхина (ясно осязаемое присутствие Всевышнего) спустилась на гору Синай, а евреи стояли в её подножии. Всё это сопровождалось чудесными явлениями природы. Первые заповеди Декалога Всевышний провозгласил во всеуслышание для всего еврейского народа, а Моше-рабейну (Моисей) поднялся на гору Синай, и Всевышний передал ему всю Письменную и Устную Тору. Впоследствии Моше-рабейну поэтапно обучил Торе всех евреев.

Судный День (Йом Кипур, по-русски: День говения) - один из центральных праздников в иудаизме, День Суда и Раскаяния. В этот день обязателен пост и запрет выполнять работу (так называемая *млаха*).

Семь заповедей сыновей Ноя (Ноаха) - заповеди, данные Всевышним всему человечеству: запрет служить идолам, запрет убивать, запрет красть, запрет заниматься развратом (половая связь с чужой замужней женщиной, с матерью, гомосексуализм, зоофилия), запрет проклинать Всевышнего, запрет употреблять в пищу части живого, неубитого животного, заповедь иметь в государстве эффективно действующую справедливую судебную систему. Нееврей, соблюдающий эти 7 заповедей,

называется Праведником Мира и имеет долю в Будущем Мире.

Талмуд - центральная книга Устной Торы, где сосредоточена значительная её часть.

Тора - Тора делится на две части: Письменная Тора и Устная Тора. Письменная Тора (Пятикнижие) является как бы "конспектом" Устной. Устная Тора состоит из Талмуда, Сифры, Мехильты, Зоара, Мидрашей и некоторых других книг. Наряду со скрупулёзным изложением в Устной Торе правил исполнения заповедей Всевышнего и объяснений, каким образом в Письменной Торе законспектирована Тора Устная, в ней также раскрываются тайны мироздания.

Хабад, хасидизм Хабада, Любавический хасидизм - направление в ортодоксальном иудаизме. В книгах Хабада наиболее полно изложено учение Торы о душе, её корнях и путях её совершенствования, о любви ко Всевышнему и страхе перед Ним. В настоящее время Хабад наиболее активно занимается кирувом, приближением евреев к Торе. Сегодня Хабад стоит несколько обособленно среди большинства других направлений ортодоксального иудаизма. Во-первых, потому что он парадоксальным образом в некоторых своих аспектах стал напоминать мизрахистское и модерн-ортодоксальное течения, а во-вторых, потому что последний адмор (руководитель) хабадского направления, Любавический ребе Менахем-Мендл Шнеерсон был провозглашен хабадниками главой поколения, главным духовным наставником всех евреев, в то время как представители остальных направлений ортодоксального иудаизма его таковым не признали.

Шабат - суббота. Соблюдение шабата, субботний покой является одной из центральных заповедей иудаизма.

Штраймл - особая меховая шапка, которую, согласно обычаю, носит большинство женатых хасидов в субботу и праздники.

Краткое интервью с автором

- Почему вы считаете смешанные браки очень серьёзной опасностью для еврейского народа?

- По еврейскому Закону, евреем является тот, у кого мать еврейка. Тот, у кого отец еврей, а мать нееврейка, евреем не является. С каким народом сам человек себя идентифицирует, с точки зрения еврейского Закона, принципиального значения не имеет. С метафизической точки зрения, душа еврея и нееврея существенно различаются и имеют различные корни в высших духовных мирах. Смешанные браки приводят к тому, что количество евреев на Земле стремительно уменьшается, еврейский народ вымирает. Гитлер уничтожил 6 миллионов евреев, треть еврейского народа. При современном уровне смешанных браков, который в странах Запада сегодня уже превысил 50%, по самым скромным подсчетам, потомство евреев-мужчин в нашем поколении сокращается на одну четверть. На самом деле показатели гораздо печальнее, потому что в некоторых странах процент смешанных браков достиг в среднем 80%. То есть реальные демографические потери еврейского народа, связанные со смешанными браками, соизмеримы с Холокостом.

- Верующий еврей служит Всевышнему по мере своих знаний, сил и умений. Допускаете ли вы иные способы служения Всевышнему, не связанные с религиозной традицией?

- Всевышний Сам в Своей Торе определил, что является служением Ему. Базисное служение Всевышнему - исполнение Галахи, изложенной в книге "Шулхан Арух". Это - базис, а "надстройки" над ним дают широчайшее поле для индивидуального служения Всевышнему: кто-то выбирает сосредоточенную молитву, кто-то - углублённое и всестороннее изучение Торы, кто-то - самоотверженную помощь людям, а кто-то посвящает себя борьбе с внешними или внутренними врагами

еврейского народа. Сегодня один из главных внутренних врагов еврейского народа - смешанные браки. Еврей, который был воспитан нерелигиозными родителями, и был оторван от еврейских корней, зачастую ищет духовности, его душа не знает покоя. Из-за отсутствия воспитания и информации, такой еврей не всегда имеет возможность прийти к Торе, но, тем не менее, его "крик души" не остается не услышанным Всевышним.

Есть чудесная хасидская притча о еврейском ребёнке, которому родители не дали еврейского воспитания и даже не научили еврейской азбуке. Единственное, что он умел, - это играть на флейте. В Йом-Кипур он пришёл в синагогу, и его сердце переполнилось любовью ко Всевышнему. Но он не умел молиться и даже не умел читать молитвенник. Тогда он достал из кармана флейту и сыграл на ней от всей души мелодию, думая при этом, что так он проявляет свою любовь к Богу. Это мелодия, этот чистый, искренний порыв ребёнка был настолько дорог Всевышнему, что благодаря ему Он аннулировал наказание, которое, по постановлению Небесного Суда, должно было спуститься на эту общину.

Моего папу воспитывала воинствующе антирелигиозная мать, да и помимо этого евреи в Советском Союзе были оторваны - не по своей воле - от еврейской традиции. И в этой ситуации его еврейская душа проявляла себя в том, что он бесстрашно позорил антисемитов. Я уверен, что в тех рамках, в которые мой отец был поставлен, это и было его служением Всевышнему - как у того мальчика с флейтой.

Но это исключения. Как правило, - и в первую очередь для тех, кто был воспитан в лоне еврейской религии, - нет служения Всевышнему без базисного соблюдения Галахи.

- Как вы отличите еврея от нееврея, если оба обрезаны, оба нерелигиозные, оба утверждают, что они евреи по национальности, и у обоих нет никаких документов?

- Даже если у них и есть документы, ведь не буду же я в повседневном общении просить у людей мне их показать! Однако, когда речь идет о людях, пришедших из общего географического ареала, как правило, при обычном общении уже становится понятной национальность собеседника. Несколько простых вопросов, начинающихся с "Откуда вы приехали?", заданных, конечно, не в бестактной форме, обычно проясняют картину. Само собой разумеется, что этот метод не действует в отношении людей из других общин - мы не знаем всех деталей их житей-бытья в стране исхода, недостаточно чувствуем их менталитет, не знаем их языковые и поведенческие коды. Если вы задумали жениться/выходить замуж за еврея/еврейку из другой общины, и если вы хотите удостовериться, что он действительно еврей, у вас не будет другого выхода, как обратиться к экспертам по еврейской генеалогии.

- Известно, что в случаях близкородственных браков вероятность врождённых патологий у потомства возрастает. Хватает ли евреям генетических ресурсов, чтобы сохранить «чистоту крови» и при этом избежать вырождения?

- Для еврейского народа, живущего сегодня в Израиле, этот вопрос вообще не релевантен. Конкретные генетические болезни, как правило, распространены только в рамках конкретной общины, например, среди ашкеназов. У не-ашкеназов - другие болезни. Смешиваясь между собой, представители различных еврейских общин, успешно решают эту проблему.

- В современных США большинство синагог относятся к реформистскому течению иудаизма. Их прихожане могут приехать на автомобиле в субботу, нестрого соблюдают заповеди, - и при этом считают себя правоверными евреями. Вы признаёте их еврейство?

- Если у еврея, который считает себя "реформистом", мать - еврейка, то он, конечно, еврей. Идеология и факт того, соблюдает он шабат или нет, на генетику не влияет. А если его мать - прозелитка, которая прошла реформистский гиюр, то, конечно, евреем я его не

считаю. Ибо, с точки зрения Галахи, реформистский гиюр недействителен.

- *Кто ближе вашему сердцу: еврей по рождению, при этом хам, матерщинник, грешник и пьяница, или нееврей по рождению, выбравший для себя иудаизм и тщательно соблюдающий правила еврейской религиозной жизни?*

- Каждый из них мне дорог по-своему.

- *Почему Галаха, иудейский ортодоксальный Закон, запрещает заниматься миссионерской деятельностью в среде неевреев?*

- С принципиальной точки зрения: всё, что создал Всевышний, имеет свою цель и предназначение. Всевышний создал огурцы и помидоры не для того, чтобы превратить огурцы в помидоры, и наоборот. Каждый вид ценен по-своему и незаменим. Евреи и неевреи - это два самостоятельных вида Homo sapiens, с различными целями и предназначением. Предназначение евреев - соблюдать 613 заповедей, а неевреев - 7 заповедей сынов Ноя. Каждый из них, выполняя СВОЁ предназначение, исправляет мир и заслуживает долю в Будущем Мире. Поэтому, по большому счёту, евреи не заинтересованы в прозелитах. Каждый должен оставаться на своём месте и там выполнять свою функцию. Да, Тора оставила такую возможность - чтобы нееврей мог стать евреем - через гиюр. Но Тора ни в коем случае не подразумевает гиюр массовый, а только для единиц - для тех редких неевреев, которые по воле Провидения родились с еврейской душой.

Обращение к читателю

Дорогой читатель!

Я попытался написать эту книгу в увлекательной форме, но на самом деле придумано в ней мало; почти все персонажи взяты из реальной жизни, и описанные в ней события тоже.

Почему я не выбрал жанр мемуаров? Во-первых, потому что жанр мемуаров более жёсткий, он требует от писателя быть очень точным в изложении фактов, не допускать даже минимального вымысла. Во-вторых, жанр мемуаров некоторым людям может показаться скучным, а я хотел, чтобы как можно больше читателей прочитало эту книгу. Оттуда же и не строгое следование хронологии; отсюда и то, что в нескольких случаях детали из жизни одного героя я сделал в этой книге достоянием другого; отсюда и то, что я порой допускал вольности в изложении диалогов - в них я иногда добавлял такие слова и фразы, которые на самом деле человек не говорил, - но, как я предполагаю, он так думал, хотя не высказал вслух. И несмотря на то, что эта книга находится на стыке документального и художественного жанров, она даёт, как мне кажется, достаточно объёмное отражение того, что происходит в настоящую эпоху в мире баалей-тшува - религиозных евреев из бывшего СССР.

В еврейской религиозной литературе получил многогранное развитие жанр биографий великих раввинов; евреи в разные времена писали также исторические хроники - в основном, связанные с погромами и трагедиями еврейского народа. Жанр мемуаров и произведений, описывающих эпоху, развит меньше. Но и здесь мы имеем несколько ярких произведений, среди которых я хотел бы упомянуть книгу главного раввина Москвы рава Якова Мазе "Зихронот" ("Воспоминания", на иврите) и книгу другого ортодоксально религиозного еврея - р. Ицхака Элханана Гебралтера "Ясор йисрани" ("Ты наказывал меня", на

иврите). В обеих из них очень правдиво и полно, порой даже нелюбимо, описывается эпоха: в первой книге - жизнь религиозных евреев в России в период, предшествующий Первой Мировой войне, а во второй - жизнь религиозных евреев в Каунасском гетто под нацистской оккупацией. Рав Мазе не счёл нужным скрыть такие позорные факты, как, например, тот, что *даяним* - уважаемые раввинские судьи Могилёва способствовали тому, чтобы прогнать одного из величайших раввинов нового времени - Мальбима - с поста главного раввина этого города; р. Гебралтер не счёл нужным утаить такие неприятные детали, как то, что один из членов юденрата (еврейской администрации) Каунасского гетто, религиозный еврей, побоями выгонял евреев на работу, а желая отомстить другому работнику юденрата, записал родственников последнего в "чёрный список" евреев, отправляемых в Рижское гетто.

Всё это на первый взгляд вызывает удивление: ведь предание этих фактов гласности, причём упоминая конкретные и не вымышленные имена, вроде бы является нарушением закона Торы о злословии - *лашон а-ра*! Я задал этот вопрос выдающемуся раввину и праведнику, с которым советуюсь по всем насущным вопросам, и он мне ответил так: мемуары и вообще книги, описывающие эпоху, для того и пишутся, чтобы исправить характерные для неё грехи, для того, чтобы люди могли узнать из этих книг сермяжную правду и стать лучше. И эта цель может быть достигнута только тогда, когда в книгах будет написана правда, а не полуправда. Поэтому, описывая все факты без утайки, авторы этих книг не нарушили запрет *лашон а-ра*.

Я мог написать эту книгу на иврите; почему же я выбрал русский язык? Ведь не в последнюю очередь из-за моих книг, написанных на иврите, ортодоксально религиозные израильтяне в последние годы стали всё более осторожными, и когда они занимаются сватовством своих детей, то всё чаще и чаще обращаются за консультацией к экспертам по еврейской генеалогии. К

сожалению, среди религиозных евреев из бывшего СССР такая тенденция еще не получила ощутимого развития. Поэтому эту книгу я решил написать по-русски.

Не так давно на своей работе в раввинате я столкнулся с очень печальным, но, к сожалению, не единичным случаем. Неподалеку от меня живёт уважаемая религиозная семья из бывшего Советского Союза - аврех с семьёй. При регистрации брака их ребенка выяснилось, что прабабушка их детей (т.е. мама мамы жены авреха) - нееврейка. Женщина приехала в Израиль в одиннадцатилетнем возрасте, и её мама скрыла от неё то, что её бабушка (которая умерла задолго до рождения внучки) - не еврейка. Какой шок, какое потрясение получили люди за неделю до планируемой свадьбы своего чада! Язык авреха заплетался, когда, реагируя на полученную информацию, он в сердцах восклицал: «Так что же, вы хотите сказать, что больше двадцати лет я сожительствовал с нееврейкой, совершал один из самых тяжких грехов иудаизма?!» А ведь всего этого можно было избежать, если бы экспертами своевременно была осуществлена профессиональная проверка еврейского происхождения!

Дорогой читатель! Будущее наших детей - в наших руках! По всем вопросам, связанным с предотвращением смешанных браков и с проверкой еврейского происхождения можно обращаться в организацию "Ам Левадад" по тел. +972-548518719 (14.00-15.00, кроме пятницы и субботы) или на электронную почту: am.levadad@gmail.com.